

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Анатолий Косиченко

**ВОЗМОЖНОСТИ РЕЛИГИИ В СНИЖЕНИИ
УРОВНЯ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ СОВРЕМЕННОСТИ:
философско-политологический анализ**

**Алматы
2014**

УДК 2-1 (035.3)

ББК 86.2

К 71

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК*

Под общей редакцией

З.К. Шаукеновой, члена-корреспондента НАН РК,
доктора социологических наук, профессора

Рецензенты:

Н.Ж. Байтенова, доктор философских наук, профессор

Б.М. Сатеришинов, доктор философских наук, доцент

А. Сағиқызы, доктор философских наук, доцент

К 71 Косиченко А.Г.

Возможности религии в снижении уровня вызовов и угроз современности: философско-политологический анализ. Монография / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 200 с.

ISBN – 978-601-304-035-6

Монография посвящена всестороннему анализу позитивных возможностей религии в ее влиянии на современный мир. К сожалению, общественное мнение значительно больше осведомлено в отношении негативных форм проявления религиозности: радикализма, религиозно мотивированного терроризма; распространена исламофобия, широко тиражируются теории межрелигиозных конфликтов, высказываются нравственные претензии к религиозным деятелям. Сама же религия говорит об ее огромных возможностях в духовном возрождении общества, повышении нравственности, в возрождении духовности традиционных культур, в преодолении глобального финансово-экономического кризиса приданием нравственного импульса всей экономической сфере, в оздоровлении современной политики средствами ее гуманизации. Исследование всех обозначенных направлений позитивных возможностей религии и явилось целью монографии. Анализ реальных возможностей религии помещен в самые значимые для религии контексты современности: глобализации, нарастающей секуляризации, падения уровня религиозности в Европе, противоречий между либеральными и религиозными ценностями. Это все – негативные контексты для реализации позитивных возможностей религии, но тем ценнее ее стремление их реализовать. В монографии сделаны оценки положительных возможностей влияния религии на современную политику, экономику, культуру.

Монография адресована ученым-гуманитариям, религиозным лидерам, чиновникам государственных структур, ответственным за осуществление государственной политики в религиозной сфере, студентам, магистрантам и докторантам по специальности «религиоведение», всем интересующимся проблемами функционирования религии в современном мире.

УДК 2-1 (035.3)

ББК 86.2

ISBN – 978-601-304-035-6

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2014

© Косиченко А.Г., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1 ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	9
2 СВЯЗЬ ПРИНЦИПА СВЕТСКОСТИ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ РЕЛИГИЕЙ ЕЕ ПОЗИТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.....	26
3 ВСЕМИРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ПО РЕЛИГИИ.....	41
3.1 Общемировая статистика.....	42
3.2 Характер религиозности верующих в современном мире.....	46
4 РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	51
4.1 Фактический материал по религиозной ситуации в мире.....	51
4.2 Религии и характер религиозности в США.....	59
5 МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ РЕЛИГИИ.....	73
6 ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕЛИГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ.....	81
6.1 Предпосылки активизации религиозного фактора в политике.....	85
6.2 Усиление влияния религиозного фактора на геополитические процессы современности.....	88
6.3 Роль ислама в современной мировой политике.....	92
6.4 Основные тренды развития ислама в Центральной Азии.....	97
6.5 Возможности исламских проектов развития.....	99
6.6 Противодействие религий экстремизму и терроризму.....	103
6.7 Ислам против исламистских идеологий.....	107
6.8 Специфика позитивного воздействия традиционных религий на современную мировую политику.....	115
7 ВОЗМОЖНОСТИ ПОЗИТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИИ НА ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СФЕРУ....	126

8	ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СФЕРУ КУЛЬТУРЫ, НРАВСТВЕННОСТИ, ДУХОВНОСТИ. ВОЗМОЖНОСТИ РЕЛИГИИ В ДАННОЙ СФЕРЕ.....	137
8.1	Ценностная система современного мира: противостояние либеральных и религиозных ценностей.....	140
8.2	Межцивилизационный и межкультурный диалог сегодня: проблемы и возможности.....	152
8.3	Демократические измерения ислама и его вклад в межкультурный диалог.....	171
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
	БИБЛИОГРАФИЯ.....	189
	Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет.....	194
	Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.....	196
	Information on the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.....	198

ВВЕДЕНИЕ

Религия, как совершенно особый феномен современности, привлекает внимание все большего числа экспертов и аналитиков, но приходится признать, что в поле исследовательского интереса попадают в основном те грани функционирования религии, которые связаны с угрозой миру и стабильности: от недемократичности и не толерантности религии до крайне радикальных форм искаженного ее проявления. Понятно, что останавливаться на только лишь таком видении содержания религии абсолютно неверно. Для адекватного анализа роли религии в современном мире необходимо обратиться к истинной ее сущности – быть средством единения с Богом, что сразу объясняет возможности религии нравственно воспитывать общество, духовно его возвышать, консолидировать лучшие усилия человека и социальных слоев, оздоравливать мировую политику и т. д.

В монографии исследуются позитивные возможности религии в ее влиянии на многие стороны личной и общественной жизни, на государства и мировое сообщество. Выделены три области, на которых сосредоточено внимание: социально-политическая, экономическая и культурная – положительное воздействие религии рассмотрено именно в отношении них. При этом особое внимание уделено позитивному воздействию религии на социально-политическую сферу современного мира, так как именно эта сфера остро нуждается хотя бы в минимальном одухотворении: ее сегодняшнее состояние полно противоречий, двойных стандартов, агрессии и чревато глобальными потрясениями.

Вследствие абсолютного доминирования потребительских ориентаций современного человека, финансово-экономическая сфера также подвергается анализу в монографии под углом некоторого нравственного ее оздоровления. Экономика и религия на сегодня разведены до предела, так как экономика ориентируется на извлечение максимальной прибыли, что де-

дает экономическую сферу абсолютно бездуховной, а религия призывает к социальному партнерству в бизнесе и необходимости повысить нравственную ответственность бизнеса. В какой мере возможно «внедрение» в финансово-экономическую сферу религиозных принципов и ценностей – второй крупный блок анализируемых в книге проблем.

И, наконец, влияние религии на культуру и нравственность – третье направление исследования. Здесь у религии большие возможности, и, однако, и в этой сфере «эффективность» религии невелика, чему мы видим ряд причин: разрушающее традиционные культуры воздействие глобализации, отказ самой культуры от глубинных интенций, нарастающая бездуховность современных обществ. Возможности восстановления духовности культуры связаны с пониманием того обстоятельства, что религия лежит в основании почти всех культур, и что она является внутренней энергетикой развития культур.

Вместе с тем приходится признать, что даже и поверхностный обзор вопросов и материалов, связанных с темой позитивного влияния религии на современный мир, да и просто обыденное сознание фиксируют картину почти полной неспособности религии хотя бы в минимальной степени оказать это позитивное воздействие. Негативные стороны околорелигиозной реальности всем хорошо известны и на слуху, а о позитивном ее воздействии на какие-то крупные события и процессы, подобные, например, украинским последнего времени, не слышно.

Реализация возможностей религии оказывать позитивное влияние на современный мир – один из центральных вопросов нашего исследования. То, что религии в принципе могут позитивно влиять на различные аспекты бытия современности – бесспорно. Но каковы условия этого влияния, каким образом религии могут осуществить это влияние, от чего зависит эффективность данного влияния – вот круг вопросов, которые надо обсудить предварительно. Очевидно, что современный мир «впустит» религию в качестве действенного средства воздействия на него только при выполнении религией целого ряда условий. Религия должна при этом соответствовать требованиям, предъявляемым каждому субъекту подобного воздействия.

Такой субъект обязан «работать» на поддержание существующих парадигм развития. Чего-нибудь нового или тем более разрушительного для существующей мировой системы мир не допустит. Религия с этой точки зрения не просто нежелательна в качестве средства воздействия, она опасна. Она способна противостоять современному секулярному миру и его ценностям. Но отдельные проявления религии, особенно моменты ее, связанные с ее негативным использованием в интересах конструирования еще более жесткого мирового устройства, дизайнеры современного мира вполне могут допустить.

Подчеркнем, что нам надо исследовать реальные, а не надуманные позитивные возможности религии. Надо понять, почему религия способна к миротворчеству, в каких конкретных формах она реализует эту способность. Точно так же надо выявить ее реальные позитивные возможности в других сферах человеческой жизнедеятельности: в экономике, в культуре, в духовной сфере. Для этого необходимо исследовать внутреннее содержание религии, ее духовно-практическую сторону. Но этого мало. Изучив духовно-нравственные способности религии снижать конфликтный потенциал, надо затем применить эти способности в конкретных условиях и в отношении конкретных обстоятельств – например, вызовов и угроз современности. Это – достаточно новая стратегия исследования.

Идеи актуализации позитивных возможностей религии в экономике, политике, культуре и иных сферах высказываются довольно часто. Однако, все наработки в данном направлении носят или общий, довольно абстрактный характер, или публицистичны. Причем уровень работ по аналогичной тематике существенно разнится. Наиболее грамотными выглядят работы Н. Бердяева, Ж. Маритена, И. Ильина, С. Франка, протестантских богословов, самым заметным из которых является П. Тиллих. Этими исследователями был поставлен основной вопрос: следует ли пытаться религиозными средствами улучшить окружающий мир или предметом религии является только душа человека? Хотя упомянутые мыслители относятся к прошлой эпохе, впрочем, не очень отдаленной от нас, актуальность их работ не понизилась, так как наши современники не мыслят столь масштабно и глубоко.

Много говорят об огромных возможностях религии крупные религиозные деятели. Даже если согласиться с тем, что они должны так говорить для сохранения своего авторитета и для приумножения паствы, все же в их словах много правды: религия обладает очень большими позитивными возможностями. Религиозные лидеры это хорошо знают. Папа Римский Франциск ориентирует свою церковь на углубление социального служения. Известно, что задача социального служения в явной и осознанной форме стоит перед Римско-католической церковью уже второе столетие. Концепция социального партнерства, как средство, примеряющее работников и работодателей, как способ хотя бы некоторого нравственного оздоровления экономических отношений – заслуга РКЦ. Православные церкви с середины XX века также активизировали деятельность в этом направлении. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, пишет и говорит по данной проблематике непрерывно, глава синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию церкви и общества протоиерей В. Чаплин выступает едва ли не каждодневно по актуальным вопросам российской действительности, в которых религия, и в частности православие, способны играть весомую роль. Для ислама идеи социальной справедливости – одни из центральных. Исламские лидеры во многих странах требуют и от своих правительств, и от мирового сообщества реализации позитивного потенциала ислама. Сюда же можно отнести и инициативы экс-президента Ирана М. Хатами, выдвинутые им на Саммите тысячелетия ООН в 2000 году (правда, скорее со светских позиций). Все мировые религии не прекращают усилий по одухотворению культуры. Вплотную к проблематике положительной роли религии в политике в ходе своей работы приблизились и четыре проведенных в Астане Съезда лидеров мировых и традиционных религий (2003, 2006, 2009, 2012 гг.) В итоговых документах Съездов отмечается, что религия способна внести в современную политику миротворческий и нравственный импульс – в чем политика современности так нуждается. Так что религии стремятся проявить свои позитивные возможности в разных сферах жизнедеятельности человека, и хотя успехи пока не велики, но позитивный потенциал религий очень высок.

1 ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В чем состоит позитивная роль религии применительно к современному миру, какими средствами религия способна понизить потенциал вызовов и угроз современности, каковы ее возможности в этом отношении, что мешает религии в реализации этих возможностей, в чем заключается специфика позитивного влияния на современный мир различных мировых религий – вот круг вопросов и, соответственно, проблем, которые подняты в этой части работы.

Религия, оказывает значительное влияние на современный мир. Но каково это влияние в его центральных моментах, каковы его последствия, меняется ли мир под этим влиянием, каким образом можно углубить позитивное воздействие религии и вместе с тем снизить негативное влияние мнимой религиозности, псевдо-религиозных объединений, использования религиозной риторики в деструктивных процессах современности? На наш взгляд, это основные вопросы, связанные с функционированием религии в обществе и государстве на сегодня.

Необходимо подчеркнуть, что при рассмотрении влияния религии на самые разные грани личной и общественной жизни человека исследователи, как правило, ставят в центр внимания социально-политические, экономические, культурные аспекты религии, но оставляют в стороне ее внутреннее, сущностное содержание, что, конечно же, сказывается на глубине исследования и адекватности его результатов. Предполагается, что при аналогичных исследованиях, когда целью анализа являются именно социально-политические аспекты религиозности, сущность религии – по умолчанию – как бы известна, и присутствует в качестве концептуального основания исследования. Однако на практике это не всегда так, можно сказать, чаще всего не так, и анализ разнообразных вопросов функционирования религии осуществляется без достаточного понимания ее

сущности, что во многих отношениях обесмысливает такого рода исследования.

Мы не станем подробно останавливаться на раскрытии сущности религии, подчеркнем лишь, что ее сущностью является спасение души человека для вечной жизни, одухотворение человека на путях приближения его к Богу или, как пишут богословы, обожение человека, в такой мере, что это позволяет ему надеяться ни обретение Царства Небесного, иначе сказать, Рая. Понятно, что абсолютное большинство религиоведов и политологов, обращающихся к анализу проблем роли и значения религии, не исходят из такого ее понимания, и описывают влияние религии, привлекая только ее социально-политические измерения. В дальнейшем изложении постараемся избежать недостатков такого подхода, постоянно удерживая сущность религии «перед мысленным взором», и именно ею объясняя те или иные аспекты влияния религии на современный мир.

При общем согласии в том, что религия влияет на современность, эксперты, в основном, обращают внимание на негативное влияние религии, будь это влияние в форме сужения мировоззренческого горизонта личности, или в деструктивном воздействии новых религиозных движений, или даже в форме религиозно мотивированного экстремизма и терроризма. Эксперты обращаются к анализу негативного влияния религии вследствие социального заказа общества, явного или неявного, ведь угрозы безопасности обществу и государству – актуальный предмет исследований. С этим можно согласиться, но, сосредотачиваясь лишь на негативных аспектах влияния религии, мы забываем о позитивных проявлениях и возможностях религии, а они значительно более существенны для видения перспектив развития человечества.

Религия в сущности своей, так сказать сама по себе, изначально и на все времена исключительно позитивна для человека, общества и государства. Представляя собой процесс восстановления утраченного единства человека и Бога, она обязывает человека духовно и нравственно развиваться, соответствовать божьему промыслу о человеке, быть свободным и ответственным, любить окружающих, с почтением относиться к власти,

быть гражданином и патриотом. Это очевидно для истинно верующих людей, но сомнительно для многих других.

В массе своей современный человек не верует в Бога, хотя и считает себя верующим в нечто. Смутность и неясность веры; вера в нечто высокое; вера в абстрактный Абсолют; в разумность мира; в энергетическое информационное поле, хранящее сведения обо всех и обо вся; мистика и эзотерика; «хорошесть» человека самого по себе – все это не является религиозной верой, а является духовным заблуждением. Из сферы этого духовного заблуждения и проистекают все сомнения в том позитивна ли религия для общества или, скорее, негативна, представляет ли религия угрозу для мира, вносит ли она «разброд и шатания» в сознание современного человечества, является ли формой противостояния и т. д. Одного религиозного просвещения достаточно, чтобы рассеять все эти недоразумения в отношении религии, а дальнейшее религиозное образование вообще устранил все вопросы о сущности, роли и влиянии религии. Именно поэтому религиозное просвещение и образование крайне необходимо для государств, подобных Казахстану на современном уровне его развития.

Неясность всей ситуации вокруг религии в современном мире усугубляется и политикой ведущих мировых держав. На государственном и международном уровне эти державы в отношении религии принимают законы и проводят политику, которую никак нельзя назвать обоснованной и оправданной. Эта политика порождает противоречия внутри обществ во многих государствах (противоречия между верующей частью общества и неверующей), противопоставляет христиан и мусульман в различных частях мира, ведет к «вымыванию» веры, приводит к ее маргинализации, к вытеснению ее на периферию общественного сознания, делает нелегитимными всякие упоминания о Христе, о Мухаммаде, о сущности религиозных праздников, дискредитирует религиозные ценности. Даже, казалось бы, такие пространственно далекие от Европы и США события как преследование христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке, объемы которых сегодня нарастают, или активное поощрение столкновений между суннитами и шиитами в регионе – даже

эти процессы в значительной мере являются продолжением и результатом все той же политики в сфере религии. И все это работает на создание образа религии как агрессивной силы современности, как многоплановой опасности, или в лучшем случае, как рудимента, от которого давно пора избавиться.

Мнимо-почтительные, мнимо-религиозные стереотипы, господствующие в общественном сознании большинства наших современников, создают впечатление религиозной насыщенности общественной и государственной жизни современного мира, что на деле далеко не так. Действительно, можно видеть, что отношение к религии на всех уровнях более чем почтительное, свобода совести – центральный момент прав человека, каждый человек волен верить во все что-угодно или не верить вовсе, абсолютное большинство государств мира носят светский характер, мировое сообщество отслеживает нарушения прав в религиозной сфере и посредством различных механизмов вынуждает страны-изгои исправлять положение – т. е., казалось бы, все прекрасно в сфере отношения религии и современного мира. И, однако, религиозность по всему миру падает, вера превращается в маргинальность, грех господствует, в мировой политике религия в ее позитивном значении присутствует минимально.

И даже в этих практически антирелигиозных условиях религия способна многое сделать для снижения уровня угроз современности. Рассмотрим эти возможности. Очень значительной на сегодня угрозой является агрессивность мировой политики. Эта угроза практически неустранима никакими иными средствами, кроме религиозных. Почему? Да потому, что всякое противодействие агрессивности мировой политики будет только способствовать росту этой агрессивности – что мы повсеместно и наблюдаем. Религия же способна «растворять» агрессивность, смягчать ее, потому что в ее арсенале имеется единственное средство против агрессии – не отвечать злом на зло, но отвечать добром. Можно сказать – это прекраснодушие, это абстрактно: так легко говорить, но что следует делать конкретно? В том-то и дело, что нет одного совета на все случаи проявления агрессии, всякий конкретный случай требует своего специфического ответа. Но общий принцип указать можно.

Надо не поддаваться на агрессию, не надо реагировать предсказуемым образом – такая реакция заложена в дальнейшее развитие событий по запланированному сценарию. А надо выйти из ситуации, разрешая ее с более высоких позиций, нежели ожидается. Религия – одна из немногих сфер, которая сама, будучи высокой, может подсказать конкретное содержание этих более высоких позиций. Религия знает как можно, уступая в неважном, сохранять значимое и ценное.

Основное и самое главное в возможности религии быть очень мощной силой состоит в том, что духовная сфера – а религия регулирует эту сферу – идейно, реально, грубо материально и даже энергетически предопределяет все остальные сферы и области действия человека. Именно духовное – суть и сущность человека, а значит и общества и государства. Все мощнейшие силы современности в своем воздействии на мир редко явно, чаще скрытно и латентно, совершают свои манипуляции именно в духовной сфере, добиваясь желаемого результата. На поверхности, в сфере явлений, мы видим в качестве инструмента влияния силу, деньги, интриги, искаженное международное право и т. п., и потому этим формам и приписываем действенность и эффективность. Но они – только внешнее проявление, за ними стоят задачи и цели совершенно иного свойства. Господство над миром неполно без духовного господства, а если говорить по существу, именно духовное господство и является истинной, конечной целью господства. А дух – сфера религии. Вот почему так важна, так абсолютно значима религия сегодня, вот почему в эту сферу вбрасываются ложные стереотипы и запутывающие сознание, якобы объяснительные принципы, – все это делается для того, чтобы скрыть, спрятать определяющие цели и методы управления основными процессами современного мира.

Многие из современных угроз порождаются противостоянием интересов государств, сообществ, народов, этносов, идей и т. д. То есть, в основе многих угроз лежит противостояние. Но противостояние – уже устарелый способ «настаивания на своем». Значительно более эффективно сегодня «поддаться, чтобы победить» – в хорошем смысле этой сентенции. Вообще, имеется правило, плохо известное современным людям, по-

грязшим в низменности желаний и намерений. И суть этого правила такова: надо всем пожертвовать, чтобы все иметь. И опять-таки, этот ответ религии может показаться абстрактным, но он предельно конкретен, для тех, кто понимает. И в современном мире, в котором только проигрыш остается вступившим на путь борьбы позже других, – а таковы мы и как люди и как страна, не следует игнорировать возможностей, которые предоставляет такой, казалось бы, «слабый» игрок на мировой арене, как религия. В немощи творится сила – как указывает тот же источник; и это абсолютная правда.

Что же может ответить религия на эти несправедливые, но повторяющиеся обвинения, что она может реально предложить миру, в чем состоят и как могут реализовываться позитивные возможности религии, например, ее возможности в снижении уровня вызовов и угроз современности? Отметим, что позитивная роль религии отрицается сегодня далеко не всеми. Напротив, растет число организаций светского, полу-светского и религиозного характера, которые напрямую ставят своей задачей разработать способы и формы позитивного воздействия религии на современность. В этой связи можно упомянуть такие международные организации как «Диалог цивилизаций» и «Альянс цивилизаций». Заметными инициативами в области межкультурного и межрелигиозного диалога, направленного на реализацию положительных возможностей религии, стали: «Бахрейнский диалог цивилизаций», Международная организация «Средиземноморский дом», Международная ассоциация «Мир через культуру – Европа», Платформа «Диалог Евразия», ряд мероприятий ООН и ЮНЕСКО. И все же возможности религии намного действеннее и главное существеннее, нежели это демонстрируют указанные структуры.

Дело в том, что, считаясь с господствующими в современном мире средствами и способами решения задач и проблем, авторы и сторонники отмеченных инициатив при всем своем искреннем стремлении реализовать возможности религии остаются в «плёну» этих доминирующих способов и форм разрешения проблем. Инициаторы становятся на точку зрения всеобщего восприятия проблем, при этом пытаются решить их

с устраивающей всех позиции. Естественно, что специфические возможности религии при этом утрачиваются. Как они могут проявиться, если атеисты, например, требуют чтобы позитивное влияние религии облекалось во внерелигиозные формы (таково по их убеждению условие объективности подхода к решению задач). То есть, к религии отношение сохраняется по-прежнему внешнее, и использовать ее хотят внешним образом, а внешним образом ее использовать нельзя – отсюда и неудачи в привлечении позитивного потенциала религии.

Повторим, что уникальность религии, как очень специфической формы бытия, при внешнем понимании ее как социально-политического феномена ускользает от анализа. При таком понимании упускается из виду как раз самое важное и существенное в содержании религии – быть связью между Богом и человеком, являться средством спасения души человека для вечной жизни. Внерелигиозное сознание не принимает этой сущности религии, и фиксирует только ее внешние определения, внешнее проявление. Политические и социальные науки также обращаются к религии лишь в ее внешних, социально-политических проявлениях. Поэтому крайне редко в политической науке можно встретить адекватный анализ религиозных феноменов. Исследование религии как феномена общественного бытия кое-что дает для уяснения функционирования религии в обществе и государстве, но не позволяет понять самые глубокие, сущностные пласты религии. А обращение к этим глубинным пластам религии необходимо для уяснения истинной роли религии в обществе и государстве, например, для анализа связи религии и прав человека – что становится особенно актуальным сегодня, когда секулярный мир выстраивает всю совокупность отношений человека с окружающим миром только на светских или вовсе атеистических основаниях. Глубинное видение сущности религии требуется сегодня и для того, чтобы увидеть весь спектр позитивных возможностей религии в ее влиянии на общество, государство, мировую политику, систему международных отношений.

Религия создает специфическую реальность (вследствие того, что религия есть связь человека с Богом). Эта реальность

носит глубокий, внутренний, фундаментальный для мира характер. Она определяет все иные измерения реальности, она – основа бытия. Обращение к этой реальности делает человека могущественным. Способ этого обращения уникален, как уникальна религия, и концентрируется вокруг двух центральных для религии «методов» проникновения в сущность мира: полагание на Бога и молитва. Молитвой, например, согласно религии, можно все улучшать, делать более человеческим. Вот в богослужениях и молятся обо всем: о благополучии народа и страны, о власти, о восстановлении утраченного единства с Богом. По вере и дается. То есть, верой можно творить реальность. Это – азбучные истины для верующих, но неизвестно для большинства.

Было бы нелепостью требовать от политиков, чтобы они вместо дипломатических и силовых методов для решения встающих проблем прибегали к молитве. Да и сами религиозные лидеры, которые должны были бы реализовывать «стратегические» возможности молитвы, нередко «заражаются» массовидными, господствующими на сегодня способами решения вопросов разного рода, в том числе и вопросов собственно внутрирелигиозных. Вместо того, чтобы предлагать политикам решать проблемы средствами, тесно связанными с духовностью и нравственностью, – что и самим религиозным лидерам сегодня представляется не вполне удачным советом в адрес политиков – эти лидеры перенимают у политиков политические методы «ведения дел». Конечно же, в сфере политики и экономики нельзя отказываться от адекватных для них способов и форм их развития и решения встающих проблем т. е. от политических и экономических методов – эти методы возникли и сформировались самим содержанием экономики и политики. Но духовно «оздоровить» политику и экономику сегодня просто необходимо: стало общим местом говорить о нравственных и духовных истоках глобального кризиса современности, в том числе и перманентного финансово-экономического кризиса. А духовно оздоровить политику и экономику возможно только средствами религии, ибо только религия – источник нравственности и духовности.

Иными словами, для воплощения возможностей религии в вопросах улучшения, одухотворения, возвышения политических и экономических реалий надо считаться с законами религиозной сферы, так же как мы считаемся, например, с законом всемирного тяготения, и не прыгаем с двадцатого этажа, понимая, что разобьемся. Почему же в одном случае мы учитываем законы физической реальности, а в другом игнорируем законы реальности религии? Потому, что современный человек стал малорелигиозен, он не является верующим, не верит в законы бытия по Богу. Вот он и потерял возможность к воплощению реальности религии. А мы, взирая на «неэффективность» религии говорим: религия мало что может. Даже Иисус, как говорит Евангелие, не сотворил многих чудес в отечестве своем по неверию «земляков». Отсутствие веры не позволяет реализовать возможности религии. Это – главное, в силу чего религия не проявляет своих позитивных возможностей в современном мире. Значит, надо верить, для того, чтобы религия смогла проявить эти возможности. Это не трудно. В известном смысле не верить даже сложнее, чем верить. И для того и для другого необходимо усилие. Но атеистический мир привык делать усилия безверия, это естественно для него.

Одним из самых сильных аргументов, оправдывающих отсутствие усилий по одухотворению политики, экономики, культуры, вообще всякой формы жизнедеятельности человека, является ссылка на инаковость религиозной реальности миру. Известно изречение: «Царство мое не от мира сего». Но тезис этот не призывает к пассивности, к отказу от духовного улучшения мира, от оздоровления и политики и экономики. Напротив, коль скоро Царство ... не от мира, то мир надо одухотворить. В «Основах социальной концепции Русской православной Церкви» по этому поводу сказано: «Церковь призывает своих верных чад и к участию в общественной жизни, которое должно основываться на принципах христианской нравственности. ... Недопустимо манихейское гнушение жизнью окружающего мира. Участие христианина в ней должно основываться на понимании того, что мир, социум, государство являются объектом любви Божией, ибо предназначены к преображению и очище-

нию на началах богозаповеданной любви. Христианин должен видеть мир и общество в свете его конечного предназначения, в эсхатологическом свете Царства Божия» [27, I. 3]. И это не просто красивые слова, это внутренняя позиция религии. Это не означает, что религия не хочет видеть жестокости окружающего мира. На самом деле религия лучше иных воззрений видит недостатки мира. В том же документе говорится: «В то же время христианин – политик или государственный муж – должен ясно сознавать, что в условиях исторической реальности, а тем более в контексте нынешнего разделенного и противоречивого общества, большинство принимаемых решений и предпринимаемых политических действий приносит пользу одной части общества, одновременно ограничивая, либо ущемляя интересы и желания других. Многие из упомянутых решений и действий неизбежно сопряжены с грехом или попустительством греху. Именно поэтому от православного политика или государственного деятеля требуется крайняя духовная и нравственная чуткость» [27, V. 3].

Итак, повторим, религия обладает возможностью и способностью позитивного воздействия на мир. Имеются глубокие онтологические основания для такого воздействия, и они состоят в следующем. Религия содержит знания о сущности мира, сотворенном Богом любовью. И поскольку любовь является творческой силой, которой мир и его законы обязаны своим существованием, то когда мы поступаем по любви, мы задействуем самые глубокие взаимосвязи мира, он поддается любви, так как она – его основа. Этот тезис не очевиден для многих людей, которые могут сказать, что мир произошел сам из себя в ходе эволюционного развития, и любовь здесь не причем. Но не верующие люди безразличны к позитивным возможностям религии, как они, в лучшем случае, посторонни и религии. Агрессия, которая сегодня господствует повсеместно, и которая «встала» на место любви, заменив ее в качестве творческого акта, порождает мир жестокий, уже привычный нам как раз из повсеместности присутствия агрессии. Но и агрессия, при глубоком ее понимании, не является естественно-историческим следствием развития мира и отношений в нем. Агрессия тоже «вброшена» в мир, как

и любовь. Но если любовь есть акт Бога, то агрессия – акт демонский. С одной стороны – добро, с другой – зло.

В конфликтах последнего времени с очевидностью присутствуют религиозные аспекты. Следовательно, религия уже вовлечена в пространство острых политических противостояний. При этом, однако, фиксируются лишь негативные аспекты присутствия религии в конфликтах. Но коль скоро религия в них присутствует, можно сделать вывод, что она оказывает влияние на характер и ход конфликтов, и, следовательно, у религии есть рычаги влияния на конфликт. Некий парадокс заключается в том, что религия – гуманный, мирный, духовный феномен, а проявляется она в конфликтах не в этом качестве, но прямо противоположным образом. И неважно, что нам говорят, что это не религия себя так проявляет, что религию вовлекают в конфликты, деформируя ее сущность, прибегая ко лжи, искажая образ религии и т. д. (с чем мы склонны согласиться). Фактом, однако, остается то, что религию вовлекают в конфликты, и при этом конфликты ужесточаются. Почему религия не может быстро, явно, успешно проявить свои миротворческие возможности? В эту многослойную ситуацию нам надо пристально всмотреться: она может дать ответы на интересующие нас вопросы о принципиальной возможности религии быть средством умиротворения (в широком смысле) в современном мире.

Первый вывод, который напрашивается, таков: религия не плоха и не хороша, она может быть и такой и иной, все зависит от того, кто и с какими целями воспользуется ее возможностями. Привлекут ее в качестве средства противостояния, она так себя и проявит. Удастся привлечь ее в качестве средства умиротворения – она и эти возможности проявит. Пусть так, но религия сама по себе, как очень весомый и значимый феномен, она-то, что собой представляет в контексте поставленной проблемы? Она, что – только пассивное содержание, которое кто как захочет, так и актуализирует? Она, что – только спектр возможностей? Где ее собственный голос, каково его содержание?

Религия, как средство взаимоотношений человека и Бога, общества и Бога, предполагает присутствие Бога – как одной из сторон такого взаимоотношения. А Бог во всех мировых рели-

гиях – абсолютно добр, милостив и милосерд. От Него не может исходить зла, Он не может быть источником агрессии, которую религия, якобы, проявляет, когда участвует в конфликтах. Следовательно, на каком-то этапе вовлечения религии в конфликт происходит подмена религии на некий иной феномен, имеющий отношение к религии, но ею не являющийся. В какой-то момент вовлечения в конфликт религия перестает быть религией и становится чем-то иным – жесткой этнической позицией, например, или политическим проектом в другом случае и т. д. А религия, как таковая, «идет в пристежку» к этим совсем не религиозным процессам. Она именно вовлекается как элемент этнической идентичности, или как общественная сила, которую можно представить моментом политического или иного конфликта. Поскольку религия пронизывает собой буквально все аспекты жизнедеятельности человека и общества, некий отдельный ее аспект и некоторое ее содержание всегда можно выдать за все содержание религии, и этот-то аспект и вовлечь в конфликт, при этом утверждая, что религия является активной силой конфликта.

Это, во-первых. Во-вторых, религия – далеко не пассивная сила и не меняет своей сущности в зависимости от того, кто ее привлечет на свою сторону. Попытки привлечения религии на свою сторону всегда в истории были, и религия, по-видимости, оказывалась то на одной стороне, то на другой. Но именно, по-видимости, вроде бы. Впоследствии всегда становилось ясным, что различные стороны только имитировали привлечение религии на свою сторону, религия же оставалась вне их интересов. И опять-таки, то, что было привлечено, не являлось религией, а было ее видимостью. Всегда брали не религию, а ее политические или социальные или юридические проекции, фрагменты ее, именно их эксплуатировали, в то время как религия реальна и действенна только в полноте своего содержания. Например, взять известнейший средневековый принцип «чья власть, того и религия». Казалось бы, как можно усомниться в его реальности и широком хождении? Имеется множество фактов его реализации. Но религию ли утверждали властью (в соответствии с данным принципом) на той или иной территории, в пределах

владения короля, другого властителя, или утверждали нечто иное, что только по имени было религией? Да, именно так и происходило, это и была отнюдь не религия, но политическая ее проекция, сила ее юрисдикции, властные ее полномочия или еще что-то, всегда нечто производное от религии, но никогда она, как таковая. Религию нельзя монополизировать, ее сфера если кому и принадлежит, то только Богу. И так во всем.

Если обратиться к позитивным возможностям религии в ее воздействии на политику, то приходится констатировать, что на сегодня выведение политики из-под такого позитивного воздействия религии осуществляется сознательно и с определенными целями. Эти действия необходимы для осуществления политики двойных стандартов, вообще насилия над здравым смыслом и минимальной справедливостью в международных делах. Религия мешает проведению такой политики. Поэтому ее устраняют из всех сфер общественной, государственной и международной жизни. Абсурд мировой политики сегодня достиг апогея. Становится ясным, что на тех отношениях между государствами, которые сегодня не только все более отходят от партнерских, добрососедских отношений, но в которых утрачивается и элементарная правосубъектность страны, невозможно выстроить более или менее устойчивую систему международных взаимодействий. И, следовательно, мир погружается в хаос. Религия, если и не напрямую, то посредством подходов, близких к здоровым, содержащим традиционные, отчасти моральные принципы, имеющие исток в религии, становится предельно востребованной. Иначе хаос перейдет в трагедию саморазрушения человечества.

Казалось бы, можно обойтись и без всякого морального оздоровления мировой политики, тем более, что агрессивные, абсолютно бесчеловечные способы, которыми сегодня решаются проблемы, демонстрируют, при поверхностном взгляде, свою успешность. Но даже неглубокий анализ позволяет сделать заключение о том, что агрессивными способами задачу можно решить лишь временно, но устойчивостью такое решение обладать не будет, и в скором времени проблема встает вновь, причем в еще более сложной, отягощенной форме. Так что

агрессивные и бесчеловечные решения не решают проблем, но лишь временно отодвигают их решение. Устойчивостью обладают такие решения, которые базируются на разрешении противоречий и острейших проблем не внешними для противоречий способами, но на путях решения проблемы по существу. А последнее возможно только при обязательном учете реальных глубоких причин, которые и привели к противоречию или проблеме. Анализ генезиса этих причин показывает, что в их основе лежит забвение или явное нарушение принципов справедливости, игнорирование нравственной природы прав человека или социальной группы, отказ от ответственности как условия реализации свободы. Тем самым вся проблематика, к которой привлекает внимание религия, предстает во всей полноте, и религия становится обязательным компонентом действительного, а не мнимого, решения острейших проблем современности.

Кроме религии ничто не может выдвинуть целостного видения сущности политики как реализации интересов человека и общества. Конечно, есть представление о достоинстве человека, о целесообразности реформ в обществе и на уровне политических решений, есть права человека, но все это безжизненно и не действенно вне религии. Почему? Да потому, что именно религия вскрывает реальный исток и прав человека, и свободы, и достоинства – в религии обосновываются принципы взаимосвязи человека, свободы, ответственности, достоинства, сущности политики и смысла бытия человека. Попытка либерализма подменить собой религию в обосновании прав человека и всего иного, упомянутого выше, провалилась. Обнаружилось, что либерализм «позаимствовал» эти понятия у религии – именно религия дает всем этим понятиям содержание, но либерализм выхолостил их, попытался переформатировать, но не смог, оставил только термины. И теперь либерализм произвольно толкует эти термины, и на таком, лишенном основания фундаменте, выстраивает «новый мировой порядок», подминающий человека под себя. Агрессивная и вместе бездарная политика нашла в либерализме свое теоретическое оправдание, а, возможно, эта самая политика и породила специфический либе-

рализм, к которому она теперь и апеллирует – что, по существу, одно и то же.

Современный мир не построен на религии или построен на ней в исчезающее малой степени. Он считает религию одним из феноменов сознания и формой социальности. Он не хочет понять, что религия – способ воссоединения с Богом, возвращения к Творцу, восстановления смысла бытия и жизни человека. Современный мир стремится сам построить свою жизнь. Он не может принять Бога, так как тогда ему пришлось бы изменить все парадигмы современности. Поэтому вера в Бога и жизнь в соответствии с этой верой (т. е. религия на практике) не является доминирующим мировоззрением сегодня. Современный мир готов допустить существование религии, но только как одного из множества мировоззрений, какие имеются в арсенале человечества на сегодня. Более того, сегодня растут антирелигиозные тенденции, и мир становится нерелигиозным. Это проявляется во всем.

Видение религией смысла и идеала социального устройства вытекают из вероучения религии. Смысл социальной жизни напрямую связан с сущностью веры и является проекцией веры на общественное устройство. Отсюда, даже не зная содержания конкретных наработок в области социальных концепций той или иной религии, можно довольно точно установить приоритеты этих концепций. Причем даже в пределах одной религии, например, христианства, заметны различия между православным и католическим подходом в выстраивании «наилучшей» формы общества.

Религия – мощный источник генерирования идей в отношении общественного устройства, так как «общественное бытие входит в...состав духовной жизни и есть как бы ее внешнее выражение и воплощение» [45]. Но весь комплекс этих идей настолько отличается от доминирующей в мире стратегии выстраивания общественных отношений, что для «обывателя» всегда является новостью то обстоятельство, что религия имеет свое очень глубокое видение смысла и содержания социальной жизни.

Свой вклад в искажения представлений о возможностях религии строить социальную жизнь на религиозных основах вно-

сит современная либеральная мысль, утверждающая, что религия не имеет общественного измерения и что религия – это частное дело каждого человека, а не общества. Лишая религию социального, общественного измерения, архитекторы современного мира, прибегая к либеральному лобби, ими же и организованному, вытесняют религию на периферию общественного бытия – какие уж тут предложения религии об улучшении и совершенствовании организации общества. «Последовательная секуляризация европейской цивилизации, берущая начало с эпохи Возрождения, в наши дни приобрела беспрецедентный масштаб. Отказ от нравственных принципов устройства общественной жизни, универсальности христианских идей как регуляторов отношений между людьми приводит в западном мире к вытеснению религии из публичной сферы. Светский гуманизм, который использовал христианское мировоззрение большинства европейцев в качестве отправной точки своего развития, за последние десятилетия все более последовательно и даже агрессивно превращался в европейском обществе в самодовлеющую силу. Считается, что понятие гуманизма является политически корректным и нейтральным для общего пространства Европы, позволяет объединить на своей основе сторонников различных идей, в том числе религиозных. Но эта концепция со стремительной быстротой наполняется новым, часто неприемлемым для верующих содержанием. Будучи лишенной нравственных предпочтений, критически относясь к религиозным максимам, она возводит в абсолют человеческую личность, подменяя ей Бога, заветы Которого ранее полагались в основу отношений между людьми» [21].

И, однако, в условиях вакуума концептуальных подходов к развитию мира на принципах хотя бы относительной справедливости, вакуума сознательно поддерживаемого стратегами «нового мирового порядка», предложения по совершенствованию общественного устройства, а в конечном итоге, и по оздоровлению климата в мировой политике, высказываемые от имени традиционных религий их лидерами, все в большей степени привлекают внимание мировой общественности. На наш взгляд, именно поэтому множатся инициативы по про-

ведению международных форумов, на которых религиозные лидеры ведут диалоги, нацеленные на выработку механизмов позитивного влияния религии на современный мир. Число подобных инициатив нарастает, несмотря на невысокую эффективность этих форумов. Что в свою очередь говорит о назревшей потребности услышать от религии «внятные» предложения по гуманизации межличностных, общественных и даже межгосударственных отношений.

Если, опираясь на сегодняшний уровень наработок в этой сфере, кратко изложить их содержание, то оно в целом таково. Религии предлагают, каждая исходя из сущности своего вероучения, так изменить подходы к общественному и мировому устройству, чтобы основы этих вероучений воплотились в реальной жизни. Установка на переустройство мира на принципах своего вероучения заложена в самую сердцевину религий. Расширить ареал религиозных ценностей, тиражировать их вовне, за пределы общины, обратить в своих единоверцев по возможности всех людей – не в этом ли состоит смысл миссионерства, как обязанности каждого верующего? Этот импульс и эта энергетика религиозной пассионарности доказывает, что религии имеют внутреннее стремление и даже обязанность распространять свои идеалы и строить жизнь человечества на основе этих идеалов.

2 СВЯЗЬ ПРИНЦИПА СВЕТСКОСТИ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ РЕЛИГИЕЙ ЕЕ ПОЗИТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Реализация позитивных возможностей религии напрямую зависит от положения религии в стране (и в мире в целом). На внутристрановом уровне реализация этих возможностей связана с конкретными формами осуществления принципа светскости (большинство современных государств являются светскими). Ведь если понимать принцип светскости жестко, едва ли не в атеистическом духе, то у религии остается мало возможностей реализовать свою позитивную роль. Как может религия нравственно воспитывать общество, если доступ ее в учреждения образования затруднен? Как можно одухотворить политику, если она функционирует вне одухотворяющего влияния религии? И т. д. То есть, приходится констатировать, что политика реализации принципа светскости существенно скажется на эффективности попыток положительного воздействия религии на современный мир. Возможности религии в этом отношении могут быть очень значительны, но реализация их связывается принципом светскости в его жестком варианте.

Коль скоро принцип светскости и конкретные формы его реализации столь важны для осуществления религией ее позитивных возможностей, рассмотрим основные аспекты именно конкретизации принципа светскости, и, чтобы быть предметно определенными, проведем этот анализ на примере Казахстана.

Известно, что Республика Казахстан – светское государство. В Законе РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» это положение изложено следующим образом. «Статья 3. Государство и религия. 1. Государство отделено от религии и религиозных объединений» [13]. То есть, наше государство, бесспорно светское, причем принцип светскости изложен в достаточно жесткой редакции. Чаще всего в соответству-

ющих законодательных актах различных стран декларируется только отделение государства от религиозных объединений.

Следует подчеркнуть, что в современном мире светский тип государства – наиболее отвечающий реальному положению и обществу, и состоянию религий, и духовности человека, и демократическим формам устройства государств. В многоконфессиональных и полиэтнических странах светский тип государства становится в высокой степени обоснованным и оправданным.

Но признать Казахстан светским государством – это только первый шаг на пути практической реализации принципа светскости в нашей стране. В самом деле, в современном мире почти все государства – светские. Имеется около десяти теократических государств и немногим меньше – атеистических. Все остальные – светские. Однако мы видим на практике великое многообразие форм реализации принципа светскости этими государствами. Принцип светскости позволяет трактовать его чрезвычайно широко: от почти теократии до едва ли не атеизма. Это и происходит в современном мире. В зависимости от формы, типа светскости, избранной государством, оно выстраивает всю свою политику в области религии. Нет необходимости закреплять определенный тип светскости законодательно. Государства исходят из него при принятии практических решений в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Как определиться с конкретным типом светскости, применительно к Казахстану? Представляется, что для этого надо:

- осуществить анализ наличной религиозной ситуации в стране;
- четко обозначить национальные интересы в сфере религии;
- видеть реальные проблемы и тенденции в развитии этих проблем.

Уже и предварительное решение этих задач позволит приблизиться к выработке характерного для Казахстана типа светскости. В дальнейшем необходимо конкретизировать это содержание светскости, определив действительно реальный тип светскости, который, согласно трем выделенным задачам, соответствует реальным условиям функционирования религии в

Казахстане, состоянию государственно-конфессиональных отношений и национальным интересам Казахстана.

Определиться с типом светскости необходимо, так как иначе при решении конкретных задач и проблем государство и религиозные объединения постоянно сталкиваются с проблемами их взаимоотношений и конкретного поведения и государства и религиозных объединений в повседневности. Если конкретизировать адекватный Казахстану принцип светскости, развить принцип светскости до практических форм его реализации в реальных условиях Казахстана, то будет сформирована устойчивая политика в сфере религии, и все встающие проблемы будут решаться уже в контексте выбранного типа светскости. При этом эффективность государственной политики в области государственно-конфессиональных отношений, бесспорно, повысится.

В мировом религиоведении выработана типология форм светскости в зависимости от характера взаимоотношений государства и религиозных объединений. Обратимся к работе И.В. Понкина «Типология государств по критерию светскости», в которой сфокусированы многочисленные подходы к формированию конкретных типов светскости. Для нас представляет интерес две из нескольких предложенных И.В. Понкиным моделей светскости: преференциальная и идентификационная модели. Вот, что пишет И.В. Понкин в отношении формы светскости государств, схожих с Казахстаном по ряду позиций в связи с их религиозной политикой. «*Преференциальная модель* – модель светского государства, для которого характерны наиболее «мягкие» режимы отделения религиозных объединений от государства, выделение одной или нескольких религий или представляющих их религиозных объединений с льготным режимом существования и деятельности. Среди существенных признаков преференциальной модели, присущей большинству стран Европы и многим странам мира:

1. Доминирование исторической обусловленности при выделении государством одной или нескольких религий и наделение их преимущественным режимом.

2. Выделение государством одной или реже – нескольких религий или представляющих их религиозных объединений,

для которых создается льготный режим существования и деятельности. Такое выделение может быть реализовано путем закрепления в конституции официального статуса государственной церкви (государственной религии, конфессии, религиозной организации, имеющей статус государственной) за одной религиозной организацией; фактического наделения одного или нескольких религиозных объединений преимущественным статусом без закрепления такого статуса в конституции. Направленность, формы и величины льгот (в том числе финансовых) могут сильно разниться в зависимости от культурно-исторических и политических условий» [33].

Еще в большей степени Казахстану подходит *идентификационная модель* светского государства, «для которой характерны расширенное сотрудничество с несколькими религиозными объединениями на основе партнерства государства и граждан в области гарантий, защиты и реализации их прав на национально-культурную и религиозную идентичность, партнерства государства и религиозных объединений, представляющих традиционные религии, учет государством современной национально-культурной и религиозной идентичности граждан при расширенном сотрудничестве с религиозными объединениями, оптимизация между светским характером и культуросообразностью образования. Эта модель свойственна многонациональным государствам, которые в свое время прошли исторический этап богоборческой власти и гонений на религию, поэтому исторические традиции здесь частично утеряны или частично реконструированы.

Идентификационная модель светского государства предполагает такое взаимоотношение светского и религиозного, при котором их взаимное влияние приведет к усилению общества в одних областях (культура, правосознание, социальная устойчивость, межрелигиозное и межнациональное согласие и сотрудничество) и ослаблению в других (межнациональные и межрелигиозные конфликты, иные негативные тенденции и очаги напряженности в обществе). Один из основных признаков данной модели заключается в расширенном сотрудничестве государства с несколькими религиозными объединени-

ями. Другим важным признаком является учет государством современной национально-культурной и религиозной идентичности граждан. Речь при этом идет не о попытках возродить давно уже изменившиеся традиции, а об учете существующих ныне традиций, реализации современной национально-культурной и религиозной идентичности как граждан, так и народов. Именно это обстоятельство позволяет избежать взаимных обвинений между религиозными объединениями в стремлении насаждать прозелитизм среди чужой паствы.

В отличие от преференциальной модели идентификационная предполагает более обдуманное и целенаправленное партнерские взаимоотношения государства, причем не с одним, а с несколькими религиозными объединениями, которые оказали значительное влияние на становление и развитие государственности, сыграли существенную историческую роль в развитии национального самосознания народов страны, способствовали формированию и развитию их традиционной духовности и культуры, составили часть национального духовного и культурного наследия и выступают в качестве созидательной и объединяющей духовной силы общества, направленной на поддержание мира и стабильности.....Перенос акцента с исторической обусловленности на обусловленность национально-культурной и религиозной идентичностью позволяет данной модели учесть все своеобразие реальности в сфере взаимоотношений между государством и религиозными объединениями» [33].

Мы сознательно привели столь длинную цитату, так как солидарны с автором в его видении типологии светскости и еще более разделяем его подход к преференциальной и идентификационной моделям светскости.

Определившись с адекватной Казахстану моделью светскости, можно разрабатывать конкретные механизмы реализации принципа светскости посредством избранной модели. При этом в практической реализации и конкретизации принципа светскости надо исходить из нескольких, реально имеющих в Казахстане факторов, определяющих религиозную ситуацию в стране:

- традициями страны, в первую очередь, религиозными традициями;

– того объема пространства для маневра и государства, и религиозных объединений, которое предоставлено принципом светскости, как основополагающим принципом выстраивания государственно-конфессиональных отношений;

– социально-политической и экономической ситуацией: они выступают общим фоном для конкретизации принципа светскости;

– наличных проблем, которые имеются в сфере государственно-конфессиональных отношений, в частности, вызовами и угрозами в религиозной сфере.

На пересечении всех этих факторов и конструируется конкретный тип светскости, адекватный Казахстану на данном этапе его развития. Помимо этого, данный тип светскости наполняется содержанием, берущим начало в меняющихся реалиях казахстанской действительности.

Религиозные объединения также могут влиять на формирование модели светскости своими инициативами в данной области. Причем религиозным объединениям не придется действовать спонтанно, методом проб и ошибок. У всех традиционных религий имеются свои социальные концепции. Мировые религии осознают, что им приходится функционировать в условиях, далеких от религиозных идеалов государственного и общественного устройства. Строго говоря, лишь в теократических государствах у религии возникает возможность строить государственную и общественную жизнь на религиозных принципах. Но в истории человечества не было периода, когда какая бы из мировых религий в абсолютно адекватной форме реализовала бы эти принципы. Даже такие периоды как времена четырех праведных халифов или Византия периода «симфонии светской и религиозной власти» не смогли реализовать в полной мере религиозные идеалы общественной и государственной жизни. Поэтому государство и религия выстраивают такие отношения, какие возможны в наличных исторических условиях. Концептуальные документы мировых религий прописывают свое видение этих отношений. Эти концепции определяют основные принципы отношения религиозных объединений, с одной стороны, и общества и государства, с другой.

Опираясь на свои социальные концепции, религии привносят свое видение наполнения принципа светскости конкретным содержанием. При этом происходит конкретизация принципа светскости со стороны религии, что важно для солидарного с государством видения специфики и содержания избранной модели светскости для Казахстана.

Было бы наивностью в представленных ниже фрагментах социальных концепций мусульман, православных и католиков видеть всю полноту взаимодействия этих религий и светского государства, но основные интенции религий в данном вопросе эти фрагменты доносят. Приведем основные положения социальных программ ислама, православия и католицизма в отношении принципа светскости.

«Государство и его законы рассматриваются как форма общественного договора, в котором достигается максимально возможный компромисс и устанавливается баланс интересов различных социальных групп и религиозных организаций... Отношение мусульман к государству базируется на рациональных принципах, защищающих свободы, утверждающих социальную справедливость и законопослушание. Государство и его законы рассматриваются как результат договора всех социальных групп об общих нормах сосуществования на единой территории и в единой правовой и экономической системе. Государство и его законы суть средство обеспечения естественных и основных прав и свобод всех своих граждан» [26].

И еще. «В условиях действия закона, защищающего основные права и свободы человека, для всех мусульман является не только гражданским, но и религиозным долгом соблюдение норм законодательства своей страны как высшего договора между гражданами. Неисполнение своих законных гражданских обязанностей, призывы от имени верующих и религиозных общин к участию в каких-либо акциях гражданского неповиновения и мятежа считаются в Исламе недопустимым! Свое несогласие с правительством или с местными властями по любым вопросам мусульманин, как и каждый гражданин, может выражать исключительно в рамках действующего законодательства, всячески избегая акций, способных нарушить общественное со-

гласие и мир, привести к кровопролитию и беспорядкам: «Аллах повелевает справедливость, Благодеяние и щедрость к близким, Он запрещает мерзость, беззаконие и бунт» (Коран, 16:90). Ислам не предписывает народам какой-либо конкретной формы государственного устройства, оставляя это на усмотрение верующих — граждан своей страны — в соответствии со сложившимися в ней традициями и политической культурой. Однако при любом государственном строе и любом политическом режиме должны быть гарантированы основные права и свободы человека..... Никакой правитель и никакая власть не может быть объявлена «божественной», «богочеловеческой» и потому безответственной перед людьми. Народ имеет право контролировать власть, как минимум — с точки зрения соблюдения ею основных прав и свобод человека» [26]. Такова позиция ислама.

Русская православная церковь (РПЦ) в документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятом на Архиерейском Соборе 2000 года, и очень важном для современной деятельности РПЦ, подчеркивает: «Во взаимоотношениях между Церковью и государством должны учитываться различие их природ. Церковь основана непосредственно Самим Богом — Господом нашим — Иисусом Христом; богоустановленность же государственной власти являет себя в историческом процессе опосредованно. Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии. В современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с Церковью ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Однако, как правило, государство сознает, что земное благоденствие немыслимо без соблюдения определенных нравственных норм — тех самых, которые необходимы и для вечного спасения человека. Поэтому задачи и деятельность Церкви и государства могут совпадать не только в достижении чисто земной пользы, но и в осуществлении спасительной миссии Церкви. Нельзя понимать принцип светскости государства как означающий радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, отстранение религиозных объединений от

участия в решении общественно значимых задач, лишение их права давать оценку действиям властей. Этот принцип предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга» [27, III. 3].

И далее: «Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству: противостояние греху путем насилия, использование мирских властных полномочий, принятие на себя функций государственной власти, предполагающих принуждение или ограничение. В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством. Государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви, в ее управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику и так далее, равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Церковь ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним установлениям» [27, III. 3].

Римско-католическая церковь (РКЦ) в своей социальной концепции утверждает: «Всякое человеческое сообщество нуждается во власти для управления им. Власть основана на человеческой природе. Она необходима для единства Государства. Его роль состоит в том, чтобы обеспечить, насколько это возможно, общественное благо. Власть, которой требует нравственный порядок, исходит от Бога: «Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему, противящийся власти, противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим 13, 1–2). Долг повиновения предписывает всем отдавать власти должествующие ей почести и окружать уважением и, согласно заслугам их, благодарностью и доброжелательством лиц, на которых она возложена. Из этого следует также, что осуществление политической власти – будь то

в сообществе как таковом, будь то в учреждениях, представляющих государство – всегда должно осуществляться в границах нравственного порядка, ради обеспечения общего блага (понимаемого динамически), согласно юридическому порядку, который был законно установлен или должен будет установиться. Тогда граждане обязаны выказывать повиновение по совести. Отсюда явствует, каковы ответственность, достоинство и значение начальствующих» [42, 178].

Государственно-церковные отношения, согласно социальной концепции РКЦ, тезисно таковы: «На всякую гражданскую власть возлагается первостепенная обязанность: охранять и поддерживать неприкосновенные права человека. Поэтому гражданская власть должна взять на себя действенную защиту религиозной свободы всех граждан справедливыми законами и другими подходящими средствами, а также обеспечить условия, благоприятствующие развитию религиозной жизни, чтобы граждане действительно могли пользоваться своими правами в области религии и исполнять свои религиозные обязанности, а само общество пользовалось благами справедливости и мира, проистекающими из верности людей Богу и Его святой воле» [42, 179].

Из приведенных концепций и исходят традиционные для Казахстана религии в выстраивании своих отношений с РК, как светским государством. Практические инициативы традиционных религий в этой области имеются. К примеру, представители традиционных для Казахстана религий неоднократно высказывали пожелания расширения их присутствия в домах престарелых и других социально значимых государственных учреждениях для совершения религиозных обрядов. Светский характер государства не является препятствием для такого присутствия. Но в Законе РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» объемы этого присутствия существенно ограничены. Почему бы традиционным для Казахстана религиозным объединениям не согласовать с государством желаемое ими расширение (в качестве хотя бы пилотного проекта на первых порах) при полной ответственности руководства религиозных объединений за все возможные последствия этого присутствия.

Светскость государства также не является препятствием и для подписания договоров о сотрудничестве между различными государственными ведомствами и религиозными объединениями. Последнее позволит установить партнерские отношения государства и религиозных объединений по целому ряду приоритетных для обеих сторон вопросов: повышения уровня духовности и нравственности в обществе, религиозного просвещения и образования, социального служения и т. д. Отметим, что в январе 2014 года подписано соглашение о сотрудничестве между Агентством РК по делам религий и Духовным управлением мусульман Казахстана, а в феврале – аналогичное соглашение с Митрополичьим округом Русской православной церкви в Республике Казахстан.

Светский тип государства предполагает, что государство не вмешивается во внутренние дела религиозных объединений, а религиозные объединения не вмешиваются в дела государства. Однако религия обладает таким статусом и таким содержанием, что вывести ее за скобки общественной, а нередко и государственной жизни практически невозможно. Это можно сделать, только вытеснив религию на периферию и общества и государства, превратив ее в абсолютно частное дело верующего человека, изгнав ее из системы ценностей современного человека и общества.

Можно видеть, что как раз это и происходит сегодня в подавляющем большинстве европейских стран. Поэтому современные европейские государства теперь уже даже и не светские, они, скорее, атеистические. Секуляризм и абсолютное господство либеральных ценностей – как данность современной Европы – породили новую форму атеизма, основанную на антихристианских ценностях, сотворили из этих антирелигиозных установок новую идеологию, можно сказать, новую «религию», более жесткую по формам неприятия иного, чем все предыдущие религиозные системы. Поэтому эти страны так легко относятся к возникающим проблемам в сфере религии, в сфере государственно-религиозных отношений, покрывая все проблемы идеологией, выработанной из нового атеизма, приоритета прав человека, утратившего представление о религиозных

ценностях и правах верующих. Государства Европы «просыпаются» и ведут себя довольно жестко только в случаях проявления разного рода активности мусульман или возникающих противоречий между секулярным законодательством и нормами традиционного христианства. В последнем случае государство встает на сторону секулярного, безрелигиозного мировоззрения и сопутствующих ему законодательных норм.

Отсюда и проистекает безбрежная толерантность западных стран. В этих государствах толерантность базируется на безразличии к религии, а по поводу того что безразлично, нет и споров – отсюда и толерантность. В Казахстане принципиально иная ситуация: межрелигиозное согласие и толерантность в религиозной сфере имеют в нашей стране существенно иное содержание, в сравнении с изложенными выше. В Казахстане толерантность является осознанным результатом признания важности религии для страны и общества – это совсем иной уровень толерантности. Это толерантность более глубокого и более продуктивного свойства, она не формальна, по поводу ее деталей могут идти споры, но на ее основе возможно развитие, а не тупиковое равнодушие.

Религия имеет много функций в обществе. Она вызывает к нравственности и формирует ее. Она способна сделать общество более духовным и справедливым. Религия обладает четко выраженным миротворческим потенциалом. Можно рассматривать религию и в качестве феномена гражданского общества со всеми вытекающими отсюда следствиями и для религии, и для общества. Все эти роли и формы присутствия религии в обществе реальны и действенны, но надо подчеркнуть, что религия не сводится ни к одной из перечисленных форм и ролей. Особо хотелось бы отметить, что религию нельзя понимать только лишь в качестве феномена гражданского общества, хотя тенденции такие в экспертном сообществе (в том числе и в казахстанском) имеются. В качестве только лишь феномена гражданского общества религия может выступать в современном секулярном сознании и в соответствующих этому сознанию сообществах. Например, в современной Европе, почти полностью утратившей веру в Бога, религия вполне может

восприниматься как феномен гражданского общества, и этот европейский взгляд на религию будет оправдан. Но для стран, подобных Казахстану, в которых происходит возрождение религиозных традиций и ценностей, религия является намного более глубоким и содержательным фактором, чем просто элементом гражданского общества.

В этой ситуации у стран, подобных Казахстану, появляется реальная возможность стать лидерами в привлечении позитивного потенциала религии в выстраивании новой геополитической конфигурации мира. Именно религия способна консолидировать национальные сообщества сегодня. И дело не в том, что многие идеологии продемонстрировали в XX веке свою недееспособность, и утратили право претендовать на консолидирующую роль, хотя и в этом тоже имеется некий символический смысл. Глубокий смысл религии для человеческого сообщества состоит в том, что всякий истинный прогресс возможен только при целевой установке на нечто более высокое. Только имея в виду нечто идеальное, можно прогрессивно развиваться. Религия, вводя Бога в человеческие отношения, задает более высокую планку этих отношений. Поэтому современный мир просто не имеет иного выхода из почти безвыходной ситуации, в которой он оказался, нежели возвращение к Богу. Человек, этнические сообщества, государства – все они исчерпали свои возможности построения «светлого будущего» на своей естественной, безбожной основе – чему доказательством современный глобальный кризис мировых отношений.

Но не всякие страны и регионы мира способны сегодня выдвинуть инициативы религиозного возрождения в качестве основы обновленного мироустройства. Нужны особые условия и особые состояния, в которых находятся эти страны и регионы – необходимо, чтобы такие страны находились в состоянии религиозного возрождения и духовного подъема. Что-то похожее демонстрирует в настоящее время Казахстан. Ситуация не сводится к тому, что на фоне жестких противоречий между религиями и этносами в современном мире в Казахстане имеет место достаточно стабильное согласие в данных сферах. Есть более глубокие основы отмеченного со-

гласия, и основы эти таковы: на фоне падения религиозности во многих и многих странах мира в Казахстане религиозность населения растет. Причем растет она не за счет фундаменталистско или экстремистско настроенных верующих различных религиозных традиций, но за счет достаточно глубокого вхождения в веру – многие верующие принимают истинные религиозные ценности. А эти ценности нравственны и гуманистичны по существу.

Это положение хорошо осознается руководством страны и, в первую очередь, ее лидером, Президентом РК Н.А. Назарбаевым. Именно поэтому Казахстан выступает инициатором многих международных встреч и форумов разного уровня. Проведенные в Астане четыре съезда лидеров мировых и традиционных религий (в 2003, 2006, 2009 и 2012 гг.) не затерялись в ряду подобных мероприятий, но отличались не только широкой представленностью участников, но и результативностью. Н.А. Назарбаев в своем выступлении на IV съезде в 2012 году акцентировал внимание на возможностях религии в современной геополитике. «Нельзя не признать, что в сегодняшнем мире дефицит позитивных концепций мироустройства, – подчеркнул Глава государства. – В этом плане Съезд лидеров мировых и традиционных религий мог бы выступить как ведущая диалоговая платформа, предметно нацеленная на идейно-духовное конструирование основ справедливого мироустройства в XXI веке» [12]. Эти съезды приняли ряд важных итоговых документов, способствующих углубленному пониманию роли религии в современном мире. Например, в Обращении участников III съезда лидеров мировых и традиционных религий (Астана, 2 июля 2009 года) содержится призыв «постоянно поддерживать и способствовать усилиям религиозных лидеров и организаций для установления истинного межрелигиозного диалога, а также рассматривать актуальные проблемы человечества с целью выработки надлежащих путей их решения, признавая, тем самым, позитивную роль, которую может и должна играть религия в обществе» [23]. Это оправданный сегодня вектор развития международных отношений. Необходимо двигаться дальше и приближаться к видению реальных возможностей религии в

деле снижения уровня угроз современности и реализации этих возможностей.

Несмотря на чрезвычайное многообразие нюансов, возникающих при попытках конкретизации принципа светскости применительно к Казахстану, имеется один общий методологический подход к разрешению принципиальной важности вопросов в сфере государственно-конфессиональных отношений. Подход этот состоит в следующем. Светская форма государственности порождает концептуального уровня принцип: государство обязано создавать условия для достаточно самостоятельного функционирования религий, а религии не вмешиваются в государственные дела и не порождают со своей стороны новых вызовов и угроз обществу и государству. Если придерживаться этого принципа, то многие и многие проблемы в религиозной сфере не будут возникать, а если и возникнут, будут решаться легче и разумнее.

3 ВСЕМИРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ПО РЕЛИГИИ

Исследование проблем позитивного влияния религии на современный мир, также как и тесно связанного с ним вопроса о роли религии в мире (как в положительном, так и в негативном проявлении этой роли) требует достаточно внятных ответов на вопросы об общей численности верующих в мире, о распределении их по регионам и странам, об отношении к традиционным и новым религиозным течениям и по множеству иных аспектов религиозности современного мира. Потребность в данных такого рода продиктована тем обстоятельством, что от количества верующих зависит их возможность оказывать влияние на большинство процессов в современном мире. Возрастающая роль ислама, например, напрямую связана с шестикратным ростом его последователей в течение XX века. Немаловажной оказывается статистика и в анализе конкретных аспектов воздействия религии на самые разные сферы современности: от политики до межличностных отношений верующих. Еще в большей мере знание статистики в этой сфере необходимо для прогнозирования развития религиозной ситуации.

Сразу надо отметить, что в силу значительной политизированности всей проблематики, связанной с религией, статистические данные существенно разнятся в зависимости от интересов заказчиков социологических исследований. Как пример такого положения дел, выступают социологические опросы, регулярно проводимые в России, когда социологические организации, обслуживающие либеральные структуры страны (секулярные – в лучшем случае), обнаруживают данные, на порядок отличающиеся от внутрирелигиозных опросов, причем разночтения затрагивают буквально все аспекты исследований.

И все же определенную объективность данных в религиозной сфере вычленить можно. Но это возможно при анализе

поистине громадного массива социологических опросов, при обращении к результатам, полученным общепризнанными мировыми агентствами, при дополнении социологических данных углубленным содержательным анализом предметного поля.

Имея в виду вышесказанное, обратимся к данным социологических исследований, опросов, статистики.

3.1 Общемировая статистика

Воспроизведем наиболее достоверные данные по числу верующих в современном мире, по динамике количества мусульман и христиан и некоторые детализированные данные по религиозной статистике.

Таблица 1

Динамика численности верующих мировых и традиционных религий

	1910 год		2010 год	
	Число последователей	%	Число последователей	%
Христиане	612 028 000	34,8	2 292 454 000	33,2
Мусульмане	220 895 000	12,6	1 549 444 000	22,4
Индуисты	223 419 000	12,7	948 507 000	13,7
Агностики	3 367 000	0,2	948 507 000	9,3
Буддисты	138 025 000	7,8	468 736 000	6,8
Китайская традиционная религия	392 423 000	22,3	458 316 000	6,6
Этнорелигии	135 181 000	7,7	261 429 000	3,8
Атеисты	243 000	0	138 532 000	2
Новые религии	6 865 000	0,4	64 443 000	0,9
Сикхи	3 232 000	0,2	24 591 000	0,4
Иудеи	13 193 000	0,7	14 641 000	0,2
Спириты	324 000	0	13 978 000	0,2
Даосы	437 000	0	9 017 000	0,1
Бахаи	225 000	0	7 447 000	0,1
Конфуцианцы	760 000	0	6 461 000	0,1

Джайны	1 446 000	0,1	5 794 000	0,1
Синтоисты	7 613 000	0,4	2 782 000	0
Зороастрийцы	119 000	0	181 000	0
Население в целом	1 759 797 000	100	6 906 560 000	100

Источник: World Religion Database International Religious Demographic Statistics and Sources. Edited by Todd M. Johnson, Ph. D., and Brian J. Grim, Ph. D. http://www.atlasofglobalchristianity.org/images/samplepages_3.pdf <http://expert.ru/ratings/dinamika-izmeneniya-chisla-posledovatelej-religij-1910-j-i-2010-godyi/>

Не будем подробно комментировать эту таблицу – цифры говорят сами за себя. Обратим внимание лишь на то, что число мусульман за описанный период возросло в 6 раз. Этому имеется много причин, укажем основные:

- демографический фактор: рождаемость в регионах с мусульманским или преимущественно мусульманским населением самая высокая в мире в течение всего XX века;

- ислам пассивная религия, захватывающая в свою орбиту и прежде неверующих людей и людей ранее придерживающихся иных вероисповеданий; исследователи отмечают, что ислам принимают коренные жители европейских стран (во Франции за период с 1970 по 2010 год ислам приняло около 200 тысяч коренных французов, в Германии – 150 тыс. немцев, в Великобритании – 70 тыс. коренных жителей и т. д.);

- В США ислам – третья по численности приверженцев религия, причем социологические замеры подчеркивают интересный аспект – мусульмане США образуют вторую по уровню благосостояния религиозную группу. По данным исследования, проведенного Pew Research Center for the People and the Press в 2007 году, только 10% американских мусульман имеет низкий уровень дохода. 52% относятся к среднему классу, 28% относятся к богатым людям.

Приведем средневзвешанные данные по численности мусульман в различных регионах мира (данные размещены на многих мусульманских сайтах и считаются достоверными)

«Статистика приводится по состоянию на февраль 2013 года по 197 государствам, включая ряд стран, которые не признаны всеми членами мирового сообщества, но играют особую роль в глобальной политике.

На Земле проживает 7 млрд. 68 млн. 607 тысяч 554 человека, из которых 1 млрд. 757 млн. 292 тысячи 623 мусульманина. В процентном соотношении получается, что практически каждый четвертый живущий на планете является приверженцем ислама (точная цифра – 24,86%).

Мусульмане распределяются по регионам мира следующим образом: больше всего проживает в Азии (1 млрд. 179 млн.), далее идут Африка (более 518 млн.), Европа (около 50 млн.), Северная и Южная Америки (свыше 10 млн.), Австралия и Океания (0,7 млн.).

В 39 странах мусульмане составляют подавляющее большинство населения (свыше 80%). Еще в 13 государствах приверженцы ислама являются большинством (50–79%). В 15 странах мусульмане играют значимую роль (20–49%). В качестве влиятельного меньшинства выступают в 33 государствах (5–19%). В 40 странах мусульмане являются меньшинством (1,0–4,9%). В 57 государствах представлены отдельные исламские общины (менее 1%).

По абсолютной численности мусульман ведущая десятка стран выглядит следующим образом:

1. Индонезия – более 221 млн.
2. Индия – более 177 млн.
3. Пакистан – более 176 млн.
4. Бангладеш – более 144 млн.
5. Нигерия – более 88 млн.
6. Египет – более 79 млн.
7. Иран – более 77 млн.
8. Турция – более 74 млн.
9. Эфиопия – более 46 млн.
10. Алжир – более 36 млн.»

Источник: <http://www.ansar.ru/analytics/2013/3/18/38793>

Динамика численности мусульман по годам выглядит следующим образом.

Таблица 2

Демографическая динамика мусульманского мира

Годы	Численность мусульманского населения мира, млн человек	Доля мусульман в населении мира, %
750	30	14,0
1200	50	13,9
1650	71–104	13,0–19,1
1700	85–103	13,9–16,9
1750	94–109	13,1–15,1
1800	108–124	12,0–13,8
1850	131–151	10,9–12,6
1900	221	13,6
1950	341	13,6
1970	580	15,0
2010	1549	22,4
2030 (прогноз)	2220	26,4
2050 (прогноз)	2494	27,1

Рассчитано и составлено по: Белокрыцкий В.Я. Россия и исламский мир: динамика изменений демографического и политического потенциалов // Восток. 2008. №3. С. 95-110; Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды. М.: Наука, 2007. 468 с.; Atlas of Global Christianity. 1910-2010. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 364 p.; Eberstadt N., Shah A. Fertility Decline in the Muslim World: A Veritable Sea-Change, Still Curiously Unnoticed. URL:http://probeinternational.org/library/wp-content/uploads/2012/12/fertility-decline-in-the-muslim-world-a-veritable-seachange-still-curiously-unnoticed_1037314776281.pdf (дата обращения: 21.12.2012); Jenkins P. The Next Christendom: The Coming of Global Christianity. New York: Oxford University Press, 2002. 316 p.; Madison A. World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2003. 288 p.; McEvedy C., Jones R. Atlas of World Population History. Facts on File. New York, 1978. 368 p.; Sachs J.D., Shabsigh G. Economic Development and the Muslim World. Cambridge (Mass.): Harvard Law School, 2004. 38 p.

Источник: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0587/tema02.php>

Таблица 3

По христианским конфессиям динамика такова:

	1800 год	1900 год	1970 год	2000 год	2007 год	2025 год (прогноз)
Католики	106 430 000	266 568 000	665 484 000	1 055 498 000	1 142 968 000	1 353 674 000
Независимые	400 000	7 931 000	96 926 000	377 830 000	437 673 000	602 190 000
Протестанты	30 980 000	103 025 000	21 105 4000	346 889 000	385 815 000	497 703 000
Православные	55 220 000	115 844 000	139 646 000	214 091 000	220 488 000	236 364 000
Англиканы	11 910 000	30 571 000	47 409 000	75 335 000	82 632 000	109 690 000
Маргиналы	40 000	928 000	11 100 000	29 500 000	35 133 000	49 775 000
Христианские организации						
Деноминации	500	1900	18 800	33 800	39 000	55 000
Богослужбные центры (конгрегации)	150 000	400 000	1 450 000	3 448 000	3 826 000	5 000 000

Источник:

Global Christianity — Gordon-Conwell Theological Seminary database

<http://expert.ru/ratings/posledovateli-v-shesti-tserkovno-kulturnyih-megablokah/>

Помимо численности верующих, принадлежащих к той или иной религии, для оценки возможностей осуществлять реализацию позитивных устремлений религий важным фактором является состояние религиозности верующих. Хорошо известно, что в общей численности верующих значительную часть составляют около религиозные люди, идентифицирующие себя с конкретной религией, но не выполняющие на систематической основе ее норм и обрядов.

3.2 Характер религиозности верующих в современном мире

По данным ежегодного глобального международного опроса ассоциации Gallup International/WIN «Глобальный барометр надежды и отчаяния» (Global Barometer on Hope and Despair) (январь 2012 года) больше половины жителей нашей планеты (59%) считают себя религиозными людьми. Каждый пятый житель Земли (23%) назвал себя нерелигиозным человеком. И

только каждый восьмой (13%) заявил, что является убежденным атеистом.

В число стран с самой высокой долей респондентов, назвавших себя религиозными (от 85 до 96%), вошли Гана, Нигерия, Греция, Армения, Фиджи, Македония, Румыния, Ирак, Кения, Перу, Польша, Бразилия. Во второй десятке «самых религиозных» стран мира – Грузия, Пакистан, Афганистан, Молдавия, Колумбия, Камерун, Малайзия, Индия, Польша, Южный Судан.

Страны с самой высокой долей респондентов, назвавших себя убежденными атеистами: Китай (47%), Япония (31%), Чехия (30%), Франция (29%), Южная Корея, Германия, Нидерланды (по 15%), Австрия, Исландия, Австралия (по 10%). В этих же странах самая низкая доля людей, считающих себя религиозными: Китай – 14%, Япония – 16%, Чехия – 20%, Швеция – 29%, Вьетнам – 30%, Австралия – 37%, Франция – 37%. 55% жителей России назвали себя религиозными людьми, 26% – нерелигиозными, а 6% – убежденными атеистами.

Исследование, проведенное Gallup International, позволяет увидеть динамику религиозности населения в мире, а именно, тенденцию значительного снижения доли религиозного населения. В среднем за последние семь лет число людей, называющих себя религиозными, сократилось на 9 процентных пунктов. А в некоторых странах это снижение даже превысило 20 пунктов. Особенно уровень религиозности населения снизился во Вьетнаме (23%), Швейцарии (21%), Франции (21%), ЮАР (19%), Исландии (17%), Эквадоре (15%), США (13%), Канаде (12%), Австрии (10%), Германии (9%).

Значимый рост (на 4–6 процентных пунктов) доли религиозных граждан произошел за последние семь лет только в Македонии, Сербии, Румынии, Молдавии, Пакистане и Малайзии. Но индекс религиозности в этих странах и в 2005 году был выше 70–75%.

Важное влияние на уровень религиозности оказывает и ситуация, когда религия является определяющим фактором самоидентификации при наличии сложных политических и межконфессиональных проблем либо на границах страны, либо внутри нее, как это происходит в Сербии, Македонии,

Ираке и Пакистане. Иначе говоря, ситуация потенциальных или реальных межрелигиозных конфликтов, существование на линии религиозного фронта с некой «враждебной» культурой, как правило, влияет на повышение уровня религиозности.

Доля респондентов, относящих себя к той или иной деноминации, составляет в большинстве стран Европы от 70 до 98%. Больше всего респондентов относят себя к определенной деноминации в Греции (97%), на Мальте (98%), в Румынии (98%), Польше (94%), Молдавии (93%), Ирландии (87%), и соответственно, в этих странах самая высокая доля религиозных людей и высокие показатели посещаемости храмов. (Например, в Польше, на Мальте и в Ирландии более 40% респондентов бывают в церкви каждую неделю.) И даже в северных протестантских странах, таких как Дания, Норвегия, Финляндия, доля респондентов, относящих себя к определенной деноминации, составляет около 80%. Исключения – Великобритания (58%, принадлежащих к определенной конфессии), Германия (54%), Венгрия (53%), Франция (51%), Чехия (30%), Эстония (34%), и в этих же странах самая низкая доля религиозного населения.

Но среди тех европейцев, которые заявляют о принадлежности к определенной деноминации, далеко не все считают себя религиозными людьми: в Норвегии, Швейцарии, Швеции, Испании, Финляндии, Болгарии, Бельгии значительная доля населения (от 30 до 50%) говорит о своей нерелигиозности. В этих двух группах стран с высокой долей нерелигиозного населения соответственно низкие уровни посещаемости церквей. Например, во Франции 59% опрошенных вообще никогда не ходят в храм, в Чехии таковых 57%, в Великобритании – 54%, в Швеции – 52%, в Германии – 48%, в Испании – 48%, в Венгрии – 44%, в Эстонии – 42%, в Норвегии – 42%, в Дании – 33%.

В европейских странах, оказавшихся в условиях цивилизационного конфликта, религия формирует и укрепляет идентичность (страны, входившие в состав бывшей Югославии), иногда тем самым усугубляя конфликтную ситуацию.

Источник: <http://expert.ru/ratings/dinamika-izmeneniya-chisla-posledovatelej-religij-1910-j-i-2010-godyi/>

В заключение приведем данные по количеству религиозных объединений в Республике Казахстан.

Таблица 4

Религиозные объединения Республики Казахстан

№	Конфессии	Количество
1	Ислам	2367
2	Православие	293
3	Пятидесятнические церкви	230
4	Евангельские христиане-баптисты	185
5	Католицизм	84
6	Свидетели Иеговы	60
7	Пресвитерианские церкви	92
8	Адвентисты Седьмого дня	42
9	Евангелическо-лютеранская церковь	13
10	Методисты	12
11	Новоапостольская церковь	25
12	Кришнаиты	9
13	Бахаи	6
14	Иудаизм	7
15	Буддизм	2
16	Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	2
17	Меннониты	4
18	Церковь объединения Муна (Муниты)	1
	ИТОГО	3434

Источник: http://www.din.gov.kz/rus/religioznye_obedineniya/?cid=0&rid=1638

Итак, статистика убедительно демонстрирует несколько тенденций развития религиозной ситуации в мире. Число приверженцев этно-национальных религий падает. Количество верующих основных мировых религий растет, но отстает от показателей общего демографического роста населения, что указывает на падение веры практически повсеместно. На этом фоне обращает на себя внимание 6-кратный рост числа мусульман в течение XX века, и тенденция этого роста сохраняется. Из последнего факта следует важнейший вывод: при исследовании позитивных возможностей религии особое внимание необходимо уделять положительному воздействию именно

ислама, раскрывать содержание исламских проектов развития, анализировать формы взаимоотношений ислама и либеральных ценностей, раскрыть исламское понимание демократии и т. д. Ислам сейчас в интерпретации его противников предстает в качестве идейной основы экстремизма и терроризма, что, понятно, далеко не так, и в среднесрочной перспективе ислам предложит миру свои способы гуманизации политики и экономики – связь догматики ислама и его социальной активности заложена на вероисповедальном уровне, и относительно легко может быть актуализирована в положительном ключе.

4 РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Воспроизведем без комментариев оценки религиозной ситуации в мире, сделанные религиозными лидерами и мировыми агентствами.

4.1 Фактический материал по религиозной ситуации в мире

«Мы живем сегодня в том мире, когда, к сожалению, – и это впервые за всю историю человеческой цивилизации – предпринимаются шаги законодательным способом разрушить нравственную основу человеческой жизни. Ничего подобного ранее не было. И я должен с признательностью отметить, что Россия, другие православные страны не разделяют этой общей тенденции. Мы этому сопротивляемся как люди, сознающие судьбоносное значение нравственного начала в жизни человеческой личности и человеческой цивилизации. Если это начало будет разрушено, то будет разрушен человеческий мир... Современное государство обязано предоставлять возможность каждому человеку проявлять себя в соответствии с его совестью. В этом и заключается свобода совести».

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. *Из беседы с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, встретившимся со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси, постоянными членами Священного Синода Русской Православной Церкви и главами делегаций Поместных Православных Церквей, участвующих в праздновании 700-летия Преподобного, 18 июля 2014 года*

<http://www.pravoslavie.ru/put/72381.htm>

«Сегодня, к сожалению, в результате секулярных процессов происходит отказ от христианской идентичности Европы. Концепция европейской интеграции оставила за скобками христи-

анские нормы и ценности: сначала упоминание о Боге и христианстве было изъято из проекта Конституции ЕС, а потом и из Лиссабонского соглашения, пришедшего на смену так и не ратифицированной Конституции. Вся идеологическая основа евроинтеграции свелась исключительно к свободе, демократии и верховенству права – секулярной парадигме, не имеющей обязательной связи с нравственными императивами.

Безразличие к религиозной жизни постепенно сменилось агрессивным отношением либерального общества к Церкви и христианству, поскольку христианские нормы радикально противоречат секулярным жизненным установкам. Христианство стало чужеродным элементом в общественной жизни Европы, где все чаще христиане подвергаются дискриминации.

В последние годы в Европе происходит целенаправленный демонтаж ценностей, укорененных в христианской традиции. Речь идет не только об изгнании христианских символов из общественного пространства, о запрете на христианские праздники, о стремлении загнать религию в гетто, объявить ее сугубо частным делом. Речь идет о разрушении именно ценностной системы, на которой на протяжении веков строилась жизнь христианской цивилизации».

Митрополит Иларион. Доклад «Новые вызовы христианскому миру: перспективы совместных действий Церквей» на конференции «*Будущее христианства в Европе: роль Церквей и народов Польши и России*» (29 ноября 2013 года, Варшава) // <http://www.patriarchia.ru/db/text/3404662.html>

Вставка

Положение верующих людей в мире за последние годы существенно ухудшилось

Борьба с религией во всем мире усиливается, отмечают аналитики научно-исследовательского центра Pew Research Center, находящегося в США. В этой организации проанализировали «религиозную ситуацию» в 198 странах за период с 2007 по 2012 года. Особое внимание уделялось деятельности правительств, дискриминирующих религию, и отдельным актам насилия над христианами.

Исследователи отметили глобальный рост враждебности к последователям религий. По словам руководителя Центра

Брайана Грима, против основных религий в мире развернута настоящая война, которая зачастую поддерживается соответствующими законодательными актами, принимаемыми на уровне правительств некоторых государств.

Исследования показали, что за последние 6 лет удвоилось число стран, которые используют религию в качестве предлога для террористических действий. В одной трети стран женщины подвергались преследованиям за неправильную одежду. Основной причиной насилия на Ближнем Востоке и в Северной Африке были различия в вероисповедании. В 2012 году в Китае увеличилось число антирелигиозных актов против верующих и зафиксированы многочисленные нападения на монахинь.

Число стран, в которых ведется религиозная война, выросло с 14 в 2011 году до 20 в 2012 году. В шести странах: Сирии, Ливане, Шри-Ланке, Бангладеше, Тайланде и Бирме отмечен очень высокий уровень религиозной вражды, цитирует сообщение Центра Седмица.Ру.

Исследователи случаев враждебности по отношению к христианам отмечают, что преследования христианских меньшинств усилились во всем исламском мире, а также в Северной Корее, Индии и Китае. Борьба между мусульманами и христианами идет также в Центральноафриканской Республике, Нигерии и африканских странах, лежащих южнее Сахары. Здесь конфликт усугубляется этническими различиями и экономическими проблемами.

Русская линия

<https://e.mail.ru/message/13933662040000000568/>

Влияние религии на общество положительно, считают больше половины землян

59% респондентов во всем мире считают, что религия играет положительную роль в жизни общества. Не согласен с этим утверждением каждый пятый опрошенный (22%). Больше всего скептиков в Западной Европе.

Об этом говорят результаты глобального опроса, проведенного ассоциацией независимых исследовательских агентств «Gallup International/WIN». В опросе участвовали около 70 тысяч человек из 65 стран.

Оптимистов в этом вопросе больше всего оказалось в африканских странах (65%), на обоих американских континентах (54%) и в странах Ближнего Востока и Северной Африки (50%). Наиболее убеждены в положительном влиянии религии на жизнь общества жители Индонезии (95%). Для сравнения в США и в Великобритании эта цифра составила 43% и 6% соответственно.

Считает влияние религии на жизнь общества отрицательным большинство опрошенных в девяти странах, шесть из которых находятся в Западной Европе (Бельгия, Дания, Франция, Нидерланды, Испания и Швеция).

«Если взглянуть на оценки респондентов в разрезе конфессий, то наибольшее число тех, кто считает религию положительно влияющей на общество, было выявлено среди мусульман (76%) и протестантов (72%), а меньше всего – среди индуистов (55%)», – отметили социологи.

<https://e.mail.ru/message/14030254080000000713/>

Вставка

18.03.10 При Евросоюзе создан Комитет представителей Православных Церквей

При Европейском Союзе начал работу Комитет представителей Православных Церквей. Как отмечается в коммюнике, принятом по итогам заседания комитета в Брюсселе, в новой структуре полагают, что диалог между политическим сообществом и Церквями заслуживает «всяческого одобрения как проявление взаимоуважения и как знамение надежды на лучшую Европу и устойчивый миропорядок».

Комитет рассматривает такой диалог в качестве возможности «для продвижения основополагающих ценностей и принципов, на которых зиждется европейская культура и благодаря которым она развивалась».

«Среди таких ценностей: справедливость, мир, защита окружающей среды, отзывчивость перед лицом бедности и страдания, разумное распределение финансовых ресурсов, осуждение любых видов насилия, защита детей и женщин, всеобщий доступ к образованию, проявление солидарности, свобода общения и самовыражения, защита религиозных свобод как меньшинства, так и большинства, а также верховенство закона», говорится в документе.

Как в свою очередь заявил агентству и.о. представителя Русской Церкви при Евросоюзе протоиерей Антоний Ильин, Комитет представителей Православных Церквей призван «сделать присутствие вселенского православия видимым как для политических элит, принимающих решения, так и для экспертного сообщества и средств массовой информации в Брюсселе».

По его словам, Европа это пространство, объединенное не только наследием римского права, культуры Ренессанса и проектом Просвещения, «но прежде всего идеей свободы и достоинства человеческой личности, созданной по образу Божию; идеей христианского персонализма и соборности, без которых

и сам европейский проект лишается своего содержания и исторической миссии».....

В планах комитета проведение брифингов, круглых столов, семинаров и тематических конференций, посвященных актуальным вызовам современной Европы, создание экспертных форматов с привлечением всех заинтересованных лиц, включая действующих православных политиков, экспертов, правозащитников, представителей СМИ, научного сообщества и неправительственных организаций в Брюсселе.

Седмица.Ru

<http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=12690442310000000873>

«Как показывает статистика, христиане являются самым преследуемым религиозным сообществом в мире. Более 100 миллионов христиан сегодня подвергается преследованиям, и каждые 5 минут за веру убивают христианина. Такое положение во многом связано с ситуацией на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где так называемая арабская весна стала причиной массового исхода христиан. Численность христианской общины в Ираке сократилась в разы. Христиане подвергаются жестоким преследованиям и насилию в Египте, Ливии, Афганистане, Пакистане, Северном Судане, целом ряде других стран. В связи со сложившейся ситуацией представители Русской Православной Церкви обращают внимание на необходимость создания специальных механизмов защиты прав христиан в мире. Выступая на сессии Генеральной ассамблеи ООН прошлой осенью, я призвал мировое сообщество к неотложным мерам по защите христиан» [21].

Вставка

Не спешите хоронить загнивающий Запад: об одной статье британского премьера Дэвида Кэмерона

Максим Лавров, Русская народная линия. 24.04.2014

Британский премьер-министр Дэвид Кэмерон накануне Пасхи написал статью в англиканской газете Church Times, где осмелился утверждать, что «Великобритании не следует стесняться проповедовать слово Господне и быть христианской страной. Мы – христианская страна, и мы не должны бояться говорить об этом».

Преступление по нынешним демократическим временам ужасное. Проповедовать, как известно, можно слова Руссо, Вольтера и Томаса Джефферсона, а вот слова Христа – нет уж,

увольте. Нагорная проповедь нарушает права и свободы человека и гражданина. Известный демократический факт.

Последовала реакция. Авторитетная и популярная The Telegraph опубликовала присланное в редакцию открытое письмо к главе правительства, под которым подписались аж 55 человек. В том числе писатели Терри Пратчетт и Филип Пулман, лауреаты Нобелевской премии Джон Салстон и Харольд Крото, профессор-физик Джим Аль-Халили. Приведем текст письма полностью:

«SIR – Мы уважаем право премьер-министра на собственные религиозные убеждения и понимаем, что эти убеждения во многом определяют его жизнь как политика. Тем не менее, мы возражаем против характеристики Британии как «христианской страны» и против тех негативных последствий для политики и общества, что такая характеристика порождает.

Если не принимать в расчет то обстоятельство, что в узко конституционном смысле мы по-прежнему имеем свою государственную Церковь, Великобритания не является «христианской страной». Многочисленные опросы и исследования показывают, что большинство из нас – не христиане в наших собственных убеждениях и религиозных идентификациях. В социальном плане Великобритания формировала лучшие свои черты посредством множества до-христианских, не-христианских и пост-христианских сил. Мы – плюралистическое общество с гражданами, имеющими различные точки зрения, и по большей части мы – не религиозное общество.

Постоянное утверждение обратного способствует отчуждению и разделению в нашем обществе. Хотя это безусловно правильно – признавать вклад многих христиан в социальное развитие, ошибочно придавать ему исключительный характер, в то время когда он равен вкладу британцев самых разных верований. Это лишь разжигает без всякой надобности излишние сектантские споры, которые по большому счету отсутствуют в жизни большинства британцев, не желающих иметь религию, приоритетность которой утверждается избранным ими правительством».

Сегодня Россия находится на том же перепутье, что и Запад. Куда идти дальше, какой дорогой? Опираясь на какую систему ценностей выстраивать свою национальную и государственную жизнь? Поэтому воспринимать происходящее в Европе и США (по части их движения в противоположную от христианства сторону) мы должны исключительно как наглядное учебное пособие.

http://ruskline.ru/special_opinion/ne_speshite_horonit_zagnivayuwij_zapad_ob_odnoj_state_britanskogo_premera_devida_kemerona/

Вставка**Миллионы людей стали жертвами религиозных конфликтов в 2013 году – доклад**

Миллионы верующих в мире подверглись в 2013 году религиозным гонениям и вынуждены покинуть свои дома, говорится в опубликованном докладе госдепа США о свободе вероисповедания. В частности, в Сирии, в результате трехлетнего кризиса практически не осталось христиан. В докладе отмечается, что до начала войны в городе Хомс проживало 160 тыс. человек, исповедующих христианство. В настоящий момент их число составляет всего тысячу.

В госдепе также обеспокоены ростом религиозного насилия в Центральноафриканской республике, где происходят столкновения между христианами и мусульманами. В декабре 2013 года в результате конфликтов не менее 700 человек погибли в городе Банги. Кроме того, более миллиона вынуждены были покинуть свои дома. «Во всем мире люди становятся жертвами дискриминации, насилия и агрессии просто за то, что они исповедуют какую-то веру», – говорится в докладе.

Наиболее частые случаи религиозных гонений, по данным госдепа США, зафиксированы в Пакистане, Египте, Саудовской Аравии, Иране, Китае и Бангладеш.

29 июля 2014 г.

<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=56040>

России не следует оправдываться перед США, выстраивая отношения религии, общества и государства – протоиерей Всеволод Чаплин

Москва. 30 июля. ИНТЕРФАКС – Россия и другие страны имеют право на свою модель отношений религии и государства, отличную от США, и не должны за нее оправдываться, заявил глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, комментируя последний доклад госдепа США о свободе вероисповедания.

«Я уже много лет читают этот доклад, и, на мой личный взгляд, он становится все более сбалансированным. Радует то, что упомянутая тема исхода христиан из некоторых стран Ближнего Востока, что критикуются не только страны, имеющие политические сложности с Соединенными Штатами, но и их союзники. Впрочем, дисбалансы сохраняются», – сказал отец Всеволод в среду «Интерфакс-Религия».

Как считает он, в этом документе правильно сказано об антисемитизме и исламофобии, «причем последняя тема в докладе звучит все чаще, но о системной христианофобии, в том числе в некоторых странах Запада, как об особом явлении не говорится».

«К России, как и к некоторым другим странам, традиционно обращается критика в связи с тем, что в них предоставляются определенные преимущества некоторым религиозным общинам и ведется борьба с экстремизмом. Нам по этому поводу нужно перестать оправдываться. В нашей цивилизации, как и в большинстве стран мира, избранные религиозные общины пользуются преимущественной поддержкой, а действия опасных религиозных или псевдорелигиозных групп пресекаются», – заявил священник.

По его словам, представители православной или исламской цивилизации точно так же могут покритиковать США за то, что там преимущественной поддержки православия или исламу не оказывается. При этом, по его словам, «та модель отстраненности государства от ключевых религиозно-общественных вопросов, которой формально придерживаются в Америке, является для современного мира маргинальной: большинство народов воспринимает отношения религии, государства и общества иначе».

«Мы имеем ровно такое же право сказать, что американская система отношений религии и государства неправильна и нуждается в изменении. Нам же оправдываться нет смысла: преимущественная поддержка православия, традиционного ислама, иудаизма, буддизма – это выбор нашего народа, и этот выбор более правилен, чем американский. Впрочем, для себя народ США имеет право на любой выбор, так же как и мы имеем право на собственный», – подчеркнул представитель Церкви.

Заявив о том, что не стоит объявлять универсальной установку одной из цивилизаций, обусловленную ее «своеобразной историей», он выразил удивление критикой госдепа в адрес некоторых стран Средней Азии за то, что они борются с религиозно окрашенным экстремизмом.

«Мы знаем, что произошло в Сирии и Ираке, когда экстремистские силы получили возможность действовать. В некоторых районах Средней Азии существует такая же опасность. Не хочется верить, что кто-то пожелал бы повторить сирийский или иракский сценарий в этих государствах, которые сегодня путем немалых усилий сохраняют у себя межнациональный и межрелигиозный мир», – сказал собеседник агентства.

По его мнению, страны, которые понимают важность поддержки традиционных для себя религиозных общин и ограничения деструктивной экстремистской деятельности, могут и должны объединиться для того, чтобы отстаивать «правильность именно такого взгляда: это и Китай, и Индия, и многие страны центра и востока Европы, вклю-

чая Россию и Украину, и государства Латинской Америки, и те же страны Средней Азии».

«Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что нам не нужно бояться заявлять о правильности нашего понимания отношений религии, государства и общества. Наш подход проверен веками и обеспечивает мир в обществах, которые я упомянул», – подытожил священник.

30 июля 2014 г. // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=56053>

Приведенные фрагменты ярко характеризуют проблемы функционирования религии в современном мире. Теперь обратимся к более детальному рассмотрению характера религиозности в США, так как эта страна во многом определяет религиозную картину современности.

4.2 Религии и характер религиозности в США

Религиозная история США началась одновременно с колонизацией континента, что предопределило религиозную ситуацию в стране на столетия. Эмигранты в массе своей принадлежали к протестантским течениям, и подвергались преследованиям в Европе. Поэтому дух религиозной свободы был ограничен Северной Америке уже с середины XVII века. Пуритане, баптисты, квакеры, методисты, менониты селились в отдельных округах и образовывали религиозные общины. Хорошо известен аскетизм этих религиозных общин. Государственные и общественно значимые посты нельзя было занять, не принадлежа к той или иной из перечисленных групп. Все это задавало тон религиозному сознанию американцев. Свобода, ответственность перед своей общиной, наряду с религиозным плюрализмом – вот основные свойства этого религиозного сознания. Конечно, за столетия парадигмы религиозного сознания в США претерпели трансформацию, и в отдельных своих моментах весьма значительную трансформацию, но очень многое из первоначальных ориентаций в религиозном сознании сохранилось.

Среди факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на религиозность в США, следует указать:

- снижение общей страновой религиозности с 90% населения до 80% за последние десять лет;

- заметно увеличилось количество людей, которые по их словам «верят в Бога», но не принадлежат ни к одной из существующих в США конфессий (таких стало более 14% от общего числа верующих, ранее было – около 8%);

- с 4 до 12 млн. увеличилось количество опрошенных, отказавшихся отвечать на вопрос о своей религиозности, – на сегодня общее количество верующих всех конфессий в США – 54% от населения;

- молитвенные дома постоянно посещают 83% американских евангелистов, 75% мормонов, 70% адвентистов, 69% баптистов, 66% методистов, 64% пресвитериан, 62% мусульман, 60% христиан (не относящих себя к определенной номинации), 59% католиков, 53% иудеев, 45% протестантов и 28% буддистов;

- 75% населения США оценили свое мировоззрение как «религиозное» или «частично религиозное», 16% – как «светское» или «частично светское» и только 1% оценил его как комбинацию светского и религиозного. Остальные респонденты затруднились с ответом.

Также следует отметить следующие аспекты характера религиозности в США:

- женщины в США более религиозны, чем мужчины;

- значительно увеличилось количество конфессий и деноминаций, расколы и разделения конфессий идут ускоряющимися темпами;

- церкви самого разного толка являются самыми крупными получателями пожертвований (более 40% от всех пожертвований);

- хронически не хватает священнослужителей всех конфессий,

- многолетние замеры службы Gallup показывают, что для 84% американцев религия играет важную роль в жизни, для 15% жителей страны вера не имеет никакого значения;

- религиозное образование в средних школах отменено (за исключением частных), в высших учебных заведениях преподаются не основы религий, а курсы религиозной толерантности;

- проповедники многих конфессий все больше прибегают к теле – и радио проповедям;

- церковные службы сочетаются с концертными программами.

Из всех перечисленных факторов, характеризующих состояние религиозности в США, вытекает чрезвычайно разнообразная практика отправления веры и толерантное отношение к иным вероисповеданиям.

Еще одной важнейшей специфической стороной религиозности США является то обстоятельство, что США, как основной субъект мировой политики, использует религию в геополитике давно и с успехом. Политическое руководство США уделяет религии пристальное внимание. Религиозное сознание в США заметно политизировано.

В 1998 году в США был принят закон (акт) «О международной свободе вероисповедания». Этим актом религиозные свободы наделялись особым статусом, и США брали на себя ответственность за соблюдение свободы вероисповедания в мире. Президент США Б. Клинтон заявил во время подписания этого акта о том, что «религиозная свобода – центральный элемент внешней политики США». При Госдепе США была создана особая комиссия, в обязанность которой входило отслеживать нарушения в сфере свободы совести и готовить ежегодные доклады Госдепу о состоянии свободы вероисповедания в мире. Оправданием очевидного вмешательства США во внутренние дела независимых государств стали следующие соображения:

- религиозные свободы являются важнейшей составной частью системы прав и свобод человека, поэтому стремление США к поддержанию и развитию демократии, органично включает в себя заботу о состоянии свободы вероисповедания;
- заметное присутствие религиозного фактора в современных проявлениях экстремизма и терроризма, против которых США возглавляют борьбу.

На основании этого акта Государственный департамент США готовит «Ежегодные доклады о свободе вероисповедания в мире», рассматривая именно религиозные свободы в качестве основного критерия приверженности тех или иных стран свободе и демократии. Вот, что говорила государственный секретарь США Х. Клинтон по этому поводу. «Каждый год Государственный департамент готовит всесторонний обзор положения со свободой вероисповедания в странах и территориях

по всему миру. Мы делаем это, поскольку убеждены, что свобода вероисповедания – это и основополагающее право человека, и неотъемлемый элемент любого стабильного, мирного, процветающего общества. Это не только американская точка зрения, это – точка зрения стран и народов всего мира. Она закреплена во Всеобщей декларации прав человека, она охраняется Международным пактом о гражданских и политических правах и гарантируется законами и конституциями многих стран, включая нашу собственную, где свобода вероисповедания является первой свободой из перечисленных в нашем Билле о правах. Таким образом, руководствуясь данным докладом, Соединенные Штаты будут и впредь отстаивать свободу вероисповедания во всем мире как ключевой элемент американской дипломатии»[10]. Тем самым, открыто признается, что религия выступает в качестве существенной формы влияния США на мир с целью реализовать национальные интересы этой супердержавы.

В США, действительно, имеет место религиозная свобода и толерантность. Но, как отмечается исследователями, эта свобода базируется не на глубоком принятии сущности религии, а на поверхностном к ней отношении – как к еще одному мировоззрению, имеющему право на существование в пределах правового поля. Президенты США, в свою очередь, всегда прибегали к религиозной риторике в обосновании своей внутренней и внешней политики. Но особо преуспел в этом Джордж Буш – младший. Вот как характеризует ситуацию вокруг религиозной аргументации политики администрации США времен Буша – младшего бывший госсекретарь США М. Олбрайт. Напоминая о постоянной ссылке Буша – младшего в его решениях на волю Божью, М. Олбрайт пишет: «Разумеется, проблема не в том, что администрация Буша старается обосновать свое право на лидерство (в мире – А.К.) моральными критериями. Фактически это делали все президенты. Беда в том, что используемая при этом риторика слишком уж смахивает на попытку оправдать политику США с помощью исключительно религиозной терминологии, а это все равно, что махать красным флагом перед разъяренным быком» [25,191]. И далее: «Президент

Буш гордится тем, что в своих суждениях и выводах о том, что верно, а что неверно, он руководствуется, в том числе, и религиозными ценностями, а также своим пониманием того, что хочет и чего не хочет Господь» [27, 192–193]. Надо иметь совершенно особые отношения с Богом, чтобы говорить в политике от имени Бога, и вряд ли США обладают здесь преимущественным правом.

Палата представителей Конгресса Соединенных Штатов Америки 06.12.2007 приняла резолюцию «Признание важности Рождества Христова и Христианской веры» (HRES 847 IH1S; первая сессия 110-го Конгресса), в которой, в частности, говорится: «Принимая во внимание, что Рождество Христово – праздник величайшего значения для американцев и многих других культур и наций, празднуется ежегодно христианами повсюду в Соединенных Штатах и в мире; принимая во внимание, что приблизительно 225 000 000 христиан проживает в Соединенных Штатах, что делает Христианство религией трех четвертей американского населения; принимая во внимание, что приблизительно 2 000 000 000 христиан живет во всем мире, что делает Христианство наибольшей религией в мире и религией приблизительно одной трети мирового населения; принимая во внимание, что христиане и Христианство внесли величайший вклад в развитие Западной цивилизации; Палата представителей: признает Христианскую веру как одну из великих религий мира; выражает непрерывную поддержку христианам в Соединенных Штатах и во всем мире; не приемлет фанатизм и религиозные преследования, направленные против христиан, в Соединенных Штатах и во всем мире; и выражает самое глубокое уважение американским христианам и христианам во всем мире» (приведено с сокращениями – А.Г.).

США делают спорадические попытки улучшить отношения с исламским миром – это прослеживается как тенденция. Достаточно обратиться к анализу речи Б. Обамы в Каире в 2009 году, чтобы убедиться в наличии таких устремлений. Правда, сам исламский мир отнесся к этой речи критично, подчеркнув, что мусульмане поверят не словам США, но их делам. В том же 2009 году США создали фонд поддержки исламского бизнеса.

«Белый дом создал многомиллионный инвестиционный фонд развития технологий в исламском мире. Фонд под названием Global Technology and Innovation Fund (Глобальный фонд технологий и инноваций) обеспечит финансированием на сумму \$25–150 млн. ряд отобранных проектов. Фонд создала компания «Overseas Private Investment Corporation» (ОПИС). Сферы планируемых инвестиций – технологии, образование, телекоммуникации, масс-медиа, профессиональные услуги, зеленые технологии и т. п. Белый Дом сообщил, что данный фонд был открыт в рамках политики по улучшению отношений с мусульманским миром, и что его создание последовало за соответствующим обещанием Обамы, сделанным во время речи в Каире. Также Обама пообещал провести в этом году саммит по предпринимательству, чтобы укрепить связи между бизнесменами США и мусульманских стран» [1].

В 2010 и 2011 годах США значительно усилили религиозный аспект в своей внешней политике. Независимый политолог Бондарев В.В. концентрированно обобщил эти аспекты в статье «Религия в жизни и политике президента Обамы». Приведем выборочные цитаты из этой статьи.

«В феврале 2010 г. близкий к президенту Обаме Чикагский совет по глобальным вопросам (Chicago Council on Global Affairs) подготовил доклад, где рекомендовал администрации выработать особую стратегию использования религии в американских интересах. Представленный документ с примечательным названием «Вовлечение зарубежных религиозных сообществ: новый императив для внешней политики США» был написан рабочей группой из 32-х авторитетных деятелей разных религиозных конфессий и специалистов-религиоведов под руководством исполнительного директора Чикагского совета Томаса Райта.

По мнению авторов доклада, США должны гораздо лучше, чем сейчас, представлять себе роль религии в мировой политике, больше знать о конфессиональных сообществах, их лидерах и возникающих в их среде тенденциях, т. е. перейти от отношений межгосударственного уровня на уровень непосредственного общения с религиозными сообществами. ...Опираясь

на консенсус правительственных и академических экспертов, а также на мнение представителей религиозных конфессий страны (согласно утверждениям авторов), было предложено исходить из шести факторов, указывающих на возрастающую важность религии в международных делах: 1. Влияние в мире религиозных групп с долговременной традицией и вновь образованных растёт и постепенно охватывает все стороны общественной жизни от политики и культуры до бизнеса и науки. 2. Меняющиеся проявления религиозной идентификации в мире приводят к значительным политическим последствиям. 3. В процессе глобализации религия получила серьёзные стимулы к развитию и трансформировалась, но при этом превратилась и в серьёзную организованную силу, первостепенно противостоящую этой глобализации. 4. Религия играет особо важную общественную роль там, где у правительств не хватает сил и легитимности, прежде всего в периоды экономических и политических потрясений. 5. Религия часто используется экстремистами как катализатор разжигания конфликтов и средство эскалации напряжённости между религиозными сообществами. 6. Растущая роль религии повышает ценность религиозной свободы как универсального права человека и как источника социальной и политической свободы.

В документе, таким образом, предложена новая международная стратегия Вашингтона, опирающаяся на религиозную составляющую, которая, однако, «должна носить не прямой характер, чтобы в мире не складывалось впечатление, будто США используют религию как инструмент и пытаются манипулировать сообществами верующих для достижения своих узкоочерченных интересов».

Рекомендовалось также тщательно подобрать известного американского мусульманского деятеля для поста полномочного посла или специального посланника в Организации Исламская конференция. Подчёркивалась необходимость того, чтобы американские послы или, по крайней мере, члены их семей в странах, где религия играет особую роль (Афганистан, Саудовская Аравия, Ватикан, Бразилия и другие), соблюдали или даже практиковали местные религиозные традиции. Пре-

зидент США должен представить общественности официальное разъяснение, что первая поправка к Конституции страны, где говорится об отделении церкви от государства, «не запрещает Соединённым Штатам использовать религиозные сообщества за границей в целях проведения своей внешней политики, хотя и накладывает определённые ограничения на методы её осуществления». Предлагалось устанавливать прочные связи с социальными учреждениями за рубежом, действующими под эгидой церковных организаций (больницами, школами, агентствами помощи и развития, фондами защиты прав человека) и предоставлять им помощь, поскольку они оказывают «мощное влияние на жизнь и политические пристрастия населения». Тем самым появится возможность «взаимодействовать с людьми напрямую, через головы режимов, господствующих в странах их проживания». Более того, следует вовлекать в сотрудничество даже те «политические религиозные партии, которые оппонируют внешней политике США». Опыт показывает, что «многие из них, приходя к власти, становятся более реалистичными и прагматичными» [3].

Можно обоснованно утверждать, что состояние религиозного сознания в США крайне противоречиво. При доминировании понимания религии как формы общественного сознания и элемента гражданского общества, имеется высокий уровень убеждений в том, что религия является частью политики, в том числе международной. Религиозная свобода сочетается с уверенностью необходимости придерживаться избранной религии (что и приводит к дифференциации религий внутри них). Религиозность в целом во многом носит внешний характер. В США, бесспорно, имеет место религиозная свобода и толерантность. Но эта свобода и толерантность базируются не на глубокое принятии сущности религии, а на поверхностном к ней отношении. Периодически обостряются межрелигиозные отношения в результате провокационной деятельности ряда священнослужителей (публичное сжигание Корана, фашистские надписи и рисунки на синагогах, радикальные проповеди).

Наряду с этим, «демократизирующееся» сознание верующих во все больших масштабах направляется на такие сферы,

какие ранее были вне критики. Жесткой критике подвергаются сами религиозные лидеры. «Согласно опросу, проведенному американским Институтом общественного мнения, лишь половина жителей США доверяют священникам и считают их честными и высоконравственными людьми, сообщает Christian Post. Недоверие к священникам в США растет как среди католиков и протестантов, так и среди далеких от Церкви людей. Как показал опрос, сегодня в этой стране самый низкий показатель доверия духовенству за последние 30 лет. Только 55% протестантов сегодня считают священников честными и нравственными в отличие от 60% в прошлом году. Среди католиков этот показатель тоже снизился – до 56% по сравнению с 63% в прошлом году. 40% американцев, редко посещающих богослужения или почти никогда не делающих этого, считают, что священникам можно доверять; аналогично думают 63% американцев, посещающих богослужения каждую неделю» [8].

Не лишней будет и характеристика Великобритании со стороны ее религиозности. В правовой системе Великобритании появились законы шариата. В новом официальном руководстве для адвокатов появились инструкции, как составлять завещания так, чтобы они отвечали нормам исламского права и соответствовали британскому законодательству. В частности, адвокаты Англии и Уэльса получили инструкции, как изменять стандартные юридические термины, и рекомендации включить в текст документов декларацию веры в Аллаха, которая должна быть составлена в местной мечети. Британские юристы предполагают, что в некоторых случаях принципы шариата могут пересилить традиционные практики Великобритании. Также ответственность за составление некоторых бумаг возложена на шариатские суды. В Великобритании пока принципы шариата не входят в законодательство, но в королевстве существует сеть из 85 шариатских судов, занимающихся улаживанием споров среди мусульман. Некоторые из них официально признаны и действуют в соответствии с законами об арбитраже. Новое руководство, изданное Ассоциацией юристов Англии и Уэльса, впервые признало легитимность некоторых принципов шариата и дало возможность юристам, не исповедующим ислам,

предложить услуги по составлению завещаний по шариату, сообщает ИТАР-ТАСС со ссылкой на The Sunday Telegraph» [7].

Слабеющее христианское сознание европейцев уступает давлению не только ислама, но и агрессивному секуляризму. Так, в той же Великобритании специальные службы через интернет принимают отречение христиан от факта их крещения, что освобождает некогда верующих от всяких обязательств в религиозной сфере: за 3 фунта стерлингов можно заполнить анкету по Интернету с отказом от христианства (для иностранцев сумма больше: 10–15 фунтов) [32].

Отношение Европы к исламу можно определить как настороженное. Теряя собственную религиозность, вместо хотя бы частичного возвращения к своим христианским корням, Европа начинает достаточно активно противостоять и исламу. Проведенные в 2007–2010 годах рядом известнейших мировых агентств социологические опросы в Европе с целью выяснить отношение европейцев к исламу выявили неутешительные результаты: исламу доверяют не более 25–30% респондентов. Так что результаты швейцарского референдума, проведенного в 2009 году по поводу запрета строительства минаретов совсем не удивительны. Как и законодательные инициативы Бельгии и Франции в отношении запрета никаба и хиджаба. Следует отметить, что отношение европейцев к христианству не намного лучше. И когда европейцы все же говорят о позитивной роли религии, они смещают акценты. Так, согласно многочисленным социологическим опросам, около половины европейцев считают, что христианские ценности по-прежнему значимы для Европы, но интересно, что признается внешняя для христианства значимость этих ценностей: 48% европейцев считают, что христианские ценности играют ключевую роль в «развитии диалога между различными культурами и религиями» и «солидарности с бедными». А собственно сакральное значение христианства в массовом европейском сознании утрачивается.

В Европе, чья цивилизация создана на основе христианства, сегодня идут явно антихристианские процессы. Вот событийный ряд, далеко не полный, но дающий представление о ситуации. Европейский суд по правам человека в 2009 году запретил

распятие в школах Италии (в 2011 году дело было пересмотрено в Большой палате ЕСПЧ, которая отменила первоначальное решение суда, но эта отмена стала результатом длительных протестов многих государств и христианских церквей европейского континента), в ряде стран Европы запрещено носить нательный крест, около 18 000 христианских храмовых помещений в Европе перепрофилированы: проданы или превращены в пивные, кинотеатры и иные развлекательные заведения. В 2009 году Совет Европы расценил богохульство как проявление свободной воли человека, не относящееся к числу противозаконных действий. В Испании, некогда оплоте католицизма, социалистическое правительство последовательно противостоит «публичному выражению католической веры как конфликтному и нежелательному». В Европе повсеместно закрываются высшие и средние религиозные учебные заведения (немногие желают стать священниками). Римско-католическая церковь подвергается массовой критике за ее непреклонную позицию в отношении абортов, однополых браков, эвтаназии. Заметно сократилось число верующих всех традиционных для Европы религий. Как тут не вспомнить Ортегу-и-Гасета с его высказываем о том, что «Не поднимается ли в сердцах европейцев непостижимая злоба против собственной исторической сущности...» [29, 171], и они разрушают свои основы именно поэтому.

Следует отметить и следующую важную для нашей темы особенность политики Европейского Союза. Ни во внутренней, ни во внешней политике ЕС не прибегает к религиозной риторике (в отличие от США, которые очень многое в их политике аргументируют именно религиозными ценностями). С одной стороны, это достаточно честно, коль скоро религия вытеснена на периферию общества и государства, то и аргументировать ею ничего не следует. С другой стороны, религия на сегодня едва ли не единственный феномен, который может нечто сказать с позиции нравственности: к примеру: – «военное вторжение в Сирию безнравственно, оно приведет к гибели ни в чем не повинных людей, детей и стариков». Мы (религиозные лидеры), говорит далее религия, не просто обращаемся к политиче-

ским лидерам решить все вопросы мирно, дипломатическими средствами, мы запрещаем вам вторгаться в Сирию. Вот документы всего трех дней сентября 2013 года.

Вставка

1. Папа Франциск призвал искать политическое решение сирийского кризиса «на полях» саммита G20

Рим. 5 сентября 2013 г. ИНТЕРФАКС – Папа Римский Франциск направил письмо президенту России Владимиру Путину с просьбой попытаться найти пути мирного урегулирования сирийского кризиса во время саммита «двадцатки» в Петербурге.

По словам представителя понтифика Федерико Ломбардии, в письме говорится, что участникам саммита «нужно действовать», чтобы решить сирийскую проблему. Кроме того, папа подчеркнул, что выступает против любого военного решения сирийского конфликта. «Я призываю лидеров всех стран, всех до единого: я сердечно прошу их помочь найти пути для примирения враждующих сторон и избежать военного решения конфликта», – говорится в письме. Также понтифик призвал лидеров «большой двадцатки» оказать гуманитарную помощь всем нуждающимся. «Все правительства морально обязаны сделать все возможное, чтобы оказать гуманитарную помощь всем пострадавшим в ходе конфликта как внутри, так и вне страны», – отметил понтифик // 2014г. <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=52556>

2. Всероссийский муфтият призвал США и союзников отказаться от войны в Сирии

Москва. 9 августа 2013 г. ИНТЕРФАКС – Глава совета улемов Всероссийского муфтията Фарид Салман призвал лидеров США, Франции и Турции отказаться от ударов по Сирии.

«Складывается впечатление, что власти США возомнили себя единоличным хозяином на планете. Верующие в Бога люди знают, что фараон египетский в свое время возомнил себя Высочайшим Господом на Земле... И поразила его Бог наказанием в другом мире и в этом», – говорится в заявлении совета улемов, переданном в понедельник в «Интерфакс-Религия». Ссылаясь на Священное Писание, муфтий Ф.Салман напоминает, что Господь направил своего посланника Мусу (Моисея), «и плачевным был исход фараона». «Пусть же призадумаются о конце фараона те, кто сегодня толкают мир в пучину новой мировой войны», – пишет муфтий, подчеркивая, что «на каждого иного фараона найдется свой Моисей».

Представитель Всероссийского муфтията напоминает Б.Обаме, что его предшественники «уже развязали войны и

кровапролитие в Ираке, Йемене, Афганистане, Пакистане», а на период нынешнего американского лидера пришлось кровапролитие в Ливии, Египте и Тунисе. «Не Вам, не международным террористам, собравшимся на территории Сирии, а самим сирийцам, определять каким будет будущее Сирии... Не Америка, но Господь Творец и Миросозидатель – истинный хозяин этой планеты», – говорится в обращении. Муфтий убежден, что «Господь никогда не потерпит того, кто считает себя единым и неповторимым, на роль которого все еще претендуют США». Обращаясь к президенту Франции, муфтий Ф.Салман отмечает, что спустя столетия ни в Сирии, ни в Ливане, ни в исторической Палестине, ни в Египте народ еще не забыл «позорные деяния» прежних лидеров Франции, участвовавших в крестовых походах, и еще живы те, кто помнят кровавые события в Алжире. «У Вас есть чем заняться в своей родной стране: проблема роста молодежного радикализма, растущий антисемитизм, навязывание большинству населения новых «ценностей», пенсионная проблема, беспорядок во французской экономике. Решайте эти и другие проблемы французского общества», – пишет муфтий Франсуа Олланду.

В письме премьер-министру Турции Реджепу Тайипу Эрдогану муфтий Ф. Салман отмечает, что Турция на протяжении большого отрезка времени, являлась «образцом для развития мусульманского мира». «Сегодня именно Турции необходимо возратить роль мудрого арбитра. В этом ее великая роль. Иное поведение, Бог тому свидетель, может привести к тому, что Турция сама может потерять свое историческое место в арабском и мусульманском мире», – считают во Всероссийском муфтияте. Считая, что сейчас человечество стоит на грани «между настоящим и будущим без будущего», глава совета улемов призвал США, Францию, Турцию и прочих недругов Сирии «не играть с огнем, но потушить зажженный фитиль войны» // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=52580>.

3. Патриарх Кирилл призвал Обаму отказаться от войны в Сирии и содействовать началу мирных переговоров

Москва. 11 сентября 2013 г. ИНТЕРФАКС – Патриарх Московский и всея Руси Кирилл направил президенту США Баракку Обаме обращение с призывом отказаться от военного вторжения в Сирию.

«Русская православная церковь знает цену человеческим страданиям и утратам, поскольку наш народ в XX веке пережил две разрушительные мировые войны, которые унесли миллионы жизней и исковеркали множество судеб. Мы также воспринимаем как свои собственные боль и страдания американского народа, пережившего чудовищные террористические атаки 11

сентября 2001 года. Накануне очередной годовщины этого печального события обращаюсь к Вам с призывом прислушаться к голосам религиозных лидеров, единодушно выступающих против военного вмешательства в сирийский конфликт, и содействовать скорейшему началу мирных переговоров», – говорится в обращении патриарха, распространенном его пресс-службой. Предстоятель Русской церкви подчеркивает, что сегодня Сирия стала ареной вооруженного противостояния с международным терроризмом, а для миллионов мирных жителей война в этой стране стала «ежедневной Голгофой». «С глубоким беспокойством мы восприняли известие о планах военных ударов армии США по территории Сирии. Без всякого сомнения, это принесет еще большие страдания сирийскому народу, прежде всего мирному населению. В результате внешнего военного вмешательства к власти в Сирии могут прийти радикальные силы, которые не сумеют и не захотят обеспечить межконфессиональное согласие в сирийском обществе», – убежден патриарх.

Особую тревогу он выразил за судьбу христианского населения Сирии, которому в случае войны грозит «полное уничтожение или изгнание».

Патриарх Кирилл подчеркивает, что нынешний сирийский кризис требует разрешения при участии мирового сообщества. «В этой связи считаем важным использовать открывшиеся возможности для дипломатического разрешения нынешнего конфликта, предусматривающие контроль международного сообщества над химическим оружием в Сирии», – говорится в обращении патриарха к Б. Обаме // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=52605>

Как можно видеть, религиозная ситуация в современном мире чрезвычайно непростая, и тенденции ее развития разнонаправлены. Но религии все громче возвышают свой голос в защиту мира и справедливости. Позитивное влияние религии на мировую политику возрастает.

5 МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ РЕЛИГИИ

Законодательство в сфере религии является фактором, во многом определяющим ее реальные возможности в вопросах влияния на самые различные стороны жизни современного мира. Такое определяющее значение законодательства в области религии имеет место, как на уровне государства, так и на региональном уровне. Особое значение имеет международный уровень, так как он задает общие ориентиры для всех государств мира.

Конечно, государства имеют возможность защищать свои национальные интересы в сфере религии, в сфере государственно-конфессиональных отношений, но маневр государств невелик – международное законодательство, как правило, имеет преимущество в сравнении с национальными законодательствами. А в сфере религии принято большое количество документов, имеющих международное значение. Приведем фрагменты международных документов в области религии, заостряя внимание на тех из них, какие оказывают наибольшее влияние на процессы реализации религией своих позитивных возможностей в современном мире.

Основопологающим международным документом, регулирующим право на свободу вероисповедания, является «Международный пакт о гражданских и политических правах», принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году. В статье 18 говорится:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообщая с другими, публичным или частным порядком, в отправление культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» [51].

По значимости приближается к этому документу ООН Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая еще в 1950 году, но с тех пор многократно дорабатываемая. Статья 9 этого документа постоянно цитируется правозащитниками, она получила всеобщую известность.

«1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. 2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц» [16].

Чрезвычайно важен и такой документ, как «Международный акт о религиозной свободе».

«Международный акт о религиозной свободе, принятый Конгрессом США в 1998, в секции 3(13)(А) дает формулировку нарушения религиозной свободы: произвольное запрещение, наказание за или ограничение (1) мирных религиозных собраний, таких как: богослужение, проповедь и молитва, куда также относится и произвольное требование регистрации; (2) открытого исповедания веры; (3) изменения религиозных убеждений человека и принадлежности к той или иной религиозной группе; (4) владения и распространения религиозной литературы, включая Библию; (5) воспитания детей в соответствии с религиозными убеждениями и практиками родителей. Примеры нарушения религиозной свободы включают: жесткие требования регистрации, предпочтение конкретных религиозных групп, произвольное утверждение требований к деятельности религиозных организаций и групп, ограничение открытых и свободных выступлений, злоупотребление вопросами национальной безопасности» [50].

Европейское законодательство в сфере религии имеет два крупных блока. Первый – национальные законодательства, которые достаточно патронажны в отношении религии (согласно им почти в каждой стране Европы на конституционном уровне или на уровне специального законодательства оговорено преимущественное право для той или иной религии). Второй блок – международный (общеевропейский или общемировой). Именно во втором блоке и принимаются законы и иные акты, в ходе реализации которых религия утрачивает свои права. Причем религии специально как бы и не подвергаются дискриминации, они, как и всякие другие объединения граждан, напротив, защищаются. Но меняется стратегическое видение сущности религии, и уже под это видение принимаются международные документы.

Вот, к примеру, как определяются религии в концептуально очень важной документе – Рекомендация ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека» (2007). Резолюция важна, так как она заложила основу для многих иных общеевропейских документов в области религии и, ее отношений с европейскими государствами и обществами. «Парламентская Ассамблея отмечает, что религия является важной характерной чертой европейского общества. Это обусловлено исторически многовековым присутствием определенных религий и их влиянием на европейскую историю. Сегодня число религий на нашем континенте продолжает увеличиваться, растет число церквей и верований (ст.1). Организованные религии, как таковые, являются неотделимой частью общества и должны рассматриваться как институты, созданные гражданами и для граждан, которые имеют право на свободу религии, а также как организации, являющиеся составной частью гражданского общества со всем своим потенциалом, позволяющим служить ориентиром в этических и гражданских вопросах, и играющие определенную роль в национальном сообществе, будь оно религиозным или светским (ст.2). Совет Европы должен признать такое положение дел и приветствует и уважает религию во всем ее многообразии как форму этического, морального, идеологического и духовного самовыражения части

европейских граждан с учетом различий между самими религиями и особенностями каждой из стран (ст.3) [37].

Это – демократический антураж. А вот далее: «За последние 20 лет религиозный культ претерпел заметный упадок в Европе. Менее одного европейца из пяти посещают религиозную службу не реже одного раза в неделю, тогда как 20 лет назад эта цифра была в два раза больше. В то же время мы наблюдаем усиление мусульманских общин практически во всех государствах-членах Совета Европы (ст. 6)... Свобода религии защищена статьей 9 Европейской конвенции о правах человека и статьей 18 Всеобщей декларации прав человека. Однако эта свобода не является беспредельной: неприемлема религия, доктрина или обряды которой противоречат другим основным правам» (ст.16)... Исключить любое вмешательство в религиозные дела, но *рассматривать религиозные организации как часть гражданского общества* (выделено мною – А.К.) и призывать их играть активную роль в достижении мира, сотрудничества, терпимости, солидарности, межкультурного диалога и в распространении ценностей Совета Европы (ст.23.2.). *Подтвердить принцип независимости политики и закона от религии*» (выделено мною – А.К.) (23.3.). Не проводить консультации с группами, которые не заявили однозначно о поддержке основных ценностей Совета Европы, а именно прав человека, демократии и верховенства закона (23.5.). *Постепенно исключать из законодательства, если такова воля народа, элементы, которые могут быть дискриминационными с точки зрения демократического религиозного плюрализма* (24.2.) (выделено мною – А.К.)» [37].

Можно видеть, что на законодательном уровне религию вытесняют из общественной и государственной жизни. Определенные силы (недовольные «живучестью» религии и ее стремлением участвовать в различных общественно значимых процессах) делают это сознательно, другие делают это отстаивая «права человека» и «гуманистические идеалы». Как бы там ни было, ситуация развивается довольно быстро, и религия теряет социальные позиции. Причем подчас она не может защитить даже общепризнанные свои права.

Несколько лет назад по миру прокатилась череда «карикатурных» скандалов, и когда лидеры религий, подвергшихся осмеянию и оскорблению (оскорблялись и мусульмане и христиане), подняли этот вопрос на международном уровне, ряд очень ответственных международных структур приняли постановления и рекомендации в пользу свободы слова, при этом оскорбление верующих были признано их частным делом. Так, Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 1577 (2007) «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию», название которой говорит само за себя. А еще раньше, в 2006 году, ПАСЕ приняла Резолюцию 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований», в которой отмечалось: «...в демократическом обществе свобода мысли и свобода выражения должны допускать открытую дискуссию по вопросам, касающимся религии и верований.... Современные демократические общества образуют индивидуумы, исповедующие различные убеждения и верования. Нападки на индивидуумов на основе их религии или расы не могут допускаться, однако законы о святотатстве не должны использоваться для ограничения свободы выражения и мысли» (ст.3)... Святотатство, – подчеркивалось далее, – имеет давнюю историю. Ассамблея напоминает, что законы, наказывающие за святотатство и критику религиозных обрядов и учений, зачастую негативно влияли на научный и социальный прогресс. Ситуация начала меняться по мере развития просвещения и вылилась в отделение церкви от государства. Современные демократические общества тяготеют к светскости и более озабочены свободами личности.... (ст.7). И, наконец: «Ассамблея полагает, что свобода выражения, защищаемая в соответствии со Статьей 10 Европейской конвенции по правам человека, не должна далее ограничиваться с учетом роста чувствительности некоторых религиозных групп» (ст. 12). А религиям было рекомендовано: «В демократическом обществе религиозным общинам разрешается защищаться от критики или осмеяния в соответствии с законодательством и нормами в области прав человека.....» (ст.8) [36].

Будут интересными и те рекомендации, которые даются международными структурами в адрес правозащитников в области религии – очень показательный документ.

«Защитники свободы вероисповедания оказывают необходимое давление на правительства разных стран, требуя соблюдения международного законодательства, и эта работа приводит к спасению людей от гибели, освобождению их из тюрем, реализации религиозных свобод. Эта деятельность осуществляется в рамках международного права, она приводит к ощутимым переменам. Работа идет по следующим направлениям: непосредственная адвокатская деятельность, переговоры на уровне правительств и министерств, публикация материалов по нарушению прав человека, предоставление отчетов надзорным органам, применение международных механизмов принуждения к соблюдению законодательства. Для достижения нужных результатов правозащитники сотрудничают с неправительственными (НКО) организациями по защите свободы вероисповедания. Если правительство той или иной страны допускает нарушение религиозных прав и свобод, привлекается внимание международных институтов с целью оказания давления на политическом уровне. НКО часто выступают в роли единственного катализатора в такого рода деятельности».

«Защитники религиозных прав и свобод должны выступать против всех форм преследований и репрессий по религиозному признаку, даже если речь идет о чуждом им вероисповедании или если репрессивному воздействию подвергаются люди, отрицающие веру вовсе. Работает правило: чем больше шума вокруг проблемы, тем лучше. Позитивный исход в одном случае может помочь в других похожих ситуациях. Правительства предпринимают попытки подкупа правозащитников, предоставляя преимущества и свободы исключительно тем религиозным группам, из среды которых происходят активисты правозащитного движения. Защитникам религиозных свобод нужно избегать такого искушения» [50].

В заключение главы, посвященной обзору международной законодательной азе в сфере религии, приведем фрагменты Закона РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» для некоторого сравнения.

«Настоящий Закон основывается на том, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством, подтверждает право каждого на свободу совести, гаран-

тирует равноправие каждого независимо от его религиозного убеждения, признает историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана, признает важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан» (Преамбула)

Статья 3

«1. Государство отделено от религии и религиозных объединений.

2. Религиозные объединения и граждане Республики Казахстан, иностранцы и лица без гражданства независимо от отношения к религии равны перед законом.

3. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

4. Система образования и воспитания в Республике Казахстан, за исключением духовных (религиозных) организаций образования, отделена от религии и религиозных объединений и носит светский характер.

5. Воспрепятствование законной религиозной деятельности, нарушение гражданских прав физических лиц по мотивам отношения к религии или оскорбление их религиозных чувств, осквернение почитаемых последователями той или иной религии предметов, строений и мест не допускаются.

6. Каждый вправе придерживаться религиозных или иных убеждений, распространять их, участвовать в деятельности религиозных объединений и заниматься миссионерской деятельностью в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

8. В соответствии с принципом отделения религии и религиозных объединений от государства государство:

1) не вмешивается в определение гражданином Республики Казахстан, иностранцем и лицом без гражданства своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или иными их законными представителями согласно своим убеждениям, за исключением случаев, когда такое воспитание угрожает жизни и здоровью ребенка, ущемляет его права и ограничивает ответственность, а также направлено против конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности Республики Казахстан;

2) не возлагает на религиозные объединения выполнение функций государственных органов;

3) не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если деятельность религиозных объединений не противоречит законам Республики Казахстан;

4) способствует установлению отношений взаимной терпимости и уважения между гражданами Республики Казахстан, иностранцами и лицами без гражданства, исповедующими религию и не исповедующими ее, а также между различными религиозными объединениями.

9. В соответствии с принципом отделения религии и религиозных объединений от государства религиозные объединения:

1) не выполняют функции государственных органов и не вмешиваются в их деятельность;

2) не участвуют в деятельности политических партий, не оказывают им финансовую поддержку, не занимаются политической деятельностью;

3) обязаны соблюдать требования законодательства Республики Казахстан.

10. Запрещаются деятельность партий на религиозной основе, создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых направлены на утверждение в государстве верховенства одной религии, разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанных с насилием или призывами к насилию и иными противоправными действиями (Статья 3)» [13].

6 ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕЛИГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Конкретизируем ряд ранее высказанных общих положений относительно возможностей религии в вопросах одухотворения современного мира и ее ответах на вызовы и угрозы современности, опираясь на описанные контексты: концептуальный, фактологический и законодательный. Наметим несколько групп вызовов и, соответственно, ответов на них. Начнем с политической сферы. Вызовы в этой сфере известны, и в целом они таковы: *ожесточение современной политики и международных отношений; попрание международного права; политика двойных стандартов; «гуманитарные интервенции»; искажение принципов демократии и т. п.*

Понятно, что это – очень серьезные вызовы миру. Более того, эти вызовы превращаются в постоянную практику современной геополитики. Что может на это сказать религия, каковы ее возможности в придании современной политике «человеческого лица»? Надо подчеркнуть, что религии приходится демонстрировать свои позитивные возможности в политическом пространстве, где ей уже намечена вполне определенная и совсем не положительная роль. Анализ позволяет увидеть, что в геополитических сценариях развития мира противниками религии ей чаще всего уделяется роль средства дестабилизации внутристрановой или региональной ситуации.

Позитивные возможности религии в этих условиях могут проявляться по следующим направлениям:

- широко говорить об альтернативных путях выстраивания современной геополитики (более справедливой, гуманной). Религии делают это, но кулуарно, в своей, преимущественно, среде (в отличие от частных политических предложений), а как раз обращение к общественности сегодня и потребно: многие силы готовы поддержать религию, но не слышат ее голоса;

- религиозные авторитеты регулярно делают конкретные предложения по гуманизации мировой политики в адрес политических лидеров (лидерам восьмерки, двадцатки, в адрес Давосского форума, Трехсторонней комиссии и т. д.);

- через комиссии, советы, экспертные группы, в которые входят представители религии, проводится религиозное видение решение политических проблем. Здесь есть неудачи: православные Греции не могут добиться от государства защиты своих политических прав (хотя Греция, как известно, официально православное государство). В Сербии Православная церковь потребовала от власти не идти на поводу Евросоюза в вопросе признания независимости Косова и Метохии в обмен на начало переговоров по вхождению в ЕС, но правительство Сербии не прислушалось к этому требованию. Шииты в качестве исламского меньшинства в ряде стран Ближнего Востока не могут добиться равенства в правах. Но есть и удачи: Русская и Грузинская православные церкви активно иницируют процессы, направленные на улучшение отношений Грузии и России. Руководство Евросоюза заявило о готовности к более тесному диалогу с религиозными организациями, в том числе в решении социальных проблем. Как заявили ответственные чиновники Евросоюза, 17-я статья Лиссабонского договора признает «специфический вклад» религий в жизнь общества, поэтому регулярный диалог с Церквями становится «законодательным обязательством для ЕС». «Церкви и религиозные сообщества несут активное социальное служение в странах-членах ЕС, и если Евросоюз хочет эффективно бороться с бедностью и социальной незащищенностью, то существенно важно извлечь пользу из их многолетнего и всеохватывающего опыта», – сказал в свою очередь бывший президент Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу. Со своей стороны президент Евросоюза Херман Ван Ромпей указал на необходимость учета инициатив Церквей в социальной сфере. По его мнению, проблема борьбы с бедностью – «проблема восстановления достоинства человеческой личности, поэтому культурные и этические вопросы должны особо приниматься во внимание» [5];

- религии достаточно активно участвуют в стратегическом планировании будущего мира. Об этом не часто говорят

открыто, но религиозный фактор – один из основных в таком планировании. Стратегическое планирование нового мироустройства осуществляют все крупные державы. Но такое же планирование имеет место со стороны всех мировых религий. В этой связи можно упомянуть исламский, католический и православный проекты мироустройства. Политики пока берут на вооружение только внешние контуры этих проектов, но внутри даже того, что заимствуют политики, содержатся неустрашимые элементы духовности, последние проявятся самым неожиданным для политики образом.

Усилия религии по гуманизации современной политики дают свои плоды. Осознание возможностей религии в этой сфере становится достаточно массовым. Так, это понимание ярко выразилось в Обращении участников III Съезда лидеров мировых и традиционных религий (Астана, 2009 год): « Мы обращаемся к религиозным и политическим лидерам, общественным деятелям, ученым, средствам массовой информации и мировой общественности с призывом: постоянно поддерживать и способствовать усилиям религиозных лидеров и организаций для установления истинного межрелигиозного диалога, а также рассматривать актуальные проблемы человечества с целью выработки надлежащих путей их решения, признавая, тем самым, позитивную роль, которую может и должна играть религия в обществе; противостоять деструктивному использованию религий или религиозных различий в политических целях для сохранения единства общества на основе уважения легитимных различий; проявлять большую моральную и духовную силу и истинную солидарность в поиске справедливых решений экономических, финансовых, социальных и экологических проблем, существующих в глобальном мире» [23].

Еще более определенно сказано в Обращении участников IV Съезда (Астана, 30–31 мая 2012 года): «Убеждены, что единственным путем созидания безопасного мира является диалог, основанный на принципах взаимного уважения и понимания, сострадания и прощения, справедливости и солидарности, мира и согласия. В этой связи мы призываем к совершенствованию механизмов взаимодействия между религиозными об-

щинами, политическими лидерами, международными организациями и гражданским обществом» [24].

Итак, религия и в очень жестких условиях современной политики пытается донести свои ценности до политиков, определяющих облик современного мира, до структур, принимающих важнейшие решения в сфере политики. Вместе с тем, следует не забывать, что религия как очень специфический феномен, редко может действовать на политику, экономику и т. д. напрямую. Преимущественно, ее воздействие осуществляется через нравственное, духовное развитие людей, сообществ, политических лидеров. Как сказано: «В соответствии с деятельностью сердца изменяются внешние обстоятельства» [34] – так и надо менять мир.

Тезисно изложив основное содержание присутствия религии в политике и наметив некоторые аспекты позитивного влияния ее на политические процессы, рассмотрим эту проблему подробнее, для чего обратимся к реалиям политической сферы под углом присутствия в ней религии, наметим выходы из ряда тупиковых политических ситуаций: в связи с нарастанием агрессивности политики, в связи с вовлечением ислама в геополитические «игры» современности, и т. д.

В XX веке религия, хотя и являлась достаточно мощной силой, не была активно представлена в мировой политике. Отдельные спорадические акты вмешательства религии имели место (католицизм соучаствовал в социальных реформах в Латинской Америке, ислам вовлекался в освободительную борьбу колониальных стран, а впоследствии сближался то с социализмом, то с антиимпериализмом). Эксперты отмечают значительное влияние Римско-католической церкви (и лично Папы Иоанна-Павла II) на процессы распада СССР.

В конце XX века исследователи зафиксировали возрастающее влияние религии на общемировые процессы. С. Хантингтон выразил это влияние посредством теории столкновения цивилизаций (1993 г.), Д. Най сформулировал концепцию «мягкой силы» (специфического влияния религии на мировую политику) в 2003 г., в 2006 году выходит монография М. Олбрайт (в русском переводе – «Религия и мировая политика», 2007 г.),

в которой были освещены многие вопросы взаимодействия религии и политики. А затем концепции, идеи и монографии на данную тему стали появляться регулярно. Причем в каждой последующей работе роль религии в политике и, особенно, в геополитике оценивалась все выше и значительнее. Все значительные процессы, определяющие облик современного мира, увязываются в этих исследованиях с религией. Этнические и сепаратистские конфликты современности, неоднозначные процессы глобализации, ширящиеся миграционные потоки, несущие с собой доминирующие формы религиозности страны исхода, идентичность на всех уровнях – все это имманентно содержит в себе религиозный формат, и становится предметом пристального внимания экспертов.

6.1 Предпосылки активизации религиозного фактора в политике

Сегодня роль религии в политике возрастает. Что это означает? Это означает только одно: увеличились возможности использования религии в политических целях. Подчеркнем, что роль религии увеличилась и в других сферах жизнедеятельности человека: в культуре, в общественных отношениях, есть попытки даже нравственно оздоровить экономику средствами религии. Но углубленный анализ позволяет сделать вывод: во всех этих сферах присутствует не религия, как таковая, а, как правило, ее искаженный образ. В политике же этот образ особенно искажен, и религия используется самым примитивным и грубым способом.

Конкретные предпосылки активизации религиозного фактора в политике:

- общее падение веры во всем мире – это оправдывает внешнее функционирование религии, в том числе и в политике;
- трансформация религиозных объединений в относительно самостоятельный субъект политической системы;
- участвовавшие случаи аргументации политических решений религиозными факторами – с одной стороны, и обоснование религиозной активности политическими аргументами – с другой;

- рост числа радикальных религиозных течений;
- активизация партий на религиозной основе (публичные заявления руководства таких партий и политические акции нередко содержат элементы экстремизма: правые радикалы – христиане в Европе (Италия, Франция, ФРГ, страны Бенилюкса, Швейцария, Австрия, Испания, Португалия), Латинской Америке (Чили, Венесуэла, Уругвай, Перу) и радикалы – мусульмане в исламских странах: Партия исламской республики в Иране, Партия единства и развития в Индонезии, Панмалайская исламская партия в Малайзии, движение «Братья мусульмане» – в июле 2011 г. оформившееся как партия и др.);
- учет религиозного фактора во внешней политике государств;
- возрастания роли религии в процессах консолидации современных наций и формирования национального самосознания;
- возрастание внимания мировых и национальных СМИ к религиозно мотивированному экстремизму и терроризму;
- сочетание секулярных и антисекулярных тенденций в западных обществах;
- «религиозный ренессанс» в ряде стран бывшего соцлагеря (в частности, в СНГ);
- активизация попыток модернизации стран, относящихся к «исламскому миру»;
- будирование вопросов противостояния Севера и Юга на основах религиозных идеологий;
- среди христианских конфессий в настоящее время максимальную активность проявляют протестантские деноминации, что объясняется совпадением ценностей протестантизма с либеральными тенденциями современности;
- Казахстан идет в русле большинства этих процессов, внутриказахстанская ситуация осложняется неконсолидированностью исламской уммы и ее «размазанностью» по широкому спектру: от крайностей «чистого» ислама до воспроизведения народных обычаев в исламской упаковке.

Можно видеть, что активизация религиозного фактора в ряде сфер государственной и общественной жизни во всемир-

ном масштабе происходит по двум направлениям: *возрастание внимания к собственно религии* (внимание к внутреннему содержанию религии) и *рост значения религиозного фактора в политике* (задействование внешних аспектов религии). Для понимания сущности политических процессов, связанных с религией, недостаточно знания внешнего проявления религии. На этом пути можно описать происходящие события, но понять их внутренние причины (без чего невозможно эффективно противостоять, например, религиозно мотивированному экстремизму и терроризму) нельзя. Надо знать именно внутренние (собственно религиозные) аспекты вовлечения религии в противоправные действия, а этого понимания недостает ни у силовых структур, ни у политиков, ни даже в экспертном сообществе. В этом непонимании внутренних причин роста угроз со стороны «религиозного фактора» кроется разгадка недостаточной эффективности борьбы с терроризмом.

Приведем пример, уточняющий высказанный тезис. Уже стало очевидным, что салафиты в Казахстане не боятся преследований и наказаний за совершенные ими действия. Почему? Потому, что они убеждены в своей правоте, и это убеждение имеет основой веру в Аллаха, веру искаженную, но глубоко усвоенную. Внешними факторами эту убежденность в своей правоте не объяснить, поэтому надо знать внутрирелигиозные основы противоправного поведения радикалов. А без знания сущности религии, ее догматики и норм жизни на основе этой догматики, этого не понять. Вот почему мы настаиваем на включении знания основ религий в систему противодействия религиозно мотивированному экстремизму и терроризму. Ни детальное описание событий, ни статистика, ни силовые меры (даже постоянно совершенствующиеся) не приведут к успеху в этой сфере, так как эти меры нацелены на борьбу с уже состоявшимися событиями, но не с причинами их. Даже превентивные формы борьбы с экстремизмом и терроризмом на «религиозной основе», в последнее время довольно успешно проводящиеся силовыми ведомствами, не способны устранить концептуальные причины экстремизма и терроризма.

6.2 Усиление влияния религиозного фактора на геополитические процессы современности

Современная политика в сущности своей по преимуществу является геополитикой, поэтому рассмотрим процессы влияния религии именно на геополитику (кстати сказать, здесь роль религии более всего и заметна). Сами геополитические процессы современности, с одной стороны, базируются на тех стратегических направлениях, которые сложились в мировой политике уже в течение нескольких десятилетий, а с другой – характеризуются новыми мощными факторами: нестабильностью, двойными и тройными стандартами, свертыванием международного права, односторонними решениями, мнимым глобальным партнерством, позволяющим делиться со многими странами ответственностью за далекие от демократии и гуманизма действия мировой политической элиты. Среди этих, относительно новых факторов геополитики религии принадлежит особая роль. Религия – очень удобный для стратегов современного мира феномен: она возвышена и привлекательна, она глубочайшим образом укоренена в традициях многих народов и стран, она обладает личностными измерениями, что делает ее эффективным средством провокаций на личностном и общественном уровнях, в силу чего ее мобилизуют на протест.

Каковы же причины активизации роли религии в геополитических процессах? Ближайшим образом причины эти таковы:

1. В связи с усложнением мировой геополитической ситуации во всех ее аспектах, активными международными субъектами ведется поиск новых средств влияния на геополитику – религия одно из таких средств (следует, впрочем, уточнить, что она – далеко не новое средство в этом смысле).

2. Религия сохраняет статус важнейшего основания традиционных культур, процессов этнического самоопределения, ценностной системы многих современных обществ, поэтому религия является действенным средством воздействия на все эти элементы современных обществ и государств, что делает религию реальным фактором современной геополитики.

3. Права человека и их соблюдение в течение трех-четырех последних десятилетий являлись средством вмешательства мировых держав во внутренние дела почти всех государств мира. Но объекты такого воздействия, в конце концов, научились уходить из-под подобного влияния. Тогда был выдвинут тезис о том, что важнейшими для человека правами являются именно религиозные права и свободы (свобода совести). И теперь «забота» о соблюдении государствами принципов свободы совести осовременила формы вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

4. Принадлежность к той или иной религии, религиозная идентичность, деятельность религиозных объединений, само функционирование мировых религий – все это осуществляется поверх государственных границ, что делает религию мощным фактором геополитики.

5. Сами принципы современной геополитики нередко созревают на основах той или иной религии. Таков иудаизм, имеющий геостратегические претензии, будучи всего лишь национальной религией. Такова Римско-католическая церковь, всегда играющая огромную роль в истории, но особо активная в переустройстве мира в 90-годы прошлого века. Такова Русская православная церковь сегодня, выдвинувшая и проводящая в жизнь концепцию «Русского мира». Таков Константинопольский патриархат, глава которого Варфоломей I проводит политику объединения автокефальных православных церквей с последующим подчинением их римскому престолу. Кроме того – и это концептуальный фактор в воздействии религии на процессы формирования новейших принципов геополитики – религии, в соответствии со своей сущностью, обязаны воздействовать на мир, выстраивая его согласно принципам своей догматики.

6. Религия усиливает свое влияние в ряде светских государств. Это усиление ведет к нарастанию присутствия религии в культуре и политике (внутренней и внешней).

7. Европа секуляризируется, отказывается от религиозных ценностей. Тем легче использовать религию в политических целях.

8. Религия способна выступать в качестве мобилизующей и интегрирующей социальной силы – это важное условие

возрастания роли религии в политике. Возможности ислама в этом отношении особенно значительны (они заложены на догматическом уровне).

9. Процессы нарастания роли религиозного фактора в мировой политике поддерживаются как крупнейшими державами, так и слабыми странами. Первые стремятся использовать религию для сохранения своих господствующих позиций на мировой арене, без сомнений вовлекая религию в различные формы конфликтов, вторые хотели бы обрести более «высокий» рейтинг в «мировом табеле о рангах» с помощью своих религиозных общин, обретающих особое значение при разыгрывании «религиозной карты».

10. Роль религии в политике возрастает еще и потому, что религия начинает напоминать человечеству нравственные нормы, о которых все забыли (см., частые проповеди и выступления Папы Римского Франциска и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла).

В анализе как глобальных процессов, так и процессов на местном уровне рассмотренные нами причины возрастания роли религии в геополитике следует иметь в виду. К этому надо добавить, что в геополитических сценариях развития мира противниками религии ей чаще всего уделяется роль средства дестабилизации внутристрановой или региональной ситуации. При этом в отношении религии осуществляют следующие процедуры:

1. Устраняя религию из общества, добиваются снижения его духовности и нравственности, что позволяет эффективнее манипулировать людьми.

2. Религию компрометируют: ислам – как идейную основу терроризма; православие – как косную, догматическую, отсталую систему, не способную к развитию; католицизм – как притязающий на мировое господство. И все религии вместе – как противостоящие либеральным ценностям.

3. Религия (вернее, ее искаженный образ) является удобной формой осуществления агрессивных замыслов в геополитике. Религиозные ценности глубоко проникают в сознание людей и руководят их поведением. Поэтому, внедрив лже-религиозные

принципы в общественное сознание населения независимых государств, в дальнейшем этими странами несложно манипулировать по классической схеме управляемого конфликта. При этом прибегают и к давлению средствами радикальных религиозных течений, которые предварительно порождаются. Религиозно мотивированный терроризм – характерная форма управления процессами геополитики.

С целью тиражирования этих ложных в отношении религии мнений созданы и функционируют множество сайтов (по подсчетам специалистов – не менее 10 тысяч).

Поскольку в формировании новых парадигм геополитики определяющую роль играют наиболее мощные субъекты мировой политики, то именно к их инициативам в данной сфере и надо обратиться для понимания роли религии (и ислама в особенности) в современной геополитике.

Западные стратегии развития с очевидностью исчерпывают себя. Но Запад различными способами, в последнее время все более агрессивными, пытается сохранить свое лидерство в мире. В стремлении занять достойное место в современном мире, и исламская цивилизация ожесточается, заимствуя у Запада его жесткие методы реализации своих геополитических интересов.

«Западная цивилизация до сих пор не может понять, что ее модель общественного устройства разделяется меньшинством жителей мира и характерна только для этой цивилизации, причем она свойственна в основном для мирного времени и становится все более маргинальной, не будучи в состоянии справиться с грозными вызовами истории. Некоторые представители западной цивилизации пытаются навязать свой выбор силой, но многие народы постепенно учатся этому сопротивляться. Не исключая, что XXI век пройдет под знаком успешного поиска возможностей военного сдерживания Соединенных Штатов. К глобальному силовому доминированию стремятся и некоторые представители исламской цивилизации. Свидетельства этому мы видим по всему миру. Причем подчас они поступают не менее умно, чем западные «ястребы», пытаясь в разных обстоятельствах действовать то силой, то жесткой пропагандой,

то уговорами и посулами. Значит, на этот вызов тоже нужно искать и давать разнообразные ответы – иногда силовые, а когда надо – информационно-идеологические, пропагандистские, в том числе основанные на том прочтении ислама, которое обеспечивало мирную жизнь народам долгие века и обеспечивает ее во многих случаях до сих пор» [48].

6.3 Роль ислама в современной мировой политике

В силу особой значимости для Казахстана ислама, обратимся к анализу роли именно ислама в современной политике.

Уместно поставить прямой вопрос: какую роль в современной геополитике играет ислам? Ведь ислам – мирная, гуманная религия, ставящая целью духовное развитие мусульманина с перспективой обретения им рая. И, конечно, интенции, идущие от такой религии, позитивны. Тем самым, можно ожидать, что роль ислама в геополитике исключительно положительная. И так бы оно и было, если бы исламу удалось (или ему позволили) проявить и реализовать это его позитивное содержание. Но на деле вместо положительной роли: оздоровления и гуманизации мировой политики и международных отношений, вместо одухотворения человеческих отношений, повышения уровня нравственности, развития высоких устремлений и проецирования всего этого на реалии социально-политического бытия, мы имеем обвинения ислама в поддержке экстремизма и терроризма, исламофобию в Европе и, в последние два года, достаточно агрессивные проявления активности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Можно констатировать, что, несмотря на то, что ислам стремится играть позитивную роль в мировой политике, его втягивают в конфликты, его провоцируют информационными скандалами и т. п.

* * *

В процессах конструирования новейшей геополитики ее авторы не просто искажают содержание ислама, представляя его агрессивной религией, но используют отдельные фрагменты исламских и исламистских идеологий, отличающихся

радикальностью. Этот прием дает возможность противникам ислама представить его в качестве агрессивной религии. В этой связи используются идеи «панисламизма» в его крайне «правых» вариантах. Идеи панисламизма – как идеологии религиозно-политического объединения мусульманских народов активно развивались в конце XIX века. У истока их стоял Д. Афгани. В идее объединения исламского мира нет ничего нового, это просто ясное изложение исламской концепции Дар аль – Ислам – «мира ислама», «земли ислама», территории, на которой господствует ислам. Вследствие опоры на этот известный исламский принцип, панисламизм в изложении Д. Афгани получил широкое распространение. Но у этой идеологии возникли сложности с практической реализацией. Она была в высокой степени идеалистической – она исходила из вероисповедального единства всех мусульман, вне зависимости от их этнической принадлежности и территории проживания. Для ислама это концептуально верно, но является вызовом для реальной уммы, которую разделяют границы государств и этническая идентичность. В понимании Д. Афгани панисламизм не требовал создания единого исламского государства, в отличие от современных идей халифата, что говорит о более глубоком видении идей исламского единства авторами, в сравнении с их последователями. Эта идеология не была антизападной, скорее, она была антиимпериалистической.

Абул Маудуди в середине XX века выдвинул концепцию исламского государства, очень похожего на устройство исламских общин времен четырех праведных халифов: власть в государстве принадлежит Аллаху и реально осуществляется халифом, шариат – основа законодательно-правовой системы (допускаются и иные вкрапления в законодательство), государство действует на основе исламских ценностей. Современные исламисты позаимствовали у Маудуди почти все в их видении наилучшего государства (включая «Хизб-ут-Тахрировскую» концепцию халифата), устройства общества (общество скрепляется «узами веры») и целей его существования. Идеология государственной власти, сути государства, праведного поведения у современных исламистов есть доведенная до крайних форм исламская иде-

ология Дар аль-Ислама. Отсюда, естественным образом вытекает, что «мир неверных», территория войны, Дар аль-Харб – весь остальной мир (за исключением Дар ас-Сульх) может быть предметом агрессии. На примере исламской геополитики, построенной на внутренних для ислама истинах, можно видеть формирование почти всего комплекса современных социально-политических проблем, связанных с радикальным исламом. Вот исток идеологии исламизма.

Идеология исламизма проявляется в многообразных формах. Повторим, что принципиально нового в этой идеологии, в сравнении с политизированным исламом (конца XIX – начала XX веков) нет. Она нова для нас, для Европы, для США, но внутри исламских стран она существует давно. Как бы она не именовалась – фундаментализм, исламизм, радикализм или как иначе, она все та же: это политизированный ислам, требующий своего «места под солнцем». До тех пор, пока ислам не политизируется в жестких формах, он – мирная и гуманная религия. Когда ислам «расширяет» сферы своего функционирования (оказывает ощутимое влияние на культуру, на политические институты) и не остается религией покорности, но превращается в религию «требования подчинения», он поневоле политизируется. Причем, политизация ислама осуществляется естественно и постепенно, незаметно для стороннего наблюдателя.

Принято считать, что ислам – политизированная религия изначально. Это не так. Да, ислам – религия социально активная. Да, ислам, в отличие от христианства, требует справедливости «здесь и сейчас», в актуальной реальности. Да, первоначальный ислам (первых веков существования) распространялся, в том числе, и военными средствами. Да, у ислама строгие требования к государственному устройству, законам, формам социума. Все это имеет место, и все это относится к политике. Но это вовсе не означает, что ислам догматически политизирован. Ислам превращается в «политическую религию» когда нарушен баланс веры и политики, когда мусульмане оправданно могут заявить: нам не позволяют исповедовать свою веру, когда правящий режим – антиисламский. Вот тогда

возможен вооруженный джихад, и это единственный случай, когда он разрешен. Во всех остальных случаях это религиозно мотивированная агрессия с посторонними исламу целями. Исламское просвещение и образование потому и необходимо, что все перечисленные вопросы и проблемы объясняются в процессе исламского образования (конечно, нужны грамотные имамы и пристальное внимание государства к процессам исламского образования).

Идеологии, связанные с политизированным исламом, распределены по широкому спектру: от социалистических и марксистских идей, скрещенных с исламом, до традиционализма, не принимающего даже самых скромных предложений исламских реформаторов. Также на этой шкале расположены идеологии модернизма на исламской почве, трансформации исламских ценностей в сторону секуляризации (которую ислам, вообще говоря, не принимает), попыток, подобных джадидизму, ширится движение исламской либерализации. Но, несмотря на такой широкий спектр, все исламские идеологии расположены между двумя полюсами: идеологией традиционализма и идеологией модернизации.

Исламский мир не продемонстрировал очевидно успешного проекта модернизации, связанного с либерализацией ислама (сторонники модернизации, впрочем, указывают на отдельные успехи). Поэтому позиции традиционалистов (или антимодернистов) сильны. Но слабость традиционалистов в неспособности приблизить собственные цели к современной ситуации в мире. Они могли бы удовлетворить многим запросам, многим силам, поддержка которых сделала бы их однозначными победителями в противостоянии с модернистами, если бы «осовременили» свою тактику, не меняя стратегии и общих концептуальных подходов. Но они считают даже и это модернизмом и не идут на него.

В аналитической среде преобладает мнение о том, что политизация религии является следствием неудачной (или, иначе, прерванной) модернизации. То есть, утверждается, что политизация религии – следствие иных, зачастую вовсе не религиозных причин. Неверная политика приводит к политиза-

ции религии. Отчасти это так, но в основном политизация религии не могла бы состояться без внутрирелигиозных причин. Косвенным подтверждением этого тезиса является бесспорный факт: ислам политизируется быстрее и глубже, чем, скажем, христианство (политизация которого также имеет место в современном мире), хотя неудачи политики сказываются на обеих этих религиях.

Внутри исламской идеологии (это обобщенное понятие, довольно абстрактное) имеется два крыла. Первое – умеренное, настаивающее на проведение в жизнь исламских ценностей, но мирными, просветительскими, воспитательными средствами. Эти идеологии порождают партии, входящие в парламенты, сотрудничающие с властью, реформистские по существу. Второе – радикальное, рассматривающее джихад в качестве единственного эффективного средства в борьбе с «предательскими» светскими режимами и построения халифата. Такфир (обвинение в отступлении от веры) лежит в основе тактики этой идеологии в отношении всех кафиров (в основном мусульман, не разделяющих их взглядов).

Таким образом, ислам, в его истинной, мирной, гуманной сущности порождает мирную идеологию единства всемирной уммы, а исламистские идеологии, искажающие сущность ислама, становятся идейной основой радикальных течений ислама. Элементы радикализма используются геополитикой для изображения ислама религией агрессии. Все это позволяет сделать вывод о том, что религиозные идеологии будут усиливать свою роль в мировой политике. Они удачно интегрируют в себе и теряющую истинное содержание религию и политику, нуждающуюся в новых геополитических средствах выстраивания современного мира.

Здесь же будет уместным напомнить, что ислам, к сожалению, очень часто поддается на провокации разного рода, которые сознательно устраиваются мировыми «дизайнерами». Карикатурный скандал, недавние протесты по поводу провокационного фильма «Невинность мусульман» и целый ряд других фактов говорят о том, что мусульмане дают себя втянуть в протесты, хотя и оправданные (и даже где-то нужные, ибо эти

протесты заставляют авторов провокаций все же принимать некие меры), но не полезные исламскому миру. В аналитической среде поговаривают о том, что все подобные провокации устаиваются с целью не только продемонстрировать всему миру «агрессивность» ислама, но и с более глубоким смыслом: «измотать пассионарность ислама», «выпустить энергию ислама в пустоту». Если дело обстоит именно так, то мусульманам следует найти более современные и продуктивные формы протеста против оскорбления их религиозных чувств. Иначе получается, что они реализуют не ими разработанный сценарий.

6.4 Основные тренды развития ислама в Центральной Азии

Как бы значимы для геополитики ни были события в исламских странах, для нас особый интерес представляют процессы (в связи с исламом) в Центральной Азии. Процессы эти далеки от однозначности, но основные тренды видятся нами такими.

Первый тренд – ислам укореняется во многих сферах общественной и личной жизни населения региона. Население стран Центральной Азии в подавляющем большинстве позиционирует себя в качестве мусульман. Причем, если еще пять-шесть лет назад это позиционирование было преимущественно формальным, то сегодня идут заметные процессы постижения вчерашними «формальными» мусульманами региона глубин веры.

Тем не менее, примерно третья часть от общего количества мусульман остается на позициях формального исповедания ислама, что многое объясняет в текущей ситуации с исламом в Центральной Азии. Почему, например, проповедь салафитов имеет относительный успех в регионе? Потому, что углубление в веру актуализирует многие вопросы, ответы на которые не часто дает официальное мусульманское духовенство, но дают салафиты. Почему, не смотря на очевидную абсурдность аргументов экстремистов, они все же находят сторонников в среде мусульман региона? Да потому, что формально верующая часть мусульман не обладает достаточными знаниями основ

ислама, чтобы разобраться в этих аргументах, – она и подпитывает экстремизм.

Второй тренд, связанный с первым, – заметная исламизация обществ стран региона. Здесь имеются и позитивный и негативный моменты. Позитивный состоит в том, что ислам, расширяя свое присутствие в обществе, получает возможность духовно оздоравливать его, в том числе и отдельные политические аспекты жизни общества. Негативный аспект заключается в чрезмерных требованиях исламистов к обществу жить исключительно по законам шариата.

Некоторой компенсацией второму тренду выступает третий – устойчивое сохранение светского характера всех государств Центральной Азии. При достаточно широком разбросе мнения населения разных стран Центральной Азии относительно перспектив влияния ислама на государственное устройство стран региона, большинство выступает за светский тип государства. Социологические исследования дают следующую картину. За светское устройство государства выступают: от 55% населения Кыргызстана (самый низкий показатель – из-за потери государственной стабильности население готово принять ислам в качестве «скреп» общества) до 90% в Казахстане; остальные страны региона лежат в этом интервале. Можно сделать вывод о том, что общества региона исламизируются, а государства региона нет.

Четвертый тренд – снижение непосредственного зарубежного влияния на характер исповедания ислама в регионе. Этому можно указать несколько причин:

- духовные управления мусульман стран региона (чью деятельность критикуют по разным поводам) все же удерживают в качестве основной формы исповедания ислама ханафитский мазхаб – традиционной для региона и наиболее лояльной государству и народным традициям,

- властные структуры государств региона принимают меры по недопущению экстремистского влияния на характер функционирования ислама в регионе, в том числе посредством ужесточения законодательства в религиозной сфере и сокращения объемов получения исламского образования за рубежом,

- однако, несмотря на снижение зарубежного влияния на характер исповедания ислама в регионе, следует подчеркнуть, что в предыдущие годы это влияние было настолько мощным, что зарубежные проповедники сумели заложить основы нетрадиционного исповедания ислама в регионе. Сейчас это влияние дает свои плоды.

6.5 Возможности исламских проектов развития

До этого момента ислам в геополитике рассматривался нами лишь как фактор ее, содержание ислама в геополитических процессах при этом искажалось до неузнаваемости. Обратимся к позитивным возможностям ислама в выстраивании новой геополитики, и в качестве площадки реализации таких возможностей возьмем Организацию Исламского Сотрудничества. ОИС является, пожалуй, единственной международной организацией, хотя бы частично, исходящей из приоритета религиозных ценностей. Поэтому ОИС представляет интерес еще и как попытка иного, в сравнении с западным, выстраивания международных отношений и создания иной экономической системы. Поскольку современный мир во всех определяющих его сегментах построен на безрелигиозных и безнравственных принципах, стремление ОИС выстроить систему отношений на основе ислама сталкивается с огромными трудностями. Эти трудности носят и внутренний (неконсолидированная экономика и политика ОИС), и внешний характер (целенаправленная политика западных государств на дезинтеграцию «исламского мира»).

На страны ОИС приходится около 23% населения земного шара и только 7,5% мирового ВВП. Кризис 2008 года, вопреки распространенному мнению, ощутимо задел и ОИС (ее ВВП упал с 7,8% от мирового в 2007 году до 7,2% в 2010 году). Также известно, что доля исламской экономики в современном мире невелика. Совокупные исламские активы составляют от 950 млрд. до 1,6 трилл. долларов (по разным данным и разным методикам подсчета). К существенным сложностям ОИС относится и далекое от корпоративных интересов организации поведение ряда богатейших стран ОИК, выгодно торгующих

с западными странами в ущерб членам организации (объемы торговли Саудовской Аравии, например, с развитыми странами Запада в десятки раз превышают аналогичные показатели торговли с участниками ОИС). Имеются и иные трудности.

Но все эти трудности – ничто в сравнении с возможностями ОИС. Самое ценное в ОИС – это с опорой на нее и ее перспективы показать миру возможности выстраивания новой архитектуры мира. Сколь бы не был сегодня разобщен и неконсолидирован исламский мир, именно с исламской моделью развития связываются надежды на справедливое мироустройство. Мировой финансовый кризис показал принципиальную неспособность западных стратегий развития к построению экономики на нравственных основаниях. Вместе с тем, стало очевидным, что вне нравственных основ экономики человечество не сможет далее развиваться.

В этой связи особый интерес представляет проект исламского мира. Ряд грамотных исследователей (Еще в 1983 году – Pipes D. *In the Path of God Islam and Political Power*. – New York: Basic Books Inc Publ. 1983., позже российские ученые: Жданов Н.В. *Исламская концепция миропорядка*. – М.: Междунар. Отношения, 2003., Малащенко А.В. *Исламская альтернатива и исламский проект*. – М.: Изд-во «Весь мир», 2006. и др.) достаточно убедительно показали, что проект развития на основе ислама обладает вполне реальным будущим. Поэтому к возможностям исламского проекта надо пристальнее присмотреться и конкретизировать его применительно к задачам кардинальной смены парадигмы мирового развития. Отсутствие на сегодня успешного исламского проекта модернизации связано, по всей видимости, с попытками исламских стран совместить исламскую идеологию и западные формы и критерии экономического развития. Скорее всего, это совмещение невозможно – отсюда и неудачи исламского проекта.

Самым весомым аргументом в пользу исламского проекта является стратегическое присутствие в нем исламских ценностей, которые на практике выступают как нравственные императивы развития. Исламские финансы уже сегодня демонстрируют способность к конкуренции с западным спекулятивным

капиталом в ряде секторов хозяйственной деятельности, хотя ни ссудного процента, ни процента на спекулятивную прибыль исламские финансовые схемы не включают (извлекая доход из совсем иных процедур). В современных финансовых операциях, построенных по принципам западной экономики, исламский капитал присутствует в форме «окна» на фоне абсолютного доминирования западных стандартов финансирования. Исламский капитал имеет на сегодня небольшой сегмент в мировых финансовых операциях, но стратегическая смена детерминант мирового развития кардинально изменит ситуацию.

Имеются очень существенная проблема, которую исламскому миру надо решить, для того чтобы исламский проект развития стал привлекательным для мирового сообщества. Эта проблема – консолидация исламского мира. Слабая консолидация даже сторонников развития на религиозной основе (у нас здесь – на основе ислама) негативно сказывается на имидже исламского проекта. Конечно, Запад не заинтересован в появлении еще одного сильного экономического и политического «игрока», и потому проводит политику раздробления исламского мира. Но задачи консолидации являются внутренними задачами исламского мира, и решить их он должен сам, несмотря на помехи. В немалой степени объективно способствует консолидации исламского мира глобализация – западный проект, в ходе своего развития ведущий к результату, противоположному поставленной цели. Но это как бы помощь от противного. А в созидательном плане надо сосредоточить усилия на тех трудностях, какие имеются во взаимоотношении внутри ОИС, решать их на принципах сотрудничества и единства, тем более, что созидать единство исламского мира – обязанность мусульманина (из 57 стран, входящих в ОИС, в 28 государствах ислам признан государственной или официальной религией, в остальных ислам пользуется уважением). Вера должна определять политику, и усилия, направленные на консолидацию уммы, намного более продуктивны и почетны, нежели усилия, потраченные на самооправдания ислама от обвинений в потворстве терроризму. Созидательная деятельность на основе ислама и видимые результаты этой деятельности станут самым

убедительным аргументом для всех сторонних наблюдателей, для сочувствующих исламскому проекту и его критиков.

Итак, ислам оказывает заметное воздействие на современную мировую политику. В основном это воздействие, как показано выше, сегодня осуществляется под влиянием искаженного образа ислама: ислама политизированного, радикального, того, который в общественном сознании называется исламизмом. Такой ислам имеет весьма малое отношение к истинному исламу, но такой аспект ислама также существует – он и фигурирует в актуальной политике. Влияние его носит отрицательный характер. Но мировое сообщество вполне в силах воспользоваться теми каналами воздействия ислама на политику, который наработал исламизм, и поменять вектор и содержание этого влияния. Следует переформатировать способы воздействия исламизма с негативных на позитивные. Как это осуществить? Не надо отрицать права ислама влиять на политику, коль скоро это влияние наработано. Но на передний план в этом влиянии поначалу надо вывести вместо исламизма так называемый умеренный ислам и те политические силы, связанные с исламом, которые и в политике занимают умеренные позиции – таких сил довольно много. Понятно, что будет еще не тот ислам, который человечество хотело бы видеть на мировой арене. Но умеренные исламисты для их легализации и признания готовы сделать заметный дрейф в сторону истинного, мирного, гуманистического ислама. Эти намерения надо поддерживать и поощрять. Конечно, какое-то политическое влияние такой ислам утратит в сравнении с радикальным, пользующимся сегодня широкой поддержкой, но, бесспорно, умеренный ислам удержит достаточно много своих сторонников. Это реальный путь трансформации ислама от радикального к мирному и истинному исламу, тому, каким его принес Муххамад. Силовое воздействие на радикальный ислам можно осуществлять в отдельных странах и в связи, например, с обострением экстремистской и террористической активности радикалов. Но стратегически надо работать с теми силами в составе исламизма, которые способны к трансформации к умеренному исламу. Это – один путь изменения влияния исламиз-

ма на политику к позитивному влиянию умеренного ислама на современную политику, путь внутренней трансформации радикализма к исламу в его истинной религиозной сущности.

Второй путь состоит в активизации позитивных возможностей ислама в его массовых формах, укорененных в ханафитском и иных мазхабах, доказавших свой гуманистический и истинно религиозный характер. Т. е. того ислама, который и реализует принципы служения Аллаху, подчинения ему, а не агрессивного требования подчинения радикальным течениям ислама. Мы еще мало знаем о позитивном воздействии на политику этого истинного ислама. Надо потребовать от грамотных отечественных улемов и имамов ясного изложения этих позитивных возможностей ислама на сферу политики. Ошибкой является позиция, когда вследствие боязни влияния радикального ислама, отрицается и запрещается всякое влияние ислама в политической сфере. Управляя процессами в данной сфере, вполне можно позитивное влияние ислама противопоставить агрессивному влиянию – это второй путь усиления позитивной роли ислама в современной мировой политике.

6.6 Противодействие религий экстремизму и терроризму

В качестве конкретного примера противостояния религий агрессивной политике современности и тактике «втягивания» религии в эту политику рассмотрим, казалось бы, частный, но крайне важный вопрос противодействия религий религиозно мотивированному экстремизму и терроризму с учетом казахстанских реалий. Как известно, Казахстану вплоть до 2011 года удавалось избегать резонансных проявлений религиозно мотивированного экстремизма и терроризма. Но вокруг нас такие акты были, и нередко. Потенциал внешнего воздействия в этой сфере был и остается высоким. Помимо этого, имеются внутриказахстанские проблемы в социально-политической и экономической областях. В значительной степени разрушена культура, особенно традиционная культура, упал уровень духовности и нравственности. Все это в совокупности сделало

возможным появление противоправных действий со стороны радикальных групп и в Республике Казахстан.

В какой мере в эти действия вовлечена религия – вопрос открытый. Экстремисты позиционируют себя в качестве приверженцев «чистого ислама», но вряд ли они знакомы с его идеологией и тем более с догматическими различиями между ханафитским мазхабом и салафией. Самый распространенный аргумент «экстремистов от ислама» – ложность характера исповедания ислама абсолютным большинством мусульман Казахстана, особенно «этнических» мусульман – не дает им права совершать теракты. Так что религиозный аргумент в данном случае надуман. Борьба за социальную справедливость – другой распространенный аргумент в оправдание актов террора – не должна приводить к жертвам среди мирного населения, и потому теракты не средство такой борьбы.

Интегративный характер протеста, выливающегося в террористические акты, позволяет прибегать к религиозной риторике, но она искусственна. Религия не может порождать терроризма, напротив: она учит смирению, политической лояльности, социальному соработничеству с государством. Только одна форма нетерпимости и даже агрессии признается религией – нетерпимость к собственным грехам. И, однако, экстремисты и террористы прикрываются религией и пытаются обосновать свои действия религиозными аргументами.

Казахстанское общество способно противостоять религиозно мотивированному экстремизму и терроризму по целому ряду направлений:

- рассматривать это противостояние в качестве приоритета национальной безопасности, во всяком случае, на данном этапе развития страны;

- бороться с экстремизмом и терроризмом системно, сочетая силовые и превентивные методы;

- усилить научно-экспертное сопровождение противодействия этим явлениям;

- лишить экстремистов и террористов какой-либо поддержки со стороны общества, создать атмосферу нетерпимости к проявлениям экстремизма и терроризма;

- в совместной с мировым сообществом борьбе с терроризмом не забывать о своих национальных интересах;

- воспитывать молодежь на светских принципах гуманизма и патриотизма, что вовсе не выступает альтернативой свободе вероисповедания;

- строить социальное государство, т. е., государство, в котором реализуются идеи справедливого социального устройства, что, кстати сказать, прописано в нашей конституции, и о чем много говорит Президент РК Н.А. Назарбаев в стратегических документах по развитию страны.

Имеется и еще ряд форм противодействия экстремизму и терроризму, но здесь мы сосредоточимся на роли традиционных религий (невзирая на условность этого понятия) в этом противостоянии.

В данном направлении религии могут действовать и напрямую и косвенно. Напрямую – влияя на сознание, разум и совесть верующих и вообще всех людей. Косвенно – напоминая власти о ее обязанности заботиться о гражданах, поддерживать некий уровень справедливости в обществе, реализовывать социальные программы, предоставлять людям возможности для материального и духовного развития.

В чем, конкретно, состоят возможности традиционных религий в противостоянии религиозно мотивированному экстремизму и терроризму? На наш взгляд, в следующем:

- в религиозном просвещении, в воспитании людей в вере, в любви к ближнему, в безусловной ценности человеческой жизни, во нравственном воспитании общества;

- в требовании к верующим идейно противостоять экстремизму;

- в запрете своим последователям быть экстремистами;

- в убедительном и повседневном доказательстве, что терроризм не совместим с верой в Бога, Аллаха;

- в религиозном обосновании идеи справедливости и сильной для религии реализации этих идей;

- в активизации совместного с государством социального служения;

- в умягчении людей отчаявшихся и готовых на теракт.

И, наконец, самое важное, что могут сделать традиционные религии в их противодействии экстремизму и терроризму – это молитва о мире, о народе, о власти.

Очевидно, что не только традиционные религии способны противодействовать экстремизму и терроризму, могут помочь в этом и так называемые «нетрадиционные» религии. В этом противодействии не следует, впрочем, рассчитывать на помощь тоталитарных и экстремистских религиозных объединений (в том случае, конечно, когда доказаны их тоталитарность и экстремизм).

Встает предельной важности задача – «оторвать» религию от религиозной мотивации терроризма. Для решения этой задачи надо показать абсолютную несостоятельность религиозной мотивировки терроризма, доказать несовместимость религиозных догматов и идей террора. Можно сколь угодно много повторять тезис о том, что религия носит мирный, гуманный характер и что она не связана с терроризмом, но это заклинание непродуктивно: как террористы ссылались на религию в оправдание своих действий, так и продолжают ссылаться. Духовное управление мусульман Казахстана должно на доступном для населения языке показать, что из догматики и практики ислама ни при каких условиях не может вытекать противоправная деятельность исламистских групп. Мало издавать фетвы против «Хизб-ут-Тахрир» и требовать запрещения салафитов, недостаточно говорить проповеди о мирной сущности ислама. Надо в СМИ широким тиражом опубликовать ряд статей ведущих исламских богословов Казахстана и самых признанных имамов об антиисламской деятельности экстремистов и террористов, а еще лучше – совмещать собственные статьи на данную тему с позицией по этому вопросу ведущих улемов мира, которые также необходимо тиражировать в казахстанских СМИ.

Вот в чем будет состоять весомый голос одной из традиционных религий Казахстана – суннитского ислама ханафитского мазхаба. Еще раз повторим, нужны не общие рассуждения о мирном характере ислама, нужны доказательные и простые аргументы против религиозной мотивировки террора *на догматическом уровне*. Ни государство, ни Комитет по делам рели-

гий, ни силовые структуры сделать этого не смогут. Сделать это могут только образованные имамы и, конечно, муфтий, иначе сказать, требование это относится к ДУМК. Надо, цитируя Коран, сунну показать, что террор не просто не совместим с исламом, но запрещен исламом. Это задача не настолько сложная как о ней говорят наши имамы.

Террористы не изначально готовы на все. Когда они уже готовы, работать с ними, переубеждать их трудно. Это – сфера деятельности спецслужб. Но есть период, когда их агрессивное мировоззрение только формируется. Вот в этот период и должна максимально проявиться способность традиционных религий к воспитанию позитивных качеств человека, к формированию в нем духовной устойчивости, умения распознать ложь проповедников радикализма. Этот потенциал традиционных религий используется не в полной мере.

6.7 Ислам против исламистских идеологий

В какой степени ислам сам способен к противостоянию использования себя в агрессивных целях – ведь это был бы наилучший вариант снижения угроз, вызванных религиозно мотивированным терроризмом? Вопрос поставлен именно так не случайно. Известно, что только лишь силовыми методами, сколь бы эффективными они не были, устранить такое явление как религиозно мотивированный экстремизм и терроризм невозможно. Бесспорно, у силовых методов имеется своя ничем иным не заменимая роль в противодействия этим явлениям, и силовые структуры обязаны совершенствовать уже имеющиеся способы борьбы и вырабатывать новые. Однако экстремизм и терроризм на «религиозной почве» настолько глубоко укоренен в ложных интерпретациях основ того же ислама, что сейчас уже невозможно отделить противоправные действия исламистских радикалов от исламистской идеологии, а бороться с идеологией силовыми методами бесперспективно. Все способы надо задействовать в преодолении экстремизма и терроризма на исламистской почве: и силовые, и информационные, и идейные, можно обращаться к толерантному менталитету

казахстанцев, к соответствующим фрагментам традиционной для казахстанских мусульман культуры и ко многому другому, надо сконцентрировать все возможности – это повысит эффективность борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Но надо отдавать себе отчет в том, что самым действенным способом борьбы против агрессии, использующей исламистские лозунги, является сам ислам, его духовная и обладающая нравственной силой догматика. Поэтому именно исламских лидеров, имамов, малочисленных пока в Казахстане улемов надо не просто попросить, но потребовать от них внятного разъяснения ложности исламистских призывов к насилию, противоположности радикальных исламистских идей сущности ислама. Все казахстанские конфессии обязаны нести свою долю ответственности за межрелигиозный мир в стране – это вполне естественное условие их функционирования в Казахстане. Почему только силовые структуры должны отвечать за религиозное спокойствие в государстве? Западный опыт выстраивания государственно-конфессиональных отношений однозначно доказывает: межрелигиозный мир поддерживается законопослушностью религий, именно на религиях лежит обязанность гарантировать государству соблюдение законов религиозными общинами. Когда религиозные объединения сами «отвечают за себя», то и государству нет необходимости всякий раз «наводить порядок» в религиозной сфере, получая упреки во вмешательстве во внутренние дела религий.

Ислам, как известно, является религией мира. Умиротворение внутреннего состояния верующего мусульманина и всего окружающего его – основополагающая характеристика ислама. Не протест, но покорность Аллаху является задачей любого мусульманина. В этой связи догматически ошибочно считать, что ислам может быть идейной основой экстремизма и терроризма, и столь же нелепо обвинять ислам в агрессии. Однако такие обвинения довольно часты, в обыденном сознании распространены представления об опасности, исходящей от ислама, во многих частях мира ширится исламофобия [4]. Почему это происходит? Дадим вначале теоретические, вероучитель-

ные причины такого положения вещей, а затем конкретизируем эти тезисы.

Ислам, как и другие мировые религии, является глубоким мировоззрением, выходящим за пределы наличного бытия. И как всякое глубокое мировоззрение, ислам в разные исторические периоды и в различных конкретных ситуациях наполняется тем содержанием, которое признается важным и актуальным. То есть, имеются исторически обусловленные привнесения в ислам. Эти привнесения всегда ниже по уровню, нежели абсолютные истины ислама. Ислам тем самым искажается, его содержание деформируется. Надо признать, что эти процессы носят во многом объективный характер – светский мир все сводит до уровня своего понимания – но они искажают ислам, возникают неверные представления об исламе.

Глубина религиозных истин (не только ислама) во вне нередко проявляется как неоднозначность их интерпретаций. Вот этой неоднозначностью и пользуются недобросовестные люди, пытающиеся стать религиозными учителями. Как правило (можно сказать всегда) они искажают истины религии. Искажают, потому что в таких людях нет смирения, нет стремления учиться, пройти путь постижения истины от начальных основ до вершин религиозного знания. Ухватив какие-то обрывки смыслов, они утрируют эти истины, абсолютизируют их, не видят общего смысла, выстраивают свои концепции и вербуют учеников. Так возникают лже-религиозные учения, в том числе и в исламе. Поэтому право на тафсир имеет далеко не каждый мусульманин и даже не каждый улем [19]. Имеется история истинного тафсира, подтвержденного выдающимися исламскими мыслителями и учителями. Нет ни одного положения ислама, ни одного аята, не проясненного признанными учителями. Надо учиться, а не изобретать свои интерпретации Корана и его сур. Незнание, а еще хуже, злонамерения, порождают раздоры и несогласия среди мусульман, смущают их, сбивают с истинного пути. И каждый такой лжеучитель ответит в Судный день за свои злодеяния. Вот почему так важно учиться, повышать уровень знания ислама, и вот почему недостаточные

знания ведут к разделению мусульман. Это разделение преодолевается в процессе роста уровня исламской образованности широких слоев мусульман.

Близким к изложенному является и другой источник разделений в исламе – самомнение, убеждение в своей правоте и непогрешимости. Известно, что ангелы зла смущают и избранных. В самомнение легко впасть, видя вокруг себя недостойных этого звания мусульман. «Я лучше их, я искренне верую, не нарушаю заповедей Аллаха, помогаю бедным – я истинный мусульманин, а они – нет». Вот начало падения. Гордыня – наихудший из пороков. И порок этот широко распространен. Зачем такому мусульманину учиться, зачем поддерживать процессы консолидации уммы? Из таких мусульман складывается достаточно опасная для ислама среда – они могут уйти в радикальные течения ислама или вовсе выйти из ислама. Умеренность или срединный путь в исламе оправданно считается наилучшим, поэтому перед исламскими лидерами Казахстана стоит задача указать возгордившимся на их пороки, грехи, на бесконечность пути духовного развития, на скромность, которая украшает, и на опасность самомнения. Гордыня – путь в ад. «И сказал ваш Господь: «Зовите Меня, Я отвечу вам; поистине, которые превозносятся над поклонением Мне – войдут они в геенну на вечное пребывание!» [17, 40:60].

Консолидация ислама вовсе не предполагает унификации форм его исповедания. Вообще говоря, степень вероисповедального единства мусульман – один из важнейший вопросов, вокруг которого постоянно ведутся споры. Это – один из источников разногласий во всемирной умме. Конечно, было бы намного проще, если бы вся практика отправления ислама была унифицирована. При этом легче применять критерии истинности исповедания, легче провести линию между истинным исламом и его искажениями. Но вероисповедального единства нет на сегодня ни в одной из мировых религий. В католицизме до сих пор не урегулированы отношения с левефристами, не принявшими решений II Ватиканского собора; поместные православные церкви имеют много различий в практике богослужения, не говоря уже

о различиях в социальной и политической сфере их функционирования; протестантизм разделен на несколько тысяч деноминаций; иудаизм имеет целый спектр направлений; даже буддизм разделяется на махаяну и хинаяну и школы внутри них.

Что же говорить об исламе, включившим в свою орбиту территории и народы очень и очень отличающиеся между собой и по традициям и по менталитету? Сказывается и степень включенности в практику исповедания ислама разными народами доисламских обычаев и верований. Помимо этого, в нескольких достоверных хадисах говорится об изменении формы исповедания ислама каждые сто лет. Так что в самом по себе разнообразии форм оправления веры нет ничего предосудительного, особенно если это касается не принципиальных вопросов. Главное, чтобы сохранялось единство веры по существу. Не должно быть искажения догматики, основ веры. Искажения основ веры – вот источник опасных разделений в исламе, в крайней своей форме порождающий радикализм.

Различия в формах вероисповедальной практики, сами по себе не опасные – как говорилось выше, могут привести к ощутимым противоречиям в общинах мусульман, к расколам, к взаимным обвинениям в том случае, когда на фоне невысокой грамотности и знания Корана верующие начинают уделять неоправданно большое внимание внешней стороне веры – вот тогда малейшее отличие в практике исповедания становится в глазах представителей той или иной общины мусульман определяющим. Для того, чтобы внешняя, обрядовая сторона веры не стала фактором разделения, надо постоянно помнить, что обряды – лишь средство укрепления веры, и самостоятельного значения не имеют. В суре Ково, аят 172(177), например, сказано: «Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие – кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, – и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии

и во время беды, – это те, которые были правдивы, это они – богоязненные» [17]. Здесь подчеркнута значимость веры и благочестия, а не формальной стороны веры. При этом нельзя и принижать значения обрядовой практики: в обрядах закреплено содержание веры, они являются как бы практическим выражением веры. Но мистифицировать обрядовую сторону веры, отрывать ее от самой веры и превращать в самостоятельный феномен нельзя. Найти обрядам подобающее им место, не преуменьшая, но и не преувеличивая их значения, поставить обряды в контекст веры в Аллаха, объединить мусульман обрядами (к чему, собственно, обряды и призваны) – это также путь к единству мусульман Казахстана.

В настоящее время достаточно широко распространена идея (имеющая уже и практические намерения) объединения мазхабов [52]. Да, все четыре мазхаба возникли как школы вокруг крупных учителей ислама, которые создали целостные и достаточно автономные учения, в чем-то совпадающие, а в чем-то различные. И в этом смысле мазхабы – только школы, их объединение во имя единства мусульман, вроде бы, естественно. Но есть опасность, что внешняя попытка объединения мазхабов приведет к новому, как можно ожидать, мощному течению в исламе, но не породит желаемого единства. Не мазхабы разделяют мусульман, а недостаток веры. Мазхабы, если говорить по существу, объединены Кораном, как источником. Вокруг мазхабов уже давно сложились не только собственно вероучительные направления, течения, но и культурные традиции и даже социально-политические общности. Конгломерат мазхабов не решит вопроса о единстве мировой уммы, но может спровоцировать новые разделения. Если уж и искать единства уммы, то намного более простой и вместе с тем органичный путь – укрепление веры, жизнь в соответствии с истинами, нормами и столпами веры. Искренняя и действенная вера – вот, что нужно, вот что надо воспитывать. Поэтому вполне оправданно можно сказать, что укрепление веры – самый эффективный путь к единству мусульман, вера объединяет их, вера в Аллаха – истинный источник единства.

Рассмотрев причины и процессы разъединения ислама на теоретическом уровне, мы теперь имеем основание обратиться к практическим вопросам проявления этих разделений, к процессам политизации ислама и его радикализации. Именно ложные трактовки социально-политических установок ислама (источник чего, как мы теперь знаем, лежит в искажении исламских истин) приводят к его радикализации, к «агрессивным проявлениям ислама». Причем процесс этот не одномоментный, он осуществляется не сразу, но имеет этапы. Схематически его можно представить следующим образом: вначале возникают ложные трактовки догматики ислама, затем – исламистские идеологии, далее происходит политизация ислама на основе этих идеологий и на выходе – экстремизм и терроризм. Поэтому, когда мы сегодня пытаемся противодействовать исламистски мотивированному экстремизму и терроризму, мы сталкиваемся не просто с фактами проявления экстремизма и терроризма, но со всем объемом наработанной идеологии и ложной исламистской догматикой. Как тут справиться одними силовыми или даже превентивными аналитическими усилиями?

При этом надо со всей отчетливостью понимать, что политизация ислама сегодня – это политический проект, а отнюдь не религиозный. И относиться к нему надо именно как к политическому проекту: то есть, выявить, кому, и с какой целью понадобилось реанимировать исторически преодоленные формы отправления власти в исламском мире. Идея всемирного халифата сегодня нежизнеспособна, но она, пожалуй, и не преследует цели быть реализованной. Она выдвинута с целью сделать требования возврата ко временам четырех праведных халифов достаточно массовым для того, чтобы «захватить», как можно большее политическое пространство. И это исламистам удастся. Что, в свою очередь, фундирует мотивацию к экстремизму и терроризму (как крайней формы экстремизма).

Возникшее недавно «Исламское государство Ирака и Леванта», по существу, не является реализацией идеи халафата, хотя намеки на халафат делаются и в ИГИЛ имеются попытки создания квазигосударственных структур. Это «государство» явля-

ется конгломератом разнородных сил, объединенных, скорее, функционально – силовым протестом против существующих режимов при (очень вероятной) поддержке ряда западных держав, заинтересованных в нестабильности региона. Единой идеологии, хотя бы и исламистской нет, силы крайне разнородны, говорить о власти халифа в этом «государстве» не приходится, ее нет, боевикам вряд ли удастся сохранить хотя бы небольшую территорию в состоянии относительной стабильности. Однако, не приходится отрицать, что ИГИЛ, пожалуй, первая, более или менее реализованная попытка сторонников исламистского государства, явившаяся для многих экспертов полной неожиданностью. Этот феномен, нуждается в пристальном анализе его, как бы в дальнейшем не развивалась ситуация.

В противодействии радикальным формам ислама мы сталкиваемся с ситуацией, когда экстремистские и террористические эпизоды имеют в качестве своего идейного обоснования исламистские идеологии. Эффективная борьба с терроризмом требует знания аналитиками и силовиками сущности этих идеологий. Но развенчание этих идеологий, доказательство их ложности и противоположности их исламу, как уже говорилось, – задача, стоящая перед Духовным управлением мусульман Казахстана. Помимо прочего, имамы обязаны активно сотрудничать со СМИ, где развенчивать эти идеологии, воспитывать мусульманскую молодежь на догматах истинного ислама, каковым для Казахстана является суннизм ханафитского мазхаба. Государству, в свою очередь, надо решать имеющиеся политические, социальные, экономические проблемы. Нерешенность этих проблем дает аргументы религиозным радикалам. Если задачи, стоящие перед экспертным сообществом, силовыми структурами, ДУМК, государством в целом, решать комплексно, если иметь в виду, что многие геополитические игроки современности заинтересованы в нестабильности центрально-азиатского региона (сегодня нестабильность может создаваться и средствами искажения религии) – если все это понимать, то Казахстан вполне способен эффективно противостоять религиозно мотивированному экстремизму и терроризму и избавиться от этого опасного явления.

6.8 Специфика позитивного воздействия традиционных религий на современную мировую политику

Итак, следует констатировать, что роль религии в современной политике двояка: ее втягивают в агрессивную мировую политику современности, но она, вместе с тем, постоянно возвращается к своим миротворческим возможностям, которые внутренне присущи религии. В участии религии в политике есть заметная позитивная составляющая, восходящая, в частности, к евангельскому тезису о необходимости преображении мира, его обожении.

Это очень нравственный посыл, но практически все существующие структуры политической палитры власти и формы реальной политики сегодняшнего дня носят в лучшем случае внерелигиозный, а чаще – антирелигиозный характер. Поэтому религии чрезвычайно трудно проявить свои позитивные возможности в гуманизации современной политики на всех ее уровнях, а такие возможности у религии, безусловно, имеются. Но даже и секулярная Европа вынуждена признать: «Не следует смешивать власть и религию. Однако религия и демократия отнюдь не являются несовместимыми и иногда религии играют в высшей степени полезную социальную роль. Занимаясь проблемами общества, гражданские власти при поддержке религии устраняют многое из того, что порождает религиозный экстремизм, но не все. Правительствам следует принять во внимание, что религиозные общины обладают особыми возможностями в плане укрепления мира, сотрудничества, терпимости, солидарности, межкультурного диалога и распространения ценностей, за которые выступает Совет Европы» (стг. 10, 11) [37].

Вместе с тем, не надо преувеличивать возможностей религии в умирении и гуманизации политики сегодняшнего дня. Своеобразие современной политики состоит в том, что почти всем стала очевидной ее абсолютная безнравственность. В этих условиях говорить о придании политике духовного импульса, напоминание ей о человеческих смыслах политики, о некоем совпадении внутренних интересов политических процессов и

задач духовного совершенствования человека, становится почти бесполезным. И, однако, человеческое измерение политики неустранимо из нее. Недаром одним из популярных сегодня методов социологии стал метод сбора личных данных о ведущих политиках современности с тем, чтобы, исходя из фактов и событий биографии политика и его предпочтений в разных сферах, сделать вывод о вероятностном поведении политика и его выборе в критических ситуациях. Следовательно, на некоторые грани личности политика вполне можно воздействовать, в том числе и на его представления о должном, на его систему ценностей, на его приоритеты. Не обязательно предмет такого воздействия должен быть нравственный аспект его личности, сколь бы исчезающее малым он не был, таким предметом может быть нечто довольно далеко отстоящее от религиозных ценностей. И может показаться, что религия лишена возможности влиять на такого политика, но через систему опосредованных отношений религия действует и на него.

Политики, как правило, предельно прагматичные люди. В этой связи представляется возвышенной, но пока еще слабо применимой к политикам современности следующий фрагмент проповеди Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Я хотел бы всех вас сердечно приветствовать и поздравить с днем памяти святого благоверного и преподобного князя Даниила Московского, человека, который вошел в историю не в громе и молнии, не в сиянии побед, не силой оружия или великими свершениями, а тишиной и молитвой. И это свидетельствует о том, что не только громкие победы и достижения, но и молчание и молитва могут быть сильным орудием в руках светских правителей....Святой благоверный преподобный князь Даниил Московский служил Богу молитвой, молчанием, смирением и любовью в то время, когда вокруг все другие князья поступали иначе — были динамичными, воинственными, быстро принимали решения о вступлении в войну, достигая побед или обрекая себя на поражение. Князь Даниил в молчании и молитве стал созидать небольшой город на холмах, именуемый Москвой, и мы знаем, что его труды обернулись великим историческим успехом — именно Москва стала первопрестольным градом,

центром Русского мира, столицей России (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти благоверного князя Даниила Московского после Литургии в Даниловом монастыре // 17 марта 2014 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3608110.html>). Есть среди политиков, конечно, люди, лично склонные к романтизму и даже лирике, но по роду деятельности они – прагматики. Так вот, для того, чтобы политики «приняли» религию, и она стала реальной силой политики, она должна продемонстрировать свою эффективность именно в терминах прагматизма, она должна быть прагматически успешной. Отрезвляет политиков в некоторой мере и боязнь личной ответственности: Скажи: «О Боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимешь власть, от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь. В Твоей руке – благо; Ты ведь над каждой вещью мощен!» (2, 25(26) [17]).

Казалось бы, вот и найдена причина, по которой религия «не совместима» с политикой. Религия – сфера возвышенного, духовного, мало прагматичная, как она может вдруг продемонстрировать политике умение быть прагматичной? Но, оказывается, может. И это ее умение вытекает из самой сущности религии – восстанавливать глубинные взаимосвязи мира с Богом, как своим творцом. Опираясь на Бога, актуализируя свою связь с Ним, человек может практически все, поэтому может он и продемонстрировать «прагматизм» религии. Весь вопрос – как это сделать. Каким образом может религия «навязать» политике свои способности одухотворения мира, но подать это как прагматичный для политика шаг?

Думается, это можно сделать, увязав в единый блок социальные проблемы, которые в любой стране имеются с избытком, и политику по решению как данных проблем, так и вопросов более общего свойства, например, внутренней и внешней политики государства и его присутствия на геополитической карте мира. Способность решать сложные международные проблемы сопряжена для политика с его же возможностью регулирования социальных вопросов: консолидации общества, демографии, нравственного состояния социума и т. д. Религия именно в единстве и решает на своем уровне этот блок вопро-

сов, поэтому ее рекомендации синхронизированы с двуединой задачей решения социально-политических проблем. Это – в интересах политика: ведь адекватная политика должна осуществляться именно как реализация запросов общества. «Перед каждым обществом, перед каждым народом стоит, прежде всего, религиозная задача. Ибо просветление и преобразование воли, наполнение ее божественными предметами есть задача религиозная, а не социально-политическая» [2, 621].

Мировые религии сконцентрировали и изложили свое понимание смысла и содержания общественной жизни в документах, названия которых разнообразны, но преимущественно именуются как социальные стратегии или концепции соответствующих религий. Известность получили концепции Римско-католической церкви (так называемый, «Компендиум социального учения Церкви»), «Основы социальной концепции Русской православной церкви», «Основные положения социальной программы российских мусульман», «Основы социальной концепции иудаизма в России» и другие. Обратимся к этим концепциям с тем, чтобы выявить в их содержании реальные возможности повышения нравственности общественной жизни и некоторой гуманизации политики.

Общие принципы социального учения Римско-католической церкви, например, концентрируются вокруг следующих тем: принцип общего блага, всеобщее предназначение благ, принцип субсидарности, участие, принцип солидарности, а также фундаментальные ценности социальной жизни – истина, свобода, справедливость, любовь.

«Особая миссия, которую Христос поручил Своей Церкви, не носит характера политического, экономического или социального: цель, которую Он перед ней поставил, принадлежит к порядку религиозному. Но именно из этой религиозной миссии проистекают обязанности, свет и силы, способные послужить человеческому обществу в его установлении и утверждении по божественному Закону» [15, 57]. «С помощью своего социального учения Церковь печется о жизни людей в обществе, осознавая, что от качества социальной жизни, то есть от отношений справедливости и любви, из которых она

соткана, зависят решающим образом безопасность и развитие личностей – а ради этих целей и создается всякая община. Ведь в обществе поставлены на карту достоинство и права человека и мир в отношениях между личностями и между общинами личностей. Это блага, к которым социальная община должна стремиться и которые должна гарантировать» [15,64].

Огромную роль при этом играет нравственность. В Компендиуме по этому поводу говорится: «Недостаток внимания к нравственному измерению ведет к дегуманизации общественной жизни, социальных и политических институтов и укрепляет «структуры греха»: «Жить и действовать в политике согласно собственной совести – не значит рабски придерживаться чуждых политике установок или какого-либо конфессионализма; для христиан это значит вносить свой последовательный вклад в общее дело, чтобы политическими средствами установить более справедливый и соответствующий достоинству человеческой личности порядок»» [15, 367–368].

Это ставит перед политиком сложные задачи, но, одновременно, дает и метод решения проблем: «Власть должна руководствоваться нравственным законом: всё ее достоинство проистекает из принадлежности к сфере нравственного порядка, который берет основание в Боге: Бог – его начало и окончательная цель. Поскольку цели власти и люди, ей подчиненные, с необходимостью имеют отношение к этому порядку, который ей предшествует и служит основанием, ее нельзя понимать как силу, определяемую критериями чисто социологического и исторического характера: «к сожалению, некоторые...концепции не признают существование морального порядка – трансцендентного, универсального, абсолютного, равного и действительного для всех. Таким образом, невозможно встреча, невозможно полное и надежное взаимопонимание в свете одного и того же закона справедливости, принимаемого и соблюдаемого всеми». Этот порядок держится только на Боге, а в отрыве от Бога распадается. Власть черпает силу обаяывать и моральную легитимность именно из этого порядка, а не из произвола или воли к господству, и призвана претворять этот порядок в конкретные действия для достижения общего

блага» [15, 262–263]. Нравственные измерения общественной и государственной жизни настолько важны для католической социальной концепции, что в ней делается жесткий вывод, который для дипломатичной Римско-католической церкви является редкостью. «Если, в результате трагического помрачения коллективной совести, скептицизм подвергнет сомнению сами фундаментальные принципы нравственного закона, государственный порядок будет потрясен в своих основаниях и сведется всего лишь к механизму прагматической регуляции различных и противоположных интересов» [15, 263].

Говоря о конкретных способах и методах решения социальных и политических проблем в свете непреложности нравственного фактора в их содержании, Компендиум резюмирует: «Из глубин слушания и истолкования реальности могут возникнуть конкретные решения об эффективных действиях; тем не менее, этим решениям никогда не следует придавать абсолютной ценности, поскольку никакую проблему нельзя разрешить окончательно: верующие никогда не намеревались загнать социально-политическую жизнь в жесткую схему, осознавая, что историческое измерение вынуждает человека жить в несовершенных и зачастую быстро меняющихся ситуациях» [15, 369]. Таково католическое видение данной проблематики.

Русская православная церковь в «Основах социальной концепции РПЦ» обращает внимание политиков на необходимость духовной чуткости при решении реальных политических проблем. «Участвуя в управлении государством и в политических процессах, православный мирянин призван основывать свою деятельность на нормах евангельской морали, на единстве справедливости и милосердия (Пс. 84. 11), на заботе о духовном и материальном благе людей, на любви к отечеству, на стремлении преобразовать окружающий мир по слову Христову» [27, V. 3].

На международном уровне, нравственность которого уже давно невелика, политика нуждается, по мнению РПЦ, в скорейшем и глубоком одухотворении, иначе мир окажется в кризисе, по сравнению с которым сегодняшний перманентный финансово-экономический кризис окажется только прелюдией. «Христианский идеал поведения народа и правительства

в сфере международных отношений заключается в «золотом правиле»: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7. 12). Употребляя этот принцип не только в личной, но и в общественной жизни, православные христиане должны помнить, что «не в силе Бог, а в правде». Вместе с тем, если кто-либо действует вопреки справедливости, то восстановление ее нередко требует ограничительных и даже силовых действий по отношению к другим государствам и народам. Известно, что в силу искаженности грехом человеческой природы нации и государства практически неизбежно имеют расходящиеся интересы, связанные, в частности, со стремлением к обладанию землей, политическому и военному доминированию, получению максимальной прибыли от производства и торговли. Возникающая по этой причине необходимость защиты соплеменников налагает некоторые ограничения на готовность личности поступиться собственными интересами ради блага другого народа. Тем не менее, православные христиане и их сообщества призваны стремиться к созиданию таких международных отношений, которые служили бы максимальному благу и удовлетворению законных интересов собственного народа, сопредельных наций и всей общечеловеческой семьи» [27, XVI. I].

И, как вывод: «Памятуя о необходимости духовно-нравственного влияния на действия политических лидеров, сотрудничества с ними, печалования о нуждах народа и отдельных людей, Церковь вступает в диалог и взаимодействие с международными организациями. В рамках этого процесса она неизменно свидетельствует свою убежденность в абсолютном значении веры и духовного делания для человеческих трудов, решений и установлений» [27, XVI. 2].

Ислам, как религия социально ориентированная и требующая осуществления социальной справедливости здесь и сейчас, уделяет проблематике нравственного и духовного влияния на политику повышенное внимание. В «Основных положениях социальной программы российских мусульман» подчеркивается, что вернуть нравственность в политику возможно посредством прояснения сущности прав и свобод человека. «Приня-

тие веры в Бога – индивидуальное дело каждого человека, и если даже Своему Пророку Творец не дал права принуждать людей в выборе своих убеждений, то и никто другой тем более не вправе этого делать... Как сказал Пророк (САС): «Если бы людям давали все, на что они претендуют, то жизнь и все имущество нации были бы потеряны». Общество и государство должны признавать и уважать право человека на вечную жизнь, даруемую Творцом! Это право для мусульманина предстает в качестве главного критерия при определении границ всех остальных прав и свобод, сформулированных обществом в терминах гражданского законодательства. Особенность Ислама заключается еще и в том, что он не разделяет «духовное» и «мирское», а соединяет их в единую реальность, где цель и средства находятся в гармонии. Ислам предлагает человечеству эталон цельной и здоровой личности с чувством собственного достоинства и осознанием своих неотъемлемых прав и свобод. Откровение Всевышнего Аллаха устанавливает основные правила социального поведения мусульман, позволяющие каждому человеку сохранять и реализовывать без ущерба для себя и для других свою Богом данную свободу» [26].

Можно сказать, что такое понимание прав и свобод человека мало демократично, и его трудно соотнести с реальной проблематикой современной политики. Но надо знать, что ислам реализовывал принципы общинной демократии тогда, когда современный Запад и не задумывался о демократическом устройстве общества. И вообще, нельзя сводить демократию только лишь к ее западному варианту. Исследования показывают, что «ислам создал вокруг себя соответствующую своим ценностям форму устройства общества, в котором реализуются принципы справедливости, как их понимает ислам. И это демократия ислама» [18, 130–131].

Мы рассмотрели фрагменты ряда социальных концепций различных конфессий и вычленили из них аспекты, касающиеся нравственного оздоровления социума и политики. Это, так сказать, непосредственные «рекомендации» религии по проблеме. Наряду с этим, религия обладает и еще одной, недостаточно известной, возможностью влиять на современную по-

литику – участие в стратегическом планировании будущности мира, о котором мы уже писали на странице 82–83 этой монографии.

Как видно из этих тезисно перечисленных факторов роли религии в геополитических процессах, религия способна играть и позитивную и негативную роль. Задача, тем самым, состоит в том, чтобы снизить уровень ее вовлеченности в деструктивные процессы и значительно повысить ее позитивный потенциал. А религия, бесспорно, обладает большим потенциалом в снижении уровня вызовов и угроз современности. Сущностью человека, в согласии с религиозной концепцией бытия, является, как известно, его духовное родство с Богом, поэтому духовная сфера бытия человека – основная и центральная для него. Абсолютно все формы жизнедеятельности человека неустранимо содержат в себе духовный элемент, который и придает всем этим формам жизненную силу, вызывает их к жизни, они пронизаны духовностью. Духовное же есть сфера религии, именно религия и регулирует сферу духовного и, регулируя ее, религия способна оказывать определяющее влияние на весь спектр жизни человека, общества и государства. В этом состоит ее уникальная возможность позитивного влияния на будущность мира. Обращение к религии в ее сущностной способности пробуждать в людях нравственность, ответственность, любовь, веру, надежду – все то, что приближает человека к Богу, это обращение и позволяет реализовать возможности религии в снижении уровня агрессивности современной политики и одухотворении бытия в целом.

Почему же религия уже теперь не проявляет своих позитивных возможностей в деле переустройства мира на принципах справедливости, гуманизма, нравственности и иных высоких измерений, с которыми по определению религия и соотносится? Почему, если религия мощная сила – а она, безусловно, мощная сила, – религия не «пробьется» в жестокий мир реальности и не изменит его к лучшему? Конечно, это не является предельно убедительным аргументом в свете поставленных вопросов, но не следует забывать о том, что формы активного воздействия религии на мир весьма специфичны и отличны от

активности других агентов такого воздействия. Религия меняет мир в лучшую сторону, меняя внутренний мир человека, его мировоззрение, его поведение, систему его ценностей.

В частности, религия способна на этих основаниях изменить неоднократно упомянутую нами агрессивность мировой политики. Эта угроза практически неустранима никакими иными средствами кроме религиозных. Почему? Да потому, что всякое политическое противодействие агрессивности мировой политики будет только способствовать росту этой агрессивности – что мы повсеместно и наблюдаем. Религия же способна «рас-творять» агрессивность, смягчать ее, потому что в ее арсенале имеется единственное средство против агрессии – не отвечать злом на зло, но отвечать добром. Она знает, как не поддаваться на агрессию: не надо реагировать предсказуемым образом – такая реакция заложена в дальнейшее развитие событий по запланированному сценарию. А надо выйти из ситуации, разрешая ее с более высоких позиций, нежели ожидается. Религия – одна из немногих сфер, которая сама, будучи высокой, может подсказать конкретное содержание этих более высоких позиций. Такова сущностная способность религии. Следовательно, она обладает принципиальной возможностью гуманизации и придания нравственного содержания современной мировой политике.

Подчеркнем, что это – возможности религии, только возможности. Смогут ли они быть реализованными, зависит не от религии. Религия не прибегает к «победоносному» давлению, она предлагает свои решения и свои возможности. Воспринять ее предложения, претворить их в жизнь – задача общества и государств, а на международном уровне – мирового сообщества. Глубочайшая специфика религии во всех ее предложениях и деяниях заключается в том, что она не подавляет свободы выбора субъекта деяний. В этом религия верна своей сущности – звать людей к вечной жизни, но оставлять выбор за человеком. Так и в данном случае: религия предлагает свои возможности в гуманизации и нравственном насыщении современной политики на всех уровнях. Религия может в этом помочь заплутавшему человечеству. Но уже дело сообществ, государств

и международных структур принять ее предложения или нет. Самое большее, что может сделать религия – предупредить о нарастающей агрессивности политики, способной привести ко всеобщей трагедии. И попытаться подтолкнуть, в первую очередь ответственных политиков, к изменению ситуации, приводя очень убедительные аргументы. И все. Если же она, подобно самой сегодняшней политике, станет прибегать к силовому, агрессивному воздействию на общества и государства, то она изменит своей сущности и перестанет быть религией. Что, кстати, мы и видим на примерах радикальных религиозных течений, которые перестали быть религией, так как подменили свою цель – спасение людей для вечной жизни – на достижение сомнительного успеха в актуальной социально-политической ситуации. Мировые, традиционные, истинные религии не могут поступать аналогичным образом, они ответственны перед Богом за сохранение своей сущности. И разворачивая свою сущность, актуализируя ее в реальных условиях сегодняшнего дня, религия, одухотворяя человека, одновременно придает нравственный импульс мировой политике – таков единственный оптимистический сценарий развития современного мира.

7 ВОЗМОЖНОСТИ ПОЗИТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИИ НА ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СФЕРУ

Проанализировав основные аспекты возможного позитивного влияния религии на современную политику, обратимся к финансово-экономической сфере и осуществим подобный анализ и в отношении ее. Сразу следует сказать, что экономика – базис материального бытия человека, а материальные ценности превратились в абсолютно доминирующие на сегодня. Нравственность, особенно религиозная нравственность, вступает в глубочайшие противоречия с моральными принципами современной экономики, с характером, формами и стратегией современного экономического развития. Современная экономическая система, современная финансовая система абсолютно не ориентируются на нравственность. Более того, экономическая и финансовая системы современности принципиально безнравственны. Прибыль, а не духовное развитие человека, лежит в основе функционирования этих систем. И где здесь место для религии с ее нравственными максимами? Не говоря уже об истинной цели религии – спасении души человека для вечной жизни. Так что трудность очевидная.

И вместе с тем у религии есть свое видение того, какой должна быть экономическая и финансовая сферы современности. Да, говорит религия, экономика должна быть эффективной и прибыльной. Да, финансы должны обслуживать такую экономику. Но движение капитала не должно быть чисто спекулятивным (а капитал сегодня именно таков). Не получение прибыли ради прибыли, но экономическое развитие ради развития человека и человечества, его нравственного и духовного развития – вот религиозное видение смысла экономики (кстати, совсем недавно это декларировалось и социалистической идеологией и идеологами товарно-денежной системы). С таким видением смысла экономического развития согласится аб-

солютное большинство человечества. «Идеально совершенный социально-экономический строй должен обеспечить каждому члену общества духовные и материальные условия нормально-го развития, ведущего к порогу Царства Божия» [20, 225]. Так что религиозное понимание экономики совпадает с ожиданием от развития экономики абсолютно всех, кроме олигархов и обслуживающих их чиновников. Религиозный взгляд на смысл экономического развития не смыкается сегодня с аналогичной позицией большинства людей из-за того, что религия мало тиражирует свою позицию (хотя позиция эта выработана мировыми религиями), а также потому, что над разрывом религии и обыденным сознанием большинства работают многочисленные силы, и работают эффективно.

Противоречия между интенцией экономики на безудержное извлечение прибыли и нравственными требованиями религии в этой сфере проявляются в форме ряда вызовов, центральные из этих вызовов таковы: *отрыв современной экономики и финансовой системы от источника богатства – человека; забвение его экономических интересов и прав; господство спекулятивного капитала над реальной экономикой; абсолютная безнравственность мировой экономической системы.*

Вполне обоснованно среди основных причин перманентного глобального финансово – экономического кризиса религии указывают на отсутствие социального партнерства, справедливости и нравственности в мировой экономической системе современности. Римско-католическая церковь уже не первое десятилетие настаивает на развитии социального партнерства владельцев предприятий и наемных работников. Идеи социальной ориентированности бизнеса нередко присутствуют в энцикликах понтификов.

В Компендиуме РКЦ совершенно определенно говорится: «Нравственное измерение экономики позволяет назвать в качестве целей, неразрывно связанных между собой, а отнюдь не отдельных и альтернативных, экономическую эффективность и солидарное развитие человечества. Нравственность, внутренне присущая экономической жизни, ни враждебна ей, ни нейтральна: если нравственность вдохновлена справедливостью и

солидарностью, для самой экономики она оказывается фактором социальной эффективности. Эффективно осуществлять деятельность по производству благ – это обязанность: в противном случае напрасно расточаются ресурсы. Но неприемлем экономический рост за счет людей, целых народов и социальных групп, обреченных на нищету и изоляцию. Экспансия богатства, проявляющаяся в доступности благ и услуг, и нравственное требование справедливо распространять их должны побуждать человека и общество в целом практиковать важнейшую добродетель солидарности, чтобы бороться, в духе справедливости и любви, со «структурами греха» (где только они ни будут обнаружены), которые порождают и поддерживают бедность, отставание в развитии и деградацию. Эти структуры возводятся и укрепляются через множество конкретных проявлений человеческого эгоизма» [15, 332].

И далее: «Итак, если рассматривать экономику с нравственных позиций, она представляет собой взаимное служение, осуществляемое через производство благ и услуг, полезных каждому для роста; она становится возможностью для всякого человека осуществлять солидарность и призывание к «общению с другими людьми, для чего его создал Бог». Прилагать усилия по разработке и реализации экономико-социальных проектов, способных сделать общество более справедливым, а мир более человечным, – это суровый вызов, но также и вдохновляющая обязанность для всех, кто действует в области экономики и занимается экономическими науками» [15, 332].

В последнее время и Русская православная церковь стала много говорить о необходимости нравственного оздоровления экономики. Так, в 2004 году, на Всемирном Русском Народном Соборе, где во многом тон задает Русская православная церковь, был принят очень характерный и интересный для нашей темы документ – «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», в котором регламентировались нравственные правила развития экономики. Эти принципы и правила опираются на религиозные заповеди, в их применении к экономической сфере человеческого бытия. Но пока эти инициативы не получили широкого распространения и реализации.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в течение 2009–2010 годов многократно обращал внимание на истинные причины текущего финансового кризиса. Он подчеркивал, что кризис имеет причиной отказ от нравственных ценностей. Экономика стала развиваться в отрыве от человеческого содержания ее, огромное развитие получили операции в сфере спекулятивного капитала, инвестиции в реальный сектор экономики сократились. Так что экономика является сегодня сферой столкновения различных парадигм ее дальнейшего развития. «Глобализация имеет не только политико-правовое, но также экономическое и культурно-информационное измерения. В экономике она связана с возникновением транснациональных корпораций, где сосредоточены значительные материальные и финансовые ресурсы и где трудится огромное количество граждан разных стран. Лица, стоящие во главе международных экономических и финансовых структур, сосредоточивают в своих руках огромную власть, не подконтрольную народам и даже правительствам и не признающую никаких пределов – будь то государственные границы, этническо-культурная идентичность или необходимость сохранения экологической и демографической устойчивости. Подчас они не желают считаться с традициями и религиозными устоями народов, вовлекаемых в осуществление их планов. Церковь не может не беспокоить и практика финансовых спекуляций, стирающая зависимость доходов от затраченного труда. Одной из форм этих спекуляций являются финансовые «пирамиды», крушение которых вызывает широкомасштабные потрясения. В целом подобные изменения в экономике приводят к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства» [27, XVI. 3].

Об этом же говорят и Поместные православные церкви. «Пропасть между богатыми и бедными драматически разрастается вследствие экономического кризиса, который является результатом извращенной экономической деятельности, лишенной человеческого измерения и не служащей подлинным потребностям человечества, а также погони финансистов за наживой, часто приобретающей маниакальный характер. Жизне-

способна лишь такая экономика, которая сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью» (<http://www.pravoslavie.ru/news/27880.htm>).

«Всеобщая Исламская Декларация Прав Человека» в разделе «Экономический порядок и Права, исходящие из него» подчеркивает:

а) В экономическом потенциале все люди имеют право на долю природных ресурсов. Они – благословения, подаренные Богом для блага человечества в целом...

d) Бедные имеют право на предписанную долю в капитале богатых, как установлено это Закаатом (Zakah), выделяемым и собранным в соответствии с Законом.

е) Все средства производства должны использоваться в интересах сообщества (Ummah) в целом. Ими нельзя пренебрегать или неправильно пользоваться.

f) Для развития сбалансированной экономики и защиты общества от эксплуатации Исламский Закон запрещает монополии, неразумные ограничительные торговые методы, ростовщичество, принуждение при заключении контрактов и публикации рекламы, вводящих в заблуждение.

g) Разрешены все экономические действия, если они не вредят интересам сообщества (Ummah) и не нарушают Исламские законы и ценности» [9].

Напомним, что в современном мире широко известны способы видения бизнеса исламскими финансовыми институтами, в основе которых лежит беспроцентная ссуда и иные формы ведения хозяйства, основанные на нормах шариата. «В исламской финансовой системе запрещается «риба» (излишек), под которой понимается любое неоправданное приращение капитала при займе или при осуществлении торговой сделки. Иными словами, любая заранее определенная ставка, зависящая от сроков и величины займа и не зависящая от успешности инвестиций, называется рибой и является запрещенной. Большинство исламских ученых относит к понятию риба не только высокий, ростовщический, но и любой ссудный процент. Такой запрет оправдывается представлениями о социальной справедливости, равенстве и правах собственности. Ислам поощряет получение прибыли, однако осуждает использование процента в целях

получения прибыли, поскольку такая деятельность не приводит к созданию продукта и не может увеличить благосостояние общества. Социальная справедливость требует, чтобы заемщики и кредиторы получали вознаграждение или убытки на паритетных основах и чтобы процесс накопления и создания богатства в экономике отражал реальный вклад экономических агентов в экономическое развитие» [44, 7].

Таким образом, импульс, идущий от исламского банкинга, вносит в экономику весьма заметный элемент справедливости. Этические императивы исламской финансово-экономической сферы очевидны. «Согласно нормам исламской этики праведно лишь то богатство, источником которого являются собственный труд и предпринимательские усилия его владельца, а также наследство или дар. Кроме того, прибыль является вознаграждением за риск, сопутствующий любому деловому предприятию. Банк может получить доход, не взимая процента, если он сам является участником проекта. При этом банк должен полностью разделять с предприятием как прибыль, так и риски. Кроме того, банк может участвовать в торговле и извлекать прибыль из наценки между себестоимостью приобретения товара и ценой его реализации. В этом случае лишь реальные результаты деятельности, а не predetermined заранее ставка процента будут влиять на прибыль банка. По законам шариата запрещается финансировать торговые операции, связанные с определенными товарами: табаком, алкоголем, оружием, а также с распространением порнографии, развитием азартных игр и т. д.» [44, 8–9].

В настоящее время крупнейшие западные страны включают в свои банковские системы так называемые «исламские финансовые окна». Менее известно, что запрет на ростовщичество, на ссудный капитал существовал и в других религиях. В иудаизме был строжайший запрет за предоставление денег под процент. Справедливости ради, следует уточнить, что этот запрет распространялся в иудаизме только на «свой народ».

Вставка

«Священное Писание запрещает давать деньги под проценты и получать прибыль от процентов. В книге Исход гово-

рится: «Если дашь деньги займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (Исх. 22:25). Этот же запрет повторяется в книге Левит: «Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришлец ли он, или поселенец, чтоб он жил с тобою. Не бери от него роста и прибыли и бойся Бога твоего; чтоб жил брат твой с тобою. Серебра твоего не отдавай ему в рост и хлеба твоего не отдавай ему для получения прибыли» (Лев. 25:35–37). «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею» (Втор. 23:19–20)» [1].

«Процентная система существует не во всех странах мира, например, в исламском и еврейском банкинге она запрещена, евреи не позволяют подобного отношения к собственному народу. Благосостояние общества складывается не благодаря усилиям «белых воротничков», а благодаря поту и крови рабочих и крестьян – трудящихся людей. Беспроцентное обеспечение людей деньгами – это не миф, а реальность. В Священном Писании категорично запрещено давать деньги под проценты своему единоверцу, но инородцу разрешается, потому что он может быть потенциальным противником, представителем враждебной этнической группы или враждебного государства (Втор.23:20). Например, исламский банк дает мусульманину деньги под долевое участие в его бизнесе, таким образом, банк заинтересован в успешности бизнеса. А если банк дает деньги под проценты, как в России, Европе и США, то он прямо заинтересован в разорении людей, потому что в случае разорения можно продать бизнес, и заработать на разорении». «Православный взгляд на ссудный %» 26 июня 2014 г. //

<http://www.interfax-religion.ru/?act=radio&div=2136>

К сожалению, не только иудеи и христиане утратили этот подход к финансово-экономической сфере, и в исламе, вследствие нарастания общей агрессивности, стали возможны факты, подобные следующему.

Вставка

Захватившие нефтяные месторождения в Ираке и Сирии исламисты зарабатывают по \$3 млн. ежедневно

Дубай. 28 августа. ИНТЕРФАКС – Радикальная группировка «Исламское государство», установившая контроль над рядом нефтяных месторождений в Ираке и Сирии, получает от про-

дажи нефти на «черном рынке» около \$3 млн. в день, сообщает в четверг межарабский телеканал «Аль-Арабийя».

По данным американских экспертов, на которых ссылается канал, боевики продают нефть за \$25-\$60 за баррель, тогда как ее стоимость на легальных рынках превосходит \$100 за баррель. Таким образом, считают специалисты, члены группировки пытаются собрать средства на создание «халифата». В настоящее время боевики контролируют четыре небольших нефтяных месторождения на севере Ирака, еще несколько – в богатой на нефть сирийской провинции Дейр-эз-Зор. В конце июня боевики объявили о создании «исламского халифата» на контролируемых ими территориях Сирии и Ирака. В новой организации заявили о намерениях стереть все границы в регионе от Средиземного моря до Персидского залива, в частности, между Сирией и Ираком.

<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=56289>

Обостряющийся финансовый кризис предоставил религии возможность проявить свою нравственную позицию. К примеру, «На своём чрезвычайном заседании 2 апреля 2013 года Священный Синод Кипрской Церкви принял решение о расширении мер по поддержке граждан, пострадавших от экономического кризиса. В частности, было объявлено о начале проекта по оказанию бесплатной медицинской помощи. По завершении заседания в беседе с журналистами митрополит Пафосский Георгий сообщил о решении Синода, согласно которому каждая епархия должна заложить принадлежащую ей собственность, чтобы иметь возможность продолжать оказывать помощь населению. Священный Синод также постановил назначить комиссию из шести специалистов, которая изучит вопрос о возможностях использовании церковного имущества на благо народа»[14].

Вставка

Коммюнике совместного семинара-диалога «Продвижение солидарности в условиях нынешнего экономического кризиса: вклад Православной Церкви в европейскую социальную политику» (17 октября 2012 года, Брюссель)

Выступления и дискуссии, состоявшиеся в ходе семинара, наглядно показали, что причины нынешнего экономического кризиса сложны и многомерны. Мы признаем и подтверждаем, что решение таких сложных проблем в долгосрочной перспективе не

может быть найдено без учета как исторической обусловленности, так и тех очевидных проявлений, которые мы имеем в настоящем. С самого начала экономического кризиса в Европе в 2008 году, Православная Церковь быстро реагировала на острые социальные нужды. Во время обнищания, дискриминации, индивидуализации и ослабления связей между людьми и народами Православная Церковь, верная своей миссии, усилила благотворительность и взаимовыручку на уровне своих приходских общин, а также через созданную ею социальную инфраструктуру. Таким образом, она подтвердила свой статус надежного партнера в артикуляции и реализации социальной политики, нацеленной на смягчение страданий, вызванных экономическими потрясениями, особенно среди самых незащищенных членов общества.

Вклад такого уровня – не единственный, который Православная Церковь может сделать, – мы предлагаем большее. С нашей точки зрения болезни общества кроются, прежде всего, в расстройстве отношений человека: с Богом, с самим собой, с ближними и окружающим миром. Таким образом, кризис ценностей не вызывает удивления, поскольку в европейском обществе, которое обладало такими замечательными свойствами как честность, упорядоченность, строгость, компетентность, стабильность, честь и ответственность, мы теперь находим инстинкт игры, неоправданный риск, спекуляции, некомпетентность и безответственность. Поскольку опыт Православия лежит, прежде всего, в сфере внутренних, духовных проблем, стоящих перед человечеством, мы определили важные связи между ними и внешними проблемами, такими как финансовый кризис, политические потрясения и ломка социальных связей, так часто наблюдаемая в мире сегодня. Православная Церковь располагает уникальными возможностями для помощи в излечении глубинных причин болезней нашего общества, предлагая общинную взаимопомощь, смирение, умеренность, щедрость, служение... Для тех, кто не разделяет нашей веры, мы будем использовать эти атрибуты в качестве социальной модели и продвигать мир и диалог в тех сообществах и сферах влияния, где может прозвучать наше свидетельство. Мы полностью осознаем, что, несмотря на все стремление к совершенному человечеству, мы вряд ли сможем избавить мир от эгоизма, безразличия и жажды власти. Однако, без фундаментального подхода к этим задачам, любые методы контроля, введенные для достижения финансовых и социальных результатов, будут сведены к нулю новым, пока еще невиданным злом...

Следуя данному подходу, мы можем заметить, что ответственность за испытания и невзгоды, через которые проходят народы, невозможно столь легко и ясно возложить на кого-то.

Болезненные последствия проходят через несколько стадий: первородный грех и падшая природа мира, диавола, стремление людей к удобствам и наживе, стремление сообществ контролировать или отвергать своих членов, неспособность правителей положить конец коррупции, промышленность, истощающая ресурсы ради выгоды, неспособность различных вероисповедных традиций воодушевить каждое новое поколение на поиск блага и распознавание зла: «ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2:16). Если кто и считает руководителей различных частей общества ответственными за сложившуюся ситуацию, тому следовало бы умерить грев, помянув о преизобилующей благодати, «ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга» (Тит. 3:3). Нам определено жить в мире сем, но нам никогда не нужно следовать только лишь мирской парадигме. В результате, концепция спасения тесно связана именно с восстановлением этого утраченного единства, которое достигнет своего свершения в конце времен, но которое, тем не менее, реализуется уже здесь и сейчас, в истории.

Рекомендации, нацеленные на обуздание определенного рода поведения или принуждение, скорее всего, будут иметь лишь ограниченный эффект, если не будут сочетаться с пониманием глубинной причины проблем: духовным состоянием человечества в падшем мире. Верный подход предполагает целостный взгляд на человеческую личность, заключающийся в принятии во внимание всего многообразия нужд человека и устранении искусственного разделения между материальными и духовными потребностями, принятого почти что повсеместно. Только у такого подхода есть реальный шанс что-то серьезным образом изменить в сегодняшнем контексте. В сочетании с правительственными усилиями, Церкви сосредотачивают все свои ресурсы для помощи отдельным лицам и социальным группам, оказавшимся в наиболее бедственном положении: живущим за чертой бедности, безработным, престарелым и одиноким, без друзей и родных или, наоборот, молодым и энергичным, но без возможностей получить образование. Многие из этих людей обращаются к социальным программам Церкви, которые она организует при своих весьма ограниченных возможностях. В свете нашего общего понимания трудностей, Церковь рассчитывает на синергию с правительствами в деле ее миссии, которая ведется не вне, а в рамках исторического процесса. (Приводится с сокращениями – А.Г.). Служба коммуникации ОВЦС/Патриархия.ru

<http://www.patriarchia.ru/db/text/2548130.html>

Как видно из приведенных примеров, религии пытаются сделать экономическую сферу более нравственной, аргументы религий убедительны и весомы, но заметных подвижек пока не произошло. И вместе с тем усилия религий не напрасны – безнравственность современной экономической системы становится очевидной и все более нетерпимой сообществами. В широкой волне протестов, которые имели место в цитадели капитализма – США под лозунгом «Захвати Уолл-стрит» в 2011 году, был слышан и голос религиозных деятелей, причем они говорили наиболее аргументировано.

Внушает надежды ширящееся по всему миру неприятие доминирующей сегодня абсолютно безнравственной формы экономического развития человечества. Ислам, Римско-католическая церковь, автокефальные православные церкви едины в своей острой критике ситуации, когда максимальные прибыли извлекаются из механизмов финансовых спекуляций, а живой труд обесценен.

8 ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СФЕРУ КУЛЬТУРЫ, НРАВСТВЕННОСТИ, ДУХОВНОСТИ. ВОЗМОЖНОСТИ РЕЛИГИИ В ДАННОЙ СФЕРЕ

Сфера культуры – имманентна религии. Трудami крупнейших ученых-культурологов доказано, что культуры очень многим обязаны религии, она выступает идейной и содержательной основой традиционных культур. В традиционных же культурах проявляется душа народа, его видение смысла жизни, в культуре получают оправдания его способы жизнедеятельности. Культура концентрирует в себе жизненный импульс народа. Культура носит всеобъемлющий характер, и потому является собой и в обыденной практической деятельности, и в высочайших образцах творения духа. Отсюда видно, что культура не является неким довеском к более важным сферам государства и общества – экономике, политике и т. д. Культура – важнейшая из всех сфер жизни государства, общества и человека. Она, в конечном счете, наделяет ценностным содержанием все остальные формы жизнедеятельности. Поэтому культура так важна народу и потому государства и общества «держатся» за свои культуры, оправдано считая культуру основой идентичности.

Отсюда становится ясным, что позитивное влияние религии на культуру не является внешним влиянием, это влияние истока, (религии) на современное, далеко отстоящее от этого истока содержание современной культуры. Особо ценно такое понимание сегодня, когда под воздействием глобализации национальные культуры деформируются, теряют свое лицо, унифицируются и, в конце концов, маргинализируются.

Эти концептуально обозначенные процессы на практике выступают как острые вызовы: *всеобщего нарастания бездуховности; утраты смысла жизни; господства ложных ценностей; падения уровня культуры; превратного понимания прав человека; разрушение традиционных ценностей.*

Естественно, что в этих сферах религия проявляет особую активность. Ведь они наиболее близки религии и стратегически и фактически. Надо отметить, что усилия религии здесь достаточно результативны. В частности, мировое сообщество с пониманием относится к стремлению религии восстановить истинное значение прав человека. Религии напоминают, что эти права не тождественны произволу погрязшего в грехах человека, но являются правом на духовное развитие, на достоинство, на реализацию в обыденной, повседневной жизни религиозных ценностей.

В этом отношении характерна позиция ислама. «Права и свободы человека в Исламе установлены прямой волей Всевышнего Творца, а не субъективными желаниями и чувствами или человеческими сочинениями. Это имеет принципиальное значение, так как права, провозглашенные человеком, относительны и точно так же могут быть изменены или отменены человеком – например, по воле земного правителя. Воля же Аллаха вечна и неизменна, и никто из людей не вправе ее нарушать. Если права и свободы человека рассматриваются вне понятия вечной жизни, даруемой Аллахом, а именно – лишь как средство достижения благ земной жизни, то в этом случае нет объективного критерия, по которому могут быть четко проведены границы человеческой свободы, за которыми начинаются аморальность, произвол, анархия и тирания. Как сказал Пророк (САС): «Если бы людям давали все, на что они претендуют, то жизнь и все имущество нации были бы потеряны» [26]. Солидарна с таким пониманием и Русская православная церковь: «Никакие человеческие установления, в том числе формы и механизмы общественно-политического устройства, не могут сами по себе сделать жизнь людей более нравственной и совершенной, искоренить зло и страдания. Важно помнить, что государственные и общественные силы имеют реальную способность и призвание пресекать зло в его социальных проявлениях, но они не могут одержать победу над его причиной – греховностью. Сущностная борьба со злом ведется в глубине человеческого духа и может иметь успех лишь на путях религиозной жизни личности» [28, III. 2].

Есть несколько направлений, по которым религии добились заметных успехов в ее влиянии на культуру, ценности и нравственность современности. РПЦ повлияла на изменение позиции Государственной Думы России в отношении ювенальной юстиции и роли семейных ценностей в обществе. «На заседании Экспертного совета при председателе Государственной Думы, посвященном теме законодательного обеспечения интересов детей в Российской Федерации, были представлены документы, выражающие позицию Русской Православной Церкви по реформе семейного права, сообщает Служба коммуникации ОВЦС. «Архиерейский Собор высказался в поддержку усилий государства, направленных на защиту детей от преступных посягательств в тех случаях, когда родители сами не могут или не стремятся защитить детей», – заявил председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион, выступая перед членами Экспертного совета. При этом по его словам «Церковь считает, что государство не имеет права на вмешательство в семейную жизнь, кроме случаев, когда существует доказанная опасность для жизни, здоровья и нравственного состояния ребенка и когда эту опасность нельзя устранить через помощь родителям и через методы убеждения» [11].

Позиция религии в отношении прав человека, необходимости возрождения нравственности и духовности, в поддержании традиционных ценностей совпадают с мнением абсолютного большинства населения стран СНГ, что показывают материалы социологических исследований. Экспертное сообщество стран содружества выступает с аналогичных позиций. Вот фрагмент характерного информационного сообщения: «В Запорожье прошла Международная научно-практическая конференция «Христианские ценности в жизни общества и вызовы современности, проблемы социальной деформации». Целью мероприятия стала консолидация специалистов в области богословия и гуманитарных научных дисциплин для защиты традиционных духовных ценностей в современном обществе. По итогам работы была принята резолюция с рядом конкретных задач, требующих решения в ближайшее время, в которой в частности говорится: «Участники конференции считают, что

одним из последствий секуляризации общества является разрушение моральных, религиозных и культурных ценностей. Подобное явление нивелирует и разрушает ценностные понятия, национальное самосознание, основы государственности и человеческие ценности. Без христианских ценностей наше общество становится заложником печальных последствий этого явления: разрушения института семьи, пропаганда сексуальных извращений и распущенности, распространения нетрадиционных религий, лжедуховных практик и деструктивных культов, атомизацию общества и рост потребительского отношения к миру и близким, что приводит к его дезориентации, а значит, – опасны как для самого общества, так и для личности и государства в целом» [35].

8.1 Ценностная система современного мира: противостояние либеральных и религиозный ценностей

Вопрос о ценностях, на которые ориентируется человек, общества и все человечество – центральный в отношении анализа возможного позитивного влияния религии на культуру, нравственность, духовность. Рассмотрим этот вопрос детально. Как известно, ориентация на те или иные ценности, принятие или не принятие их – важный аспект социализации человека. И не только социализации. Нет человека, который бы не ориентировался на какое-либо мировоззрение, не исходил бы в своей непосредственной жизнедеятельности из той или иной мировоззренческой установки. А мировоззрение это и есть совокупность ценностных ориентаций. Система ценностей образует мировоззрение. Даже если человек утверждает, что у него нет никакого мировоззрения, и он живет как придется, то и тогда это есть мировоззренческий выбор и вполне определенное мировоззрение. Поэтому ценности не только социализируют человека, они определяют его полностью во всех отношениях.

Ценности человека и общества концентрируют в себе смыслы жизни, идеалы, личное принятие этих идеалов, внутренние намерения соответствовать им, средства их достижения, формы и способы развития личности, разделяющей эти ценности.

В принципе ценности – это жизненная стратегия человека. Поэтому значение ценностей для человека трудно переоценить.

Но откуда берутся сами ценности? Формируются ли они из «подсобного материала» самим человеком или уже предстают ему в готовом виде – только выбирай. Проблема ценностей – одна из самых сложных в ряду философских, культурологических, религиозных проблем. Ценности уже существуют до каждого вновь рождающегося человека, и в этом смысле они предзаданы человеку. Но всякий человек вместе с тем и творит ценности, достраивая их – т. е. он меняет содержание ценностей, иной человек меняет и систему ценностей. Помимо этого, человек меняет совокупность ценностей, их «набор» в процессе своей жизни. То есть, ценности предстают как нечто очень динамичное, изменчивое.

Вместе с тем ценности обладают свойством и предельной устойчивости, они сохраняются и транслируются, они неизменны в течение длительного времени. Таковы, например, религиозные ценности. Христианство обладает устоявшимся набором ценностей, которые сложились еще при земной жизни Христа. Он сформулировал систему христианских ценностей. Поскольку для христиан, Христос – Бог, и следовательно, все, что Он сказал и сделал – истина, то система христианских ценностей абсолютна, истинна и неизменна со времен Христа. То же и в отношении ислама и системы иудейских ценностей. Это не означает, что религиозные ценности не могут наполняться новым, актуальным для того или иного времени содержанием, несколько изменяться, но суть их, основное содержание и смысловое ядро остаются неизменными на все времена. Они транслированы нам из вечности, и они вечно одни и те же. Это многих оскорбляет: «как так, я родился я живу, я творю, я создаю, я значим, а система религиозных ценностей все та же, что и до меня». Религию потому и трудно принять, что она как бы безразлична жизни и намерениям человека, она заставляет меняться самого человека, а это одно из самых тяжелых дел для человека.

С точки зрения религии религиозные ценности задаются человеку самим Богом, Аллахом. Эти ценности носят абсолют-

ный характер и предстают как заповеди, нормы веры и нормы поведения верующего. Мировоззрение верующего базируется на этих ценностях. Их нельзя обосновать внешним для веры образом. Они постигаются человеком (и разделяются им) на путях синтеза одухотворенного ума и веры. Этот синтез (самая его возможность и формы) невозможен без Божией помощи. Усилия человека, с одной стороны, и Божия благодать, с другой, синергетически налагаясь, делают возможным овладение человеком глубинным содержанием религиозных ценностей. Религиозные ценности пронизаны верой.

Поэтому, когда верующие, например, говорят, что брак – это союз мужчины и женщины, что это физическое, а еще более духовное единство мужчины и женщины (широко распространено выражение – «браки заключаются на небесах»), то это не просто их, верующих, убеждение, но это есть грань их веры в Бога, элемент ценностной системы верующего. И когда им предлагают расширить этот момент их ценностной системы до приятия однополый «семьи», то это нонсенс, они не могут принять это расширенное понимание, оно требует отказа от веры, что невозможно. С позиции верующего авраамических религий однополый брак является грехом. А с грехом верующий обязан бороться, не то, что оправдывать или принимать его. И так по всем аспектам ценностной системы верующего.

Имеется два основных подхода к пониманию взаимоотношения религиозных и либеральных ценностей. Первый – либеральные ценности противоположны религиозным: у них разные истоки, противоположное содержание, диаметрально противоположный смысл, они требуют разных способов проживания жизни и т. д. Второй подход исходит из генеалогии либеральных ценностей из религиозных, причем религиозные ценности выступают основой либеральных. Этот подход также достаточно аргументирован, и последовательность развития взаимоотношения этих систем ценностей такова: либерализм заимствовал идею свободы из христианства, развил ее на собственных основаниях, абсолютизировал права человека, забыл о своих христианских корнях и теперь оппонирует религии. Весьма интересный расклад: логической убедительностью об-

ладают оба подхода. И при первом и при втором подходах аргументация и доказательность вполне удовлетворительны. Возможностей логики не хватает для выбора истины в данном случае, что не удивительно. Для отделения истины от лжи здесь нужна не логика (которая всего лишь фиксирует наличие или отсутствие формальных противоречий в цепочке рассуждений), а просвещенный духом разум, который ставит и логику и умозаключения в контекст истины в ее целостности.

Либерализм, чтобы освободить человека от всякой зависимости, был последователен: он «освободил», в первую очередь, человека от Бога – ведь это самая «большая зависимость». Но при этом либерализм сразу стал атеизмом. Отрицание Бога либерализмом имеет несколько форм: от сведения Бога к Верховному существу до прямого отрицания всякой «потусторонней» силы. На сегодня большинство этих форм отрицания Бога сохраняются, что позволяет либерализму лавировать в зависимости от обстоятельств. Либерализм гуманистичен: среди прочих мировоззрений он допускает и религию, но без фанатизма, что означает «веру» в такого бога, который бы не мешал человеку быть «свободным», то есть делать, что угодно, лишь бы это не мешало и другим делать, что угодно (таков, как известно, принцип реализации свободы в демократическом обществе). Становится понятным почему либерализм поддерживает любые новые религиозные движения – они с его позиций все являются религиями, коль скоро так они себя именуют. Чем меньше в религии Бога, тем лучше с точки зрения либерализма – именно такие «религии» и приветствуются либерализмом: и религия при этом есть и свободы человека ничто не нарушает.

Либерализм порождает свою систему ценностей. Наивно выводить ее из ценностной системы религии, либеральные ценности атеистичны по существу. Формально, конечно, можно утверждать, что либеральные ценности имеют источником ценности религиозные, только трансформированные в свете идей либерализма: верховенство прав свободного человека, абсолютизм частной собственности, потребительское общество. Но если трансформация приводит к отрицанию истоков, то навряд ли это трансформация – скорее, это отказ от истоков, протест против них.

Тактически религии вроде бы выгодно признавать, что либерализм – это «развитая» до неузнаваемости система религиозных ценностей. При этом якобы сохраняется некая зависимость либерализма от религии, и религия всегда может «призвать либерализм к порядку», указав ему на его место. Во всяком в случае с ценностями происходит именно так. Религиозные деятели подчеркивают, что у либерализма религиозные корни: и стремление к свободе у либерализма от религии (вопреки распространенному мнению религия очень высоко ценит свободу, рассматривая ее как возможность приближения к Богу), и ценность человеческой жизни, и творческое раскрытие человеческого потенциала, и бесконечность возможностей человека – все это в либерализме от религии, утверждают эти деятели, только вот исказили либералы эти ценности до неузнаваемости. Где бы еще либерализм смог взять эти установки, как не у религии, говорят религиозные деятели, их нет больше нигде. Социалисты-утописты и марксисты не в счет, они осознанно или нет переиначили религию в угоду социальным проектам. Но эти радители за религию не правы концептуально. Да, пожалуй все перечисленные высокие устремления либерализм позаимствовал у религии, но что он сделал с этими устремлениями? Он закоротил их на греховного человека, и результат налицо: все превратилось в свою противоположность. Свобода превратилась в произвол, ценность человеческой жизни выхолощена до идеалов потребления, бесконечность возможностей человека сведена до извращений, об ответственности человека за себя и за мир забыто вообще. Бесспорно, можно проследить генезис либеральных ценностей из религиозных. Тем более, что негативный дух, как известно, бесплоден, и сам порождать ничего не может. Но может, спекулируя на внешнем подобии, красть и преформировать уже созданное. Из религиозных ценностей можно вывести ценности либерализма, но, скорее, как противоположность религиозным. Так сказать, через подобие к отрицанию. Поэтому говорить о религиозных корнях либерализма не следует – это неправда, и это не выгодно религии даже и тактически. Лучше признать противоположность двух ценностных систем – либерализма и религии, тем более, что

современный мир сделал эту противоположность настолько очевидной, что изображать неведение по этому поводу глупо.

Либерализм только при поверхностном взгляде есть идеология реализации свободы. На деле это идеология утраты свободы. Господство идей либерализма подготавливалось давно, и связь либерализма с идеями Просвещения (или просвещенческий исток либерализма) – только стереотип, абсолютно ложный, но удобный для манипулирования сознанием масс. Уже Возрождение продемонстрировало либерализм в действии, следовательно, истоки либерализма лежат глубже и обозначились намного раньше и эпохи Просвещения и эпохи Возрождения. Для того, чтобы Учредительное собрание Франции сформулировало либеральную концепцию в поражающей воображение полноте (в 1789 году), эта концепция должна была «отстояться», «отлежаться», «отсидеться» наконец, в течение длительного времени, и уж никак либерализм, как стратегия развития человечества, не возник вместе с «Великой французской революцией». В силу недостаточной осведомленности экспертного сообщества с основополагающими документами того движения, которое ныне доросло до однополых браков и готовности узаконить инцест, приведем несколько особо эпических мест из Декларации прав человека и гражданина. «Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств, приняли решение изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека...» [46, 26]. Каково? И какие же права человека и гражданина «провозглашает Национальное собрание перед лицом и под покровительством Верховного существа»? Это следующие сентенции. «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами.... Закон имеет право запрещать лишь дей-

ствия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом... Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом.... Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека... Для гарантии прав человека и гражданина необходима государственная сила» [46, 27]. Можно видеть, что здесь уже сформулирован стратегический остов либерализма, который впоследствии конкретизируется соответственно задачам реализации целей, стоящих перед ним.

Либерализм с самого начала проявил себя как протест против христианского и шире – религиозного мироустройства. Либерализация (освобождение) и было освобождением от религиозных норм, заветов, заповедей. Поэтому сегодняшняя оппозиция либерализма религиозному мировоззрению не просто не удивительна, она естественна в высокой степени. Если религия утверждает, например, что гомосексуализм является грехом, то либерализм – отрицая религиозные ценности – конечно же говорит, что это право свободного человека. То, что человек этот греховен, и не может распорядиться своей свободой, употребляя ее как правило в ущерб себе, мало осознается. Сегодня по этим вопросам развернулась яростная полемика между религиозными лидерами и сторонниками либерального мировоззрения. Так как наиболее острые аргументы обеих сторон выпукло демонстрируют оппозицию религиозных и либеральных ценностей, приведем наиболее характерные фрагменты этих дискуссий.

«В основе демократической идеологии «прав человека», – пишет известный православный публицист, – лежит право греховного человека на грех. Несмотря на множество общих слов о защите свободы и достоинства человеческой личности, демократия легализует «право на грех» как норму и этим являет собой вопиющее неуважение к человеку как духовному существу, лишая его знания Истины, уравнивая в нем добро и зло (принцип плюрализма) и по сути видя в нем лишь биологический организм. Есть у этой идеологии и прагматическая цель. Мы

не раз отмечали, что при демократии правящие финансовые круги намеренно уводят человечества от Божественной Истины, которая топится в хаосе «частных мнений» и «религий», вплоть до сатанинских. Таким атомизированным обществом легче управлять посредством денег, которые в нем становятся главной «истиной», главным источником права и главным условием его осуществления. То есть главной властью (мировой закулисой), превосходящей все видимые избираемые властные структуры» [22].

Парламентская Ассамблея Совета Европы сформулировала современную либеральную позицию в отношении прав человека и ценностей религии. «Ассамблея полагает, что свобода выражения, защищаемая в соответствии со Статьей 10 Европейской конвенции по правам человека, не должна далее ограничиваться с учетом роста чувствительности некоторых религиозных групп. В то же время Ассамблея подчеркивает, что высказывания с выражением ненависти в отношении той или иной религиозной группы не совместимы с основными правами и свободами, гарантируемыми Конвенцией и практикой Суда (Европейского суда по правам человека – А.К.).... Парламентская Ассамблея Совета Европы подтверждает, что не может быть демократического общества без основополагающего права на свободу слова. Прогресс общества и развитие каждого индивидуума зависит от возможности получать и передавать информацию и идеи. Такая свобода распространяется не только на высказывания, которые воспринимается положительно или рассматриваются как безобидные, но и на такую информацию, которая может шокировать, оскорбить или нарушить жизнь государства или какой-то части населения, в соответствии со Статьей 10 Европейской конвенции по правам человека....» [36].

Или еще яснее. «Государства не имеют права допускать распространение религиозных принципов, которые, будучи воплощенными в жизнь, нарушили бы права человека. Если в этом плане существуют сомнения, государствам следует потребовать от религиозных лидеров занять недвусмысленную позицию в пользу главенства прав человека, как они изложены

в Европейской конвенции о правах человека, по отношению к любым религиозным принципам» [37].

Лидеры традиционных религий в своих обращениях к чиновникам Евросоюза неоднократно разъясняли позиции государств, в которых верующее большинство населения придерживается норм традиционных культур и религий в отношении прав человека. «Обращаем Ваше внимание, что подавляющее большинство российского общества не считает гомосексуализм нормой отношений между полами. Основа единства по этому вопросу – уходящие в глубь веков моральные представления традиционных религий России: православия, ислама, иудаизма и буддизма. Верующие этих религий издревле воспитывались на уважении традиционной семьи, представляющей собой союз мужчины и женщины. Мы считаем такой подход к браку единственно правильным, а его искажения, выражающиеся в том числе в гомосексуализме, – грехом, разрушающим достоинство человека. Наши сограждане свободны построить в своей стране такую правовую систему, которая не противоречила бы их совести. Со всей ответственностью заявляем, что убеждения большинства россиян исключают публичную пропаганду таких явлений как гомосексуализм, признание государством однополых союзов в любой форме, принятие лицами нетрадиционной ориентации детей на воспитание, искусственное создание в обществе, в том числе у детей, положительного отношения к сексуальным девиациям через систему образования и СМИ. Насилие над совестью нашего общества в этом вопросе недопустимо и незаконно» [30].

Вставка

Соборное слово XVII Всемирного русского народного собора

«Нашей целью является общество, в основе которого – согласие большинства о фундаментальных ценностях, лежащих в основе человеческого бытия. На XV Всемирном Русском Народном Соборе было во всеуслышание сказано, о каких ценностях идет речь.

Это вера, справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, патриотизм, милосердие, семья, культура и национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность.

Мы убеждены в том, что эти ценности имеют вечное, непреходящее значение. Мы считаем тупиковыми призывы объявить ценности чем-то относительным, служебным, лишенным смысла вне пределов сознания отдельных индивидуумов и договоренностей между ними. Без истинных ценностей и идеалов общество будет духовно оскотлено, лишено творческого заряда, перспективы, и, в конечном счете, будущего.

Консолидированное вокруг базовых ценностей моральное большинство имеет полное право создавать на их основе собственную социальную модель, невзирая на окрики агрессивного меньшинства, отрицающего идеалы и ценности, следующего исключительно собственной интеллектуальной и духовной гордыне.

В основе этой социальной модели должен лежать ответ на вызовы неравенства и социальной несправедливости, демонстрирующий нашу способность преодолеть их на путях реализации идеи социального государства и повышения жизненного уровня населения».

31.10.2013 г. <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1225>

Русская православная церковь, очень осторожная в выражении своих позиций на международном уровне, в последнее время вынуждена говорить четко: ««Руководство Евросоюза, к сожалению, в последние годы по некоторым вопросам занимает антицерковные и антихристианские позиции», — заявил на брифинге в Москве глава Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион. В качестве примера он привел процессы в Великобритании и Франции, «где вопреки массовым протестам населения вводятся законы, уравнивающие однополые союзы с традиционным браком». «Эти процессы нас очень тревожат. Руководство Евросоюза навязывает антихристианские нормы всем странам ЕС. Некоторым странам удастся отразить этот натиск, а некоторым не удастся», — констатировал иерарх. Он полагает, что конфликт идеологий, «который сегодня налицо в странах Евросоюза и который вызван искусственным и насильственным навязыванием некоторых антихристианских норм всему населению ЕС, будет давать вспышки в самых разных странах и в самых разных формах» [6]. Недвусмысленная позиция России выразившаяся в принятии в июне 2013 года Госдумой закона, предусматривающего ответственность за пропаганду гомосексуализма среди несо-

вершеннолетних и оскорбление религиозных чувств, вызвала яростную критику Совета Европы и правозащитников. «Генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд призвал Россию отменить закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди детей, который, по мнению организации «легализует предрассудки и ущемляет права меньшинств». «Этот закон совершенно открыто нарушает несколько фундаментальных принципов Европейской конвенции о правах человека, в частности свободу самовыражения и свободу собраний», — заявил генсек Совета Европы. «Большинство не имеет права принимать закон, явно дискриминирующий меньшинство», — отметил он» [40].

Надо отметить, что мировое сообщество начинает прислушиваться к позиции традиционных религий и культур в отношении критики ими «разгула» либерализма. «Серьезный недостаток идеологии либерализма, по мнению доктора политологических наук, профессора университета Тринити (Техас) Петера О'Брайна (Peter O'Brien), заключается в преподнесении либеральной модели в качестве универсального и единственного средства для решения любых проблем общества. Некоторые исследователи даже полагают, что известные трудности во взаимодействии иммигрантов, выходцев из «традиционного» общества, с представителями «современного» общества являются следствием состояния «замешательства», в которое попадают переселенцы, оказавшись в Европе. Профессор О'Брайн убежден, что бесправное, угнетенное положение мусульман в Европе будет стимулировать их к противостоянию политике либерализации и полной ассимиляции (full assimilation), активно проводимой европейскими руководителями, начиная с семидесятых годов прошлого века. Это противостояние – «сигнал тревоги» для либералов, проблема, которая неминуемо приведет к отходу европейских правительств от либерального пути, либерального законодательства и либеральной системы в целом в сторону политики диктата в отношении иммигрантов-мусульман» [49].

Мировое сообщество также с пониманием относится к стремлению религии восстановить истинное значение прав че-

ловека. Религии напоминают, что эти права не тождественны произволу погрязшего в грехах человека, но являются правом на духовное развитие, на достоинство, на реализацию в обыденной, повседневной жизни религиозных ценностей.

Итак, религиозные и либеральные ценности в современном мире противостоят друг другу, причем каждая из этих ценностных систем претендует на абсолютное доминирование с вытеснением «противника» из общественной сферы и публичного пространства. Это противостояние носит стратегический характер, победитель будет духовно и мировоззренчески господствовать в том мировом порядке, который формируется сегодня. Хотя авраамические религии подчеркивают, что в эсхатологической перспективе добро неизбежно победит зло, в силу либерального смещения добра и зла современный человек находится в глобальном замешательстве, и требуется очень большое усилие по прояснению духовного смысла происходящего. Религии дают ответы на вопросы, но ослабший духовно человек уже слабо способен верить, поэтому ситуация достаточно трагичная. Остается надеяться, что духовная сущность человека неизбывна, и человек прорвется к смыслу бытия посредством воспитания в себе милосердия и любви.

Несмотря на то, что религия лежит в основании культуры, современная культура не просто мало религиозна, она антирелигиозна. Причем не только так называемая массовая культура, поп-культура, но и элитарная культура: последняя явно и ярко протестует против религии. Свою антирелигиозность культура объясняет боязнью потерять свободу самовыражения художника. То есть, культура не скрывает, что она ставит свободу творческого самовыражения выше ее приверженности истинам христианства. Еще проще – гордыня выше покаяния. Это явно антихристианская позиция.

Творчество вообще есть искуc для человека. Есть два вида творчества. Первый – самотворчество человека, распространяющееся на все сферы его жизнедеятельности. Второй – творчество как выделявание в себе подобия Бога. Первый вид крайне опасен с точки зрения сохранения единства человека с Богом. Утратить это единство в акте или процессе творчества очень легко,

причем происходит подобная утрата весьма естественным образом.

Религиозная традиция признает право человека на творчество, но оговаривает это право рядом условий. Во-первых, творчество, согласно, например, христианству, должно быть подобным творению мира Богом. То есть, импульсом к творчеству должна быть преизбытствующая любовь. Из любви, как известно, Бог создал мир. Так и всякий художник-творец имеет право творить только тогда, когда им властвует любовь к людям, которым он и адресует свое творение. Во-вторых, творец обязан быть скромным, гордости нет места в творчестве, согласно христианству. Всем хорошим и высоким в себе, в том числе и творческой возможностью, человек, по учению апостолов и отцов церкви, обязан не себе, но исключительно Богу. Всякое самовыражение, как экспликация творцом себя вовне, всякая самость, как источник творчества, не является подлинным творчеством, но есть гордыня самолюбования. В-третьих, результатом творчества должно быть приращение добра и умаление зла. Понятно, что мало кто из современных художников-творцов, так сказать «властителей дум», удовлетворяет этим условиям.

8.2 Межцивилизационный и межкультурный диалог сегодня: проблемы и возможности

Позитивное влияние религии на сферу культуры проявляется в самых разных формах. Одна из таких форм – актуализация духовной составляющей культуры в процессе межцивилизационного и межкультурного диалога, который является велением времени, так как выступает едва ли не единственной альтернативой губительному эгоизму ведущих держав современности, особенно ярко проявившемуся в последнее время в связи с гражданской войной в Сирии и конфликтом на Украине. Межцивилизационный и межкультурный диалог не устраняет противоречий интересов его сторон, но позволяет, не замыкаясь на этих противоречиях, он открывает новые перспективы сглаживания и даже разрешения этих противоречий. Для того, чтобы стать результативным и действенным,

этот диалог обязан приблизиться к нахождению взаимоприемлемых позиций по острейшим проблемам, разделяющим стороны. Религиозный фактор в этом диалоге чаще всего скрыт, но он во многом определяет успех диалога.

После завершения «холодной» войны и периода острой массовой критики однополярного мира, критики, в пике своем совпавшей с падением международного авторитета единственной сверхдержавы – США, именно межкультурный и междоцивилизационный диалог становится новой парадигмой международных отношений. Насколько искренни подобные намерения, покажет будущее – к содержанию и целям этого диалога можно подходить с самых разных позиций, но приверженность диалогу сегодня демонстрируют многие и многие силы современного мира.

При этом, остаются практически не проясненными принципиальной важности проблемы: каково содержание данного диалога, кто является его субъектом, каковы его цели, чем можно оценить его эффективность и многие другие аспекты диалога. Сегодня все исходит из ценности самой приверженности диалогу, из намерений его вести, из очевидной безальтернативности этого диалога. Все это верно, но сам диалог может остаться благим пожеланием, если не определить его сферу, не наметить его содержание и не выработать критериев его эффективности. Конечно же, и намерения вести диалог очень важны, особенно сегодня, когда уровень напряженности в мире высок и когда все новые и новые вызовы и угрозы раскалывают мир. Но вызывает определенные опасения отсутствие заметных результатов в заявленных намерениях относительно междоцивилизационного и межкультурного диалога – а времени с первых серьезных заявлений по поводу необходимости этого диалога прошло уже немало.

Межкультурный диалог играет большую роль в международных отношениях, что важно для реализации позитивных возможностей религии. Конкретизируя содержание межкультурного диалога на международном уровне, Координатор межкультурного диалога Совета Европы, Руководитель Генерального директората Совета Европы по вопросам образования,

культуры и наследия, молодежи и спорта Габриэлла Баттаини-Драгони пишет: «Межкультурный диалог – одно из ключевых понятий международной политики. Он рассматривается как основа для применения ценностей культурного многообразия в повседневной жизни, как средство для использования в рамках окружающих сообществ тех возможностей, которые обусловлены наличием широкого разнообразия культур. Межкультурный диалог может рассматриваться также как профилактический метод предотвращения конфликтов внутри общества, как политический ответ на угрозы, вызванные культурным многообразием...» (http://www.coe.int/t/dg4/youth/Source/Resources/Forum21/Issue_No10/N10_CoE_WhitePaper_ru.pd).

Обратимся к ряду наиболее существенных, на наш взгляд, аспектов этого диалога, отобразим некоторые контуры диалога, сложившиеся на сегодня, отметим ставшие заметными его недостатки, а также попытаемся выделить его тенденции и позитивные возможности. Для начала проясним центральный вопрос: что такое межкультурный и межкультурный диалог? Как понятно, это диалог между цивилизациями и культурами. Но что такое цивилизация и что такое культура? И почему именно сегодня этот диалог приобрел столь важное значение?

Цивилизация, и это доказано трудами выдающихся мыслителей, философов, культурологов, является «предметным телом» культуры, т. е. тем, во что воплощается культура. Не всякая культура порождает свою цивилизацию, культура должна быть мощной, чтобы воплотиться в цивилизацию. Поэтому культур намного больше, чем цивилизаций. Цивилизации помещены как в историческое (вертикальное, осевое) измерение: древние – например, древнекитайская, древнеиндийская, древнегреческая, так и в современное нам: западная, восточная, исламская, православная, латиноамериканская и т. д. В последние годы исследователи стали выделять и локальные, региональные цивилизации. Так возникли, например, представления о современной цивилизации Центральной Азии, о цивилизации Кавказа и т. д.

Цивилизации и культуры связаны между собой сложной взаимосоподчиненной связью. Культура лежит в основе цивили-

лизации, но цивилизация предоставляет возможности для развития культуры. Нет смысла доказывать, что из них первично. Культура – внутренний стержень цивилизации, ее духовная основа, и в этом смысле культура первична. Но цивилизация является силой культуры, отстаивает ее перед лицом «внешнего» мира – и в этом смысле цивилизация обеспечивает бытие культуры.

Таково, в самых общих чертах, и потому в довольно абстрактных определениях, содержание культуры и цивилизации. Как ясно, и культуры и цивилизации существовали давно. Но необходимость диалога между ними во всей своей полноте встала именно сегодня. Почему? Потому, что ранее и культуры и цивилизации могли в основном существовать порознь, будучи пространственно и смысловым образом разделены. Хотя контакты, и иногда весьма заметные, существовали между ними давно, но постоянной необходимости сосуществовать в одном времени и пространстве у них не было. Они «властвовали» над своими территориями, и лишь контактировали. Сейчас, в связи с мощным влиянием глобализации, с единением мира, культуры и цивилизации не просто периодически взаимодействуют, они сосуществуют на «одном пространстве» современности.

Почему проблематика межкультурного диалога стала актуальной? По ряду связанных между собой причин. *Во-первых*, потому, что ушли в прошлое или спрятались в тень другие аспекты взаимодействия субъектов международных отношений. Соревнование социальных систем, «холодная» война, классовый подход перестали обладать объяснительной силой в мировой политике. Интересы супердержав, необходимость поддержания высоких стандартов жизни в экономически развитых странах, глобализм, как новый мировой порядок, хотя и присутствуют в арсенале аналитиков в качестве объяснительных причин, но не превратились в стройную систему объяснения всего, что происходит на мировой арене. Возникла потребность в новых объяснительных принципах. Культура, цивилизация и религия выдвинулись на эти роли. *Во-вторых*, культура и цивилизация – удобные для современного мира объяснительные феномены. Они действи-

тельно существуют, они обладают всеобщностью, они взаимодействуют. Они лежат в основе региональных, государственных, национальных форм идентичности. То есть, культура и цивилизация в их всестороннем взаимодействии могут быть поняты как то, что лежит в основании современной международной жизни. *В-третьих*, в отличие от политической конъюнктуры, от экономических интересов, от экспансионистской внешней политики супердержав, культура и цивилизация предстают как нейтральные и неагрессивные субъекты мировой политики. Поэтому разговор в этих терминах носит объективный, в интересах всех сторон характер. Наконец, *в-четвертых*, – хочется верить непреднамеренно – культура и цивилизация выдвинуты на передние позиции в диалоге различных сил современности как не обладающие реальной политической силой, но обладающие гуманистическим содержанием, вызывающие доверие, и потому отчасти отвлекающие от реального жесткого расклада сил на мировой арене.

Все эти аспекты межкультурного и межцивилизационного диалога выступают в единстве, и потому если какая-то грань этого диалога «провисает», оказывается не очень эффективной, то не стоит ставить под сомнение эффективность диалога в целом. Следует со всей серьезностью и надеждой относиться к возможностям этого диалога, насыщать его реальными проблемами, решать эти проблемы средствами диалога, и тогда, даже если не все стороны диалога относились к нему с уважением, считая его малозначащим дополнительным моментом в переговорах, он обретет солидное содержание, станет средством решения реальных противоречий, т.е. докажет свою состоятельность.

Бесспорно, в последние годы проблематика межкультурного и межцивилизационного диалога стала очень популярной и поистине всеобъемлющей. Это не удивительно. Диалог по праву считается конструктивной альтернативой разным формам конфронтации, как в реальной практике современности, так и в идейном отображении действительности. Часто говорят, и это во многом верно, что диалог между культурами, религиями, цивилизациями – единственная и даже исключительная

форма, в какой в дальнейшем может развиваться человечество. Концепции «столкновения цивилизаций», в разных видах еще недавно бывшие довольно популярными, сегодня аргументировано критикуются. Анализ содержания этих концепций позволяет сделать вывод о том, что они явились несколько запоздалой теоретической рефлексией над ситуацией, в которой мир находился в период «холодной» войны. Хотя в основу концепций столкновения цивилизаций были положены или религиозные или культурные различия разных цивилизаций, что делало данные концепции достаточно фундированными, в еще более глубоких своих основаниях они опирались именно на реалии «холодной» войны. В самом деле, из анализа догматики крупнейших мировых религий невозможно сделать вывод об их неизбежном противостоянии, а, следовательно, и столкновении цивилизаций, основанных на этих религиях.

Важным для понимания сущности межкультурного и межкультурного диалога является понимание того обстоятельства, что в основе традиционных культур лежат религии. Поэтому когда мы говорим о диалоге культур, надо помнить, что в диалог вступают культуры, имеющие свои основания в религиях. Иначе, в диалог вступают не какие-то абстрактные культуры, но культуры, основанные на религиях, следовательно, в диалог вступают религии. То же и с цивилизациями: поскольку в основе цивилизаций лежат культуры, а в основе культур – религии, то в диалог вступают не просто цивилизации, но цивилизации, взятые через призму религий. Отсюда вытекает громадная роль религий в диалоге культур и цивилизаций.

Можно возразить, и это будет верным, что современная западная цивилизация построена не на религиозных основаниях, а на либеральных ценностях, предполагающих «равноудаленность» от всех религий, а попросту сказать, на нерелигиозных или даже на антирелигиозных основаниях и ценностях. Да, это так. Современное западное общество безудержного материального потребления отказывается от своих религиозных корней, признавая своим духовным началом не христианство, а идеалы Просвещения, обогащенные концепцией прав человека, как единственного и безусловного творца своей действительности.

Отсюда и вытекают все сложности диалога между, например, исламским миром (при всей условности этого понятия) и современной западной цивилизацией. В этом диалоге мы имеем в качестве одной стороны диалога практически нерелигиозную западную цивилизацию, а в качестве другой – достаточно уверенный в вере исламский мир. Трудность подобного диалога очевидна, ценностное поле этого диалога разнородно.

Несмотря на сложности диалога в таких условиях, здесь имеются и достаточно реальные возможности. Поскольку современный западный мир, который, как показано выше, стал практически нерелигиозным, стал ощущать шаткость основ международных отношений, построенных на принципах силы и агрессии, то можно надеяться, что мировые лидеры обратят свой взгляд на некоторые, до сих пор остающиеся вне реальной политики, культурно-цивилизационные феномены, подобные религии. Кстати сказать, наиболее прозорливые из мировых политических лидеров уже обратились к возможностям религии в деле снижения уровня агрессии в мировой политике. К числу таких попыток относятся уже упоминаемые нами инициативы президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева по проведению в столице Казахстана четырех Съездов лидеров мировых и традиционных религий.

Каковы условия продуктивного диалога между культурами и цивилизациями? Эти условия по многим позициям уже выработаны. К числу принципов, на основе которых возможен продуктивный диалог, относятся: равноправие сторон диалога (независимо от международного, политического и экономического статуса сторон); непредвзятость диалога, готовность обсуждать проблему заново, если в прошлом ее обсуждение зашло в тупик; терпимость к позиции другого, хотя бы эта позиция была уязвимой и раздражающей; готовность идти на компромисс; умение встать на позиции другого; мягкое привлечение на свою сторону, что предполагает не жесткое доказательство своей правоты, но раскрытие преимуществ новой позиции и целый ряд других принципов, говорить о которых надо подробнее, чем это возможно в рамках данной статьи. Многие из этих принципов в корне противоречат сложившейся практи-

ке международных отношений. Следовательно, эту практику надо менять. «До тех пор, пока наши взаимоотношения будут определяться имеющимися у нас разногласиями, мы будем придавать силы тем, кто сеет ненависть вместо мира и тем, кто стремится к конфликту вместо сотрудничества, способного помочь добиться справедливости и процветания для всех наших народов. И этот порочный круг подозрений и раздоров должен быть разорван» (из речи Б. Обамы в Каирском университете, 2009 г.).

Часто поднимается вопрос о субъекте межкультурного и межкультурного диалога. Вопрос не праздный – ведь от того, кто будет вести диалог, во многом зависит его успех. Кто же должен вести такой диалог? Государство? Гражданские общества? Общественные и религиозные лидеры? Ученые? Простые люди? Ведь не могут же вести диалог цивилизации как таковые, или культуры – кто их представляет? На наш взгляд правильным будет, если диалог будет вестись на многих уровнях. На всех выше перечисленных и на ряде других. Важно обладать способностью накапливать, концентрировать и фокусировать наработки по диалогу, кто бы его не вел. Результаты диалога должны обобщаться, и предоставляться всем заинтересованным сторонам. Диалог должен быть процессом, а не итогом. Процессы современного мира многосторонни и многоаспектны. Поэтому и диалог, для своего успеха, должен быть таковым же.

В настоящее время в мире имеется множество национальных и международных инициатив в области осуществления межкультурного и межкультурного диалога. Отметим некоторые из этих инициатив, подчеркнув их успехи и недостатки.

Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Основан в 2002 году представителями Греции, Индии и России. Проведено 11 резонансных встреч на о. Родос. Количество участников каждой встречи – около тысячи человек – ученых, общественных и религиозных лидеров, бывших глав государств, представителей НПО, журналистов, дипломатов, деятелей культуры и др. Встречи становятся заметным мировым собы-

тием. Принимаются итоговые документы. Например, принятой по итогам работы форума в 2009 г. Родосской декларации, в частности говорится: «Как и участники предыдущих шести конференций «Диалог цивилизаций» на греческом острове Родос мы убеждены, что все цивилизации, нации, народы и религии имеют намного больше общего, чем различий. Поэтому диалог возьмет верх над конфронтацией. Мы убеждены, что существующий мировой кризис возник в частности оттого, что многие люди, от которых зависит принятие решений, забывают о своей ответственности работать на общее благо. Мы призываем ведущих политиков, бизнесменов, деятелей культуры и образования, а также представителей различных конфессий совместными усилиями обеспечивать социальную стабильность, являющейся ответственностью всего человечества. Мы выражаем преданность духу Родоса, духу равенства всех людей и взаимного уважения, что должно отражаться в добрососедских отношениях на местном уровне, а также в международных отношениях и сотрудничестве»[39].

«Альянс цивилизаций». С инициативой его создания на уровне премьер-министров выступили Испания и Турция (инициатива поддержана ООН в 2005 году). Проведено два форума (в Испании в 2008 г. и в Турции в 2009 г.), Отношение в мире к этой инициативе неоднозначное, так США ее не одобрили. Однако форум достаточно работоспособен. Для примера эффективности деятельности этого форума приведем выдержку из решений первого форума «Альянса цивилизаций» в Мадриде 2008 г. : «Принято 12 новаторских решений, в реализацию которых будет вложено 134 млн евро. Наряду с этим участники форума договорились о создании медиа-фонда Альянса цивилизаций как первой некоммерческой медиа-компании при поддержке производителей фильмов из Голливуда. Он будет направлен на развитие распространения фильмов о ценностях, проповедуемых форумом. Среди других договоренностей – создание маркетинговой и консалтинговой компании в области медиаобразовательных программ, запуск механизма быстрого реагирования в сфере масс-медиа, создание фонда солидарности молодежи, глобальной сети благотвори-

тельных и частных фондов, сети послов доброй воли Альянса». Саудовская Аравия выступила инициатором создания *Всемирной организации диалога* на международной исламской конференции «Диалог религий и культур», который состоялся в 2008 году в Мекке. Организатор – генеральный секретариат Всемирной исламской лиги. На первом этапе планируется духовное единение мусульманской уммы, на втором – диалог с «христианским миром».

ООН приняла в 2001 году специальный документ – «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями», в котором четко сформулировано содержание данного диалога: «Диалог между цивилизациями — это процесс, идущий внутри цивилизаций и на их стыке, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога.... Диалог между цивилизациями – это процесс, направленный на достижение следующих целей: укрепление взаимопонимания и взаимного уважения с помощью взаимодействия между цивилизациями; выявление и поощрение того, что объединяет цивилизации, в целях устранения общих угроз для единых ценностей, универсальных прав человека и достижений человеческого общества в различных областях; содействие более глубокому пониманию общих этических стандартов и универсальных человеческих ценностей; обеспечение более высокой степени уважения культурного разнообразия и культурного наследия». Как можно видеть, постановка задач межцивилизационного и межкультурного диалога почти идеальна. Во многом столь же отчетливо формулируют свои цели и иные организации и объединения, иницирующие данный диалог.

Отметим, что международных организаций и форумов, пытающихся двинуть вперед межцивилизационный и межкультурный диалог, много. Причем они работают напряженно и ответственно при больших финансовых вливаниях. Но крупных успехов фактически нет. Мир не намного продвинулся по пути этого диалога. Почему? Потому что все говорят о своем, и по-

своему. Нет диалога как такового, есть хороший анализ реальных проблем, есть предложения, есть понимание, есть стремление – но ощутимых результатов нет. Вполне возможно, что эта ситуация диктуется «молодостью» диалогов такого рода, и нужно время, чтобы от конфронтации перейти к диалогу. Или, как отмечают наблюдатели, в мире имеется недоверие к отмеченным инициативам: страны, выступившие с этими инициативами, подозреваются в лоббировании своих национальных интересов в ущерб интересам остальных. Мы со своей стороны видим неуспех данных инициатив в непоследовательности реализации ими поставленных целей и неадекватности средств. К примеру, если инициативы исходят из религиозной среды, то и решать проблемы надо внутрирелигиозными средствами – верой и молитвой, а не приспособливать цели к политическим средствам их достижения. Вовне, в мир затем можно приемлемо сформулировать результаты, а внутри, в межрелигиозном диалоге надо быть поближе к проблеме. Так и везде – происходит сбой во взаимоотношении намерений и методов. Также нередко имеет место «забалтывание» актуальных тем, вследствие огромного числа участников форумов. Но и когда участникам удастся прийти к весомому результату (как было, например, в 2006 году в Москве, когда лидеры мировых религий выработали Послание и передали его лидерам «восьмерки», встреча которой состоялась буквально через два дня, но никакого отклика со стороны «восьмерки» не произошло), этот результат не слышит мировая политическая элита. Так что над методологией диалога надо углубленно работать.

Выскажем некоторые соображения по методологии ведения междивизиационного и межкультурного диалога. Как, например, найти общность позиций и интересов, общность подходов к решению проблем в условиях, когда изначальные установки являются не просто несовпадающими, но полярными? Как это имеет место в уже упоминаемом случае диалога секулярной Европы и исламского мира. Представляется, что необходимо найти в настоящем или прошлом такое взаимодействие Европы и исламского мира, какое обладало бы неким взаимообогащающим содержанием. Такие элементы, общие

культуре Европы и мусульманского мира, содержатся в культурном массиве, который сегодня считается или чисто европейским, или чисто исламским. Например, средневековая мусульманская культура оказала мощное влияние на Европу во многих отношениях. Поэзия, архитектура, математика, философия, элементы гражданского устройства европейского общества (местная власть, дозволение иномыслию общинам существовать внутри мусульманского общества Кордовы, Андалузии и Севильи) и многое иное – все это Европа сегодня считает своим собственным, европейским достоянием, но все это мусульманского (со времен Консисты) происхождения. То есть, можно видеть, что в составе современной европейской культуры имеется большой массив мусульманской. То же и в исламской культуре: известно, к примеру, что в Священном Коране и в Ветхом Завете много общих моментов, подчас доходящих до совпадения. Без сомнения, это общее начало сказалось на духовном содержании и нравственности христианства и ислама – что отмечают очень многие богословы и религиоведы. А это, в свою очередь, сказалось на стиле жизни европейских и исламских обществ (это сейчас мы фиксируем разность культурных и жизненных укладов Европы и исламского мира – и эту разницу возводим в абсолют, закликиваемся на ней).

Итак, мы уже сейчас имеем много общего, что можно положить в основание межцивилизационного диалога. Причем это общее не вымыслено, а присутствует в содержании ряда культур и цивилизаций. Но нужно помнить, что культурный и цивилизационный диалоги могут проходить и в условиях фактического отсутствия общего для сторон содержания. То есть, диалог не предполагает единства взглядов по обсуждаемому в диалоге вопросу. Следует начать диалог, обозначить свои позиции и ожидания, услышать позицию другой стороны диалога, соизмерить ее со своей позицией. Возможны не принципиальные уступки, подвижки, проблематизация своей позиции. Вообще, критический взгляд на свою позицию, которая до диалога казалась абсолютно верной, очень способствует сближению позиций. Хорошо, когда такое движение к сотрудничеству имеется с обеих сторон. Надо осознать,

что диалог имеет этапы своего развития, которое начинается еще на стадии противостояния сторон. От противостояния через осознание необходимости диалога – к самому диалогу – и дальше к сотрудничеству, а если удастся, и к партнерству. Вот путь продуктивного диалога.

Но даже если сегодня межцивилизационный и межкультурный диалог и не проявит всей палитры своих возможностей, бесспорным его достижением явятся следующее: диалог ослабляет межцивилизационную напряженность, в тех случаях, когда она присутствует; он помогает понять сущность и специфику иных цивилизаций и иных ценностных систем; диалог разрушает стереотипы доминирования одной цивилизации над другой; формирует понимание ценности всех цивилизационных моделей, что само по себе способствует росту толерантности и самосознания представителей разных цивилизаций.

Как уже говорилось выше, религии многое могут сделать для плодотворности межцивилизационного и межкультурного диалога. *Во-первых*, потому, что религии лежат в основе культуры и цивилизации, а обращение к основам позволяет яснее увидеть предмет диалога. А *во-вторых*, религии обладают огромным творческим потенциалом, который человечество еще абсолютно не использует для снижения уровня вызовов современности. Но на пути активного вовлечения религий в диалог на светском уровне имеется ощутимое и объективное препятствие. Светские структуры ориентируются на либеральное мироустройство и относятся к религии как к источнику проблем и противоречий, снижающему возможность обрести согласие по тем или иным актуальным вопросам современности. Это ошибочное мнение – религия лежит в основе и либеральных ценностей, но современный мир забыл об этом происхождении, оторвал права и свободы современного человека от их религиозных истоков. Религия как раз способна сделать диалог культур и цивилизаций более продуктивным, углубить его. Как религия может углубить этот диалог? Ведь, казалось бы, сводя диалог к религиям, мы вносим дополнительные разногласия, связанные со спецификой той или иной религии. На первый взгляд, кажется, что нейтральная, нерелигиозная куль-

тура легче договорится с другой культурой, а религии только обостряют противоречия. Это не так. Да, все религии разные, но верующие всех религий верят в Бога. Бог объединяет религии, культуры и цивилизации. Когда цивилизация утрачивает связь с Богом, уходит от Бога, как это происходит сегодня, то цивилизация распадается. Поэтому саммиты религиозных лидеров, на которых эта проблематика активно обсуждается, очень важны для лучшего понимания сущности межкультурного и межкультурного диалога.

Многие позитивные импульсы в отношении возможностей диалога идут от религиозных лидеров. Так, Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, который мог бы оставаться только в пределах православного видения сущности диалога, выдвигает идеи, которым позавидовали бы официальные международные чиновники, «ответственные» за межкультурный диалог. «Нужно бережно относиться к цивилизационным моделям, которые сегодня существуют, – подчеркивает Кирилл, – «Ни в коем случае не стоит эти модели адаптировать под светское понимание мира. То есть, исходить из того, что определенная культура, цивилизация и религия настолько приемлемы, насколько они не противоречат светскому пониманию прав человека. Сегодня такая модель доминирует в международных организациях. В этом суть конфликта цивилизаций, если хотите. Но общепринятые моральные ценности не могут насильственно внедряться в то или иное цивилизационное общество. Эти ценности должны всегда соотноситься с культурной, религиозной и духовной традицией того народа, которому предлагают принять эти ценности. Наша задача состоит в том, чтобы отказаться от выстраивания всего мира по одной мерке. Нужно оставить в покое все цивилизационные модели, которые существуют. Но с другой стороны мы все вступили в эпоху глобализации. Хотим мы этого или нет, но цивилизационные модели начинают соприкасаться, соединяться. Возникает вопрос – можем ли мы создать многополярный мир, не с точки зрения полюсов политической власти, а с точки зрения достойного присутствия всех цивилизационных моделей. Главный вопрос в том, что может быть стыковочным узлом.

Мы считаем, что таким узлом может быть общечеловеческая мораль, как она представлена в 10 заповедях и во всех нравственных кодах основных мировых религий. Если человечество согласится с определенным набором нравственных ценностей, которые ни при каких условиях не могут быть деформированы, тогда нам удастся состыковать цивилизационные модели. Но если мы будем это делать путем навязывания светской западноевропейской и американской модели, то мы спровоцируем еще больший межцивилизационный конфликт» [31].

Межцивилизационный и межкультурный диалог ведется не только на международном уровне. Многоэтнические и поликонфессиональные страны ведут его и на внутристрановом уровне. Так, в Республике Казахстан социально-политическая стабильность во многом обязана приверженности народа и руководства страны политике культурного и религиозного разнообразия. Лозунг «единство в многообразии» в Казахстане находит практическое воплощение.

Если, конкретно, говорить о казахстанской модели межрелигиозного согласия, то она представляет собой сложную межрелигиозную конфигурацию, помещенную в социально-политический контекст государственно-общественного развития Республики Казахстан. Несмотря на абсолютное юридическое равенство всех конфессий Казахстана, реально в центре этой конфигурации находятся наиболее крупные религии Казахстана – ислам и православие, которые в своем взаимодействии и обеспечивают, по существу, межрелигиозную стабильность в стране. А уже на основе этой стабильности, как на стержне, выстраиваются отношения между всеми конфессиями Казахстана. Многообразие конфессий, специфика их функционирования, этнический состав их адептов, возрастной и образовательный уровни верующих, – все это в совокупности образует своеобразную, только Казахстану присущую систему межрелигиозных отношений. Каждая религия выстраивает свои собственные отношения с другими религиями и с государством. Религиозные объединения, по Закону РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», отделены от государства, которое, будучи светским, не вмешивается во внутренние дела ре-

лигиозных объединений, но учитывает религиозный фактор во внутренней и во внешней политике. Во взаимодействии всех выше перечисленных элементов государственно-религиозных отношений и возникает общее религиозное пространство Республики Казахстан, создается и поддерживается межрелигиозное согласие в Казахстане. Описанное взаимодействие конфессий не является статичным, заданным раз и навсегда: это, скорее, динамичная система, постоянно воспроизводящаяся и изменяющаяся в меняющихся условиях прогрессивного развития Казахстана.

Поскольку межрелигиозное согласие является не состоянием, но процессом, требуется постоянное внимание к данной сфере со стороны религиозных общин и государства. В Казахстане изучается зарубежный опыт и обобщается свой собственный для трансляции его заинтересованным сторонам. Не менее десяти крупных международных встреч были проведены в Казахстане по тематике межкультурного и междоцивилизационного диалога за последние годы. Четыре Съезда лидеров мировых и традиционных религий; Международный форум министров иностранных дел мусульманских и западных стран «Общий мир: прогресс через разнообразие», основной целью которого является налаживание и укрепление позитивного взаимодействия между мусульманским миром и Западом; международные конференции: «Толерантность и веротерпимость как достояние Центральной Азии» и «Межкультурное взаимодействие в странах Центральной Азии»; конференция ОБСЕ, посвященная проблемам толерантности и др. Создан и функционирует Международный Центр культур и религий. Казахстан является активным членом Группы «друзей Альянса цивилизаций», возглавлял в 2010 году Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организацию Исламского Сотрудничества в 2011 году. По инициативе Казахстана ООН провозгласила 2010 год «Международным годом сближения культур». Эта большая работа, постоянно ведущаяся в Казахстане, упоминается здесь для того, чтобы стало с очевидностью ясно, что междоцивилизационный и межкультурный диалог – процесс трудоемкий и постоянный. Только при условии

постоянного внимания к этой сфере можно ожидать определенных позитивных результатов.

Культурный диалог, и как его результат – взаимопонимание культур, стали насущной необходимостью современности. Понимание предельной востребованности межкультурного диалога становится всеобщим. Вот документ ПАСЕ, которая, как мы ранее показали, проводит весьма осторожную политику в отношении религии.

Вставка

Парламентская ассамблея Совета Европы

Рекомендация 1962 (2011) «Религиозный аспект межкультурного диалога»

2. Ассамблея приветствует позитивную динамику развития в рамках Совета Европы, что способствует подходу для учета вопросов, связанных с межкультурным диалогом и его религиозным аспектом. «Белая книга межкультурного диалога – Совместное существование как равных по достоинству» и ежегодные обсуждения, организованные Кабинетом министров на тему: «Религиозный аспект межкультурного диалога», представляют собой таким образом высшее достижение этого подхода.

6. Европейская модель, по определению, многокультурная, поэтому необходимо учитывать различия, вытекающие из различных исторических фонов. Однако, общие ценности, такие как: взаимное уважение, защита прав человека, демократии, толерантности, признание наличия различий обычным явлением и видение относительно общего будущего требуют укрепления и в дальнейшем.

7. Проблема часто заключается в нашем отношении к разнообразию. Ассамблея настаивает на необходимости для каждого научиться позитивно воспринимать различия и принимать различия других для того, чтобы построить сплоченное общество, склонное к разнообразию и основанное на уважении достоинства каждого человека. Чтобы достичь этой цели, Ассамблея убеждена в значимости религиозного аспекта межкультурного диалога и сотрудничества между религиозными общинами для содействия развитию ценностей, составляющих сердцевину нашего европейского общества.

8. Ассамблея считает, что не только желательно, но и необходимо, чтобы представители разных церквей и религиозных общин – в частности, христиане, иудеи и мусульмане – признавали право друг друга на свободу религии и убеждений. Кроме того, необходимо, чтобы все они принимали участие в актив-

зации диалога на основе общего утверждения равенства достоинств каждого и приверженности принципам демократии и прав человека. Именно это и является ключевыми условиями для развития культуры совместного существования. Поэтому Ассамблея призывает религиозные организации и церкви продолжать ведение диалога и совместной работы для сохранения этих ценностей в Европе и во всем мире.

9. Государствам следует создать необходимые условия для религиозного плюрализма и обеспечить соблюдение уважения к свободе мысли, совести и религии, что гарантировано статьей 9 Конвенции.

10. В связи с этим, Ассамблея напоминает об обязанности государства обеспечить все религиозные общины, придерживающиеся основополагающих ценностей, надлежащим правовым статусом, который гарантирует осуществление права на свободу религии, а также то, что любая преференциальная помощь, оказываемая определенной религиозной общине, не является непропорциональной и дискриминационной по отношению к другим общинам. Государства должны также согласовать права религиозных общин с необходимостью защиты прав лиц с нерелигиозными убеждениями, которые придерживаются этих основополагающих ценностей.

11. Ассамблея считает необходимым формирование динамичного и продуктивного сотрудничества между государственными учреждениями, религиозными общинами и группами нерелигиозного восприятия. Общей отправной точкой для достижения этой цели является признание различными религиозными конфессиями и нерелигиозными системами убеждений, что человеческое достоинство является существенным и общей ценностью.

12. Поэтому, Ассамблея рекомендует государственной власти на местном и национальном уровнях содействовать деятельности, организованной в рамках межрелигиозного диалога, поощрять и поддерживать проведение общинами совместных проектов, включая гуманистические и нерелигиозные объединения, которые стремятся к укреплению социальных связей, путем поощрения межобщинной солидарности, попечительства о наиболее нуждающихся и борьбы с дискриминацией.

13. Ассамблея вновь заявляет о важности и функции образовательной системы познания и понимания различных культур, в том числе верований и убеждений, которые их определяют, а также для изучения демократических ценностей и уважения прав человека. Она рекомендует государствам и религиозным общинам рассмотреть вместе и в соответствии с целостным подходом, на основе руководящих

принципов, провозглашенных Советом Европы, вопросы, касающиеся изучения религии, конфессионального образования и профессиональной подготовки преподавателей и священнослужителей или лиц с религиозными обязанностями. (приводится с сокращениями - А.К.)» [38].

Понятно, что межкультурный диалог с привлечением религиозных основ этих культур должен признавать равноправие сторон диалога. Сегодня принято много международных документов, в которых, несмотря на заверения в намерениях проводить политику равноправия в этом отношении, данный диалог предлагается вести «на основе общих ценностей». Какой же это непредвзятый и равноправный диалог. Общие ценности имеются в культурах, схожих между собой, а настоящий диалог требует создания условий и для несхожих культур, и именно такой диалог и ценен. Как сказал в 2000 году тогдашний президент Ирана, «Кажется настало время для того, чтобы современная западная цивилизация, основанная на декартовско-фаустовской трактовке бытия, прислушалась и к другим трактовкам и точкам зрения, распространенным в других интеллектуальных и культурных сферах жизни человечества» [47].

Другое дело, что следует попытаться найти общие ценности в разных культурах. «Подлинный диалог может состояться лишь там, где имеет место реальное уважение и понимание других культур и обществ. Такие ценности, как права человека, демократия, верховенство, законы и подотчетность, являются продуктом коллективного разума, сознания и прогресса человечества. Задача заключается в том, чтобы найти корни этих ценностей в других культурах» [36].

Русская православная церковь также выступает с предложениями о параметрах этого диалога: «У нас есть ясно сформулированные принципы межрелигиозного диалога. В первую очередь, это отказ от вероучительных компромиссов, от синкретизма. Наш диалог – это диалог целостностей. Мы не претендуем на то, чтобы заставить или убедить друг друга измениться. В то же время мы вместе заботимся о мире в обществе, о предупреждении и разрешении межнациональ-

ных конфликтов, о том, чтобы усиливалась роль религии в жизни народа, чтобы разрешались практические нужды религиозных организаций, чтобы прекращались страдания наших единоверцев в разных частях мира. Это, конечно, не исключает доктринальных диалогов, которые не могут не вестись и ведутся на неформальном и формальном уровнях. Но такой доктринальный диалог вряд ли должен стоять в центре современного межрелигиозного общения, поскольку он, по моему глубокому убеждению, никогда не приведет к решительным переменам той или иной его стороны» [48]. В связи со все более актуализирующимися проблемами диалога культур и цивилизаций встает ряд вопросов конкретизирующих этот диалог, вопросов ответы на которые становятся критически важными для будущего человечества. К числу таких вопросов относится и вся проблематика взаимоотношения ислама и демократии, так как именно отрицание западными исследователями способности ислама к реализации демократических норм, и более того – отрицание элементов демократии в исламе, ставит под сомнение продуктивность межкультурного и межрелигиозного диалога. Как же «соотносятся» ислам и демократия, демократичны ли религии вообще, сможет ли современный мир «совместить» религию и демократию – вот круг вопросов, которые необходимо обсудить.

8.3 Демократические измерения ислама и его вклад в межкультурный диалог

Эта проблематика имеет несколько контекстов, в которые она помещена, и целый ряд аспектов ее рассмотрения. Понятно, что в зависимости от контекста и от угла зрения на проблему мы даем зачастую диаметрально противоположные ответы на все возникающие в этой связи вопросы. Каковы контексты проблемы соотношения ислама и демократии? Таких контекстов рассмотрим три. *Во-первых*, почему ставится вообще такой вопрос, кто его ставит и с какой целью? *Во-вторых*, какая демократия имеется в виду, ведь вполне понятно и не требует ника-

кого оправдания и обоснования ситуация, когда в современном мире существуют несколько форм демократии, соотносящихся с реальным отправлением власти народом, в той или иной стране и регионе. *В-третьих*, демократичны ли религии вообще, правомерно ли требовать от них соответствия демократии, тем более той формы демократии, какая доминирует сегодня? Рассмотрим все эти контексты и возникающие в них проблемы соотношения ислама и демократии последовательно.

Контекст первый. Почему от ислама требуют соответствия демократии? Ответов несколько. Коль скоро демократия является в современном мире преимущественной формой функционирования государств, то ислам должен каким-то образом вписываться в эти формы. Ислам должен соответствовать требованиям демократии, иначе возникает принципиальное противоречие между исламом и демократией, а уже из этого противоречия развиваются все частные проявления противостояния ислама и современного мира, включая крайние формы фундаментализма, исламизм и экстремизм. Таково первое, наиболее обоснованное и теоретически оправданное объяснение, почему от ислама требуется соответствие демократическим нормам. Второе объяснение исходит из понимания того обстоятельства, что само это требование соответствия ислама демократии возникло именно тогда, когда мусульмане стали весомо и активно присутствовать в европейском пространстве и когда Европа столкнулась с реальной угрозой своей социальной, культурной и религиозной идентичности. Не является ли в таком случае вопрос о демократичности ислама всего-навсего попыткой Европы вписать ислам в свое европейское пространство на привычных для себя основаниях – демократия возникает при этом как естественный фон этого вписывания. Если это предположение верно, то ислам не должен, вопреки своему внутреннему содержанию, изображать из себя некое подобие современным нормам демократии, тем более, что доведенное до абсурда видение демократии западными странами вступает в прямое противоречие с нравственными традициями ислама, например, в части нравственных или семейных норм. Что можно посоветовать европейским

политикам, общественным деятелям, политологам, культурологам, религиоведам и вообще всем, кто вполне оправданно озабочен размытием европейской идентичности в связи с активной позицией ислама на европейском континенте? Думается, не надо всеми силами приспособлять ислам под себя – это вряд ли возможно, и чревато постоянным напряжением и взрывами противостояния.

Надо принять ислам таким, каков он есть в своей религиозной сущности. Тогда у европейцев не будет постоянной «головной боли» по поводу бесчисленных проблем: вводить ли в национальные законодательные системы элементы Шариата, не противоречащие европейскому законодательству или не вводить, разрешать ли азан и ношение хиджаба, приносить ли клятву на Библии при вступлении на крупную государственную должность или устранить всякое присутствие религиозного момента в этом случае, а также и в других: наличия распятия в школах и государственных учреждениях, упоминания на Рождество об истоках и сути этого праздника или праздновать «зимнее дерево» – что абсурдно до стыда, лишать ли детей в школах всякого элемента религиозного образования (но как же быть при этом с толерантностью), ужесточать ли негласное наблюдение за мусульманами в армии или нет и т. д. и т. п. Можно без конца перечислять формы общественной жизни Европы, из которой надо устранить всякое упоминание о Христе, чтобы, с одной стороны, не вызвать недовольства мусульман, а, с другой, иметь право потребовать и от мусульман такого же безбожия. Но при этом надо ясно представлять, что лишить себя всякой религиозности европейцам может быть и удастся, а вот требование к мусульманам отказаться от внешних проявлений исповедания ислама наверняка окажется безрезультатным. И все потому, что европейцы испытали сильнейшее воздействие секуляризации, а мусульмане не принимают секуляризации по исповедальным, догматическим причинам. Следовательно, на этом пути, пути, на первый взгляд, правильном, оправданном, для европейца привычно компромиссном, достичь ничего не удастся.

Следует со всей ясностью осознать, что если на одной стороне (Европа, европейцы) – имеется практическая потеря ре-

лигиозности, а на другой стороне – (мусульмане) наличествует рост религиозности (чему причиной, в том числе, и исламская идентичность – отчасти вынужденная в Европе, но от этого не менее значимая и объективно присутствующая), то решить проблему в чисто политической сфере не представляется возможным по абсолютно объективным причинам, а не потому, что нет усердия или что-то делается не так. Если сказать ясно, то все делается не так, потому так смехотворны усилия частными и паллиативными методами «исправить» ситуацию, которая, чем дальше, тем больше будет заходить в тупик. Отчасти сложность ситуации с «ассимиляцией» мусульман в европейское пространство вызвана и экономическими причинами и обстоятельствами – и здесь есть надежда что-то улучшить и сгладить. Например, можно привлечь исламский капитал в Европу, и совместно с европейскими мусульманами, управлять этим капиталом, в том числе и на условиях, согласных с исламской традицией беспроцентных ссуд и кредитов. В этой связи надо приветствовать рост числа исламских банков или банков, использующих исламские формы работы в Европе, но этого мало. Надо развивать совместные формы экономической деятельности. При этом мусульмане Европы становятся заинтересованными в стабильности общества, и сами решают многие из проблем, которые в противном случае практически не разрешимы без их заинтересованного участия. Тем самым экономический фактор может стать существенной составной частью процессов «ассимиляции» ислама Европой. Но, подчеркнем, при всей важности экономической составляющей в процессах интеграции ислама в Европе, только такими способами не добиться истинного решения проблемы.

Методологически правильным является такой способ решения всякой проблемы (и в частности, данной) когда проблема решается именно в той сфере, в какой она и возникла. Если проблема, например, носит экономический характер, то некими политическими средствами ее отчасти можно заглушить, снизить уровень ее остроты, но и только. Решается она в той сфере, где возникла, а именно, – в экономической. Точно также и политические проблемы требуют своего решения в по-

литической сфере, хотя и экономическими методами можно что-то сделать. Что же удивляться тому, что проблемы, имеющие в своей основе религиозный фактор, могут быть адекватно решены только в религиозной сфере. Если ислам не удастся интегрировать в политику и культуру Европы, то не ислам в этом виновен, и не следует ссылаться на его исконный фундаментализм или чересчур тесную связь исламского вероисповедания с реальной политикой. Эти аспекты также присутствуют в исламе, но не они определяют стратегию взаимоотношений, условно говоря, ислама и демократии. Определяет ее способность демократии воспринять ислам в качестве одной из мировых религий, имеющих целью привести человека к Аллаху, что можно сделать только на путях смирения верующего. Следовательно, ислам, несмотря на его кажущуюся политизированность и склонность к тому, что сегодня именуется фундаментализмом, в сущности своей является религией мира и согласия. Почему же возникает столько коллизий, неясностей и ложных суждений? Не из неспособности ли к адекватной оценке ислама европейскими (в частности) странами? Почему европейские демократические режимы не могут вписать в себя ислам? «Может это происходит потому, что исламом, как религией и мировоззрением, построена своя собственная модель демократии, не похожая на европейскую? Ведь не случайно крупные улемы в один голос заявляют о демократическом характере ислама. Предполагать, что они хотят ввести Европу в заблуждение или угодить ей, значит, ничего не смыслить в мусульманском достоинстве и гордости. С точки зрения Европы ислам угнетает женщину, а мусульмане (включая женщин) утверждают обратное: ислам предоставляет женщине заметные преимущества в сравнении с мужчиной. Есть одна небольшая, но важная деталь, мешающая европейцу понять сущность этого преимущества: надо быть в пространстве мусульманской культуры, чтобы осознать это преимущество» [18, 130–131]. С точки зрения западной демократии женщина действительно угнетена, особенно если ее лишить особой, только ей присущей специфики – быть женой и матерью, быть в семье, лишить этой специфики и во всем уравнивать с мужчиной. Абсолютное

гендерное равенство, давно и прочно вошедшее в арсенал демократических норм Запада, затмевает западным исследователям ислама простую истину традиционных религий (ислам в этом отношении не одинок – его семейные ценности очень похожи на аналогичные ценности христианства) – религиозные ценности, с точки зрения верующего человека, ничем не хуже, а точнее сказать, намного важнее, ценностей либерализма. Конечно, если кроме либеральных ценностей не видеть в мире ничего, то и проблемы-то никакой нет: тот, кто не разделяет этих ценностей, тот не прав. Тогда нет никаких проблем и с исламом: он всегда не прав. И вписывать его в Европу надо жестко, и только на условиях принятия им либеральных ценностей. Но этого никогда не произойдет. Ислам иной и европейской культуре (хотя, как известно, мусульманская культура средневековья сохранила античную культуру для Европы) и либеральным ценностям. Демократия на то и демократия, чтобы уметь принять истину иного, а не подавить его. Только на этом пути можно говорить о толерантности и способности к диалогу. И вообще, мудрость Запада сегодня состоит в том, что именно он должен начать крайне сложный диалог с исламским миром (при всей условности этого понятия). Именно Запад, не дожидаясь полной готовности исламского мира к этому диалогу, должен его инициировать. Можно сказать больше: Западу этот диалог сегодня нужнее, чем исламским странам. Впрочем, это отдельная большая тема, выходящая за непосредственную проблематику данной монографии.

Так мы приходим ко *второму контексту соотношения ислама и демократии*, обозначенному в начале статьи – многообразию форм демократии в современном мире. Да, не приходится отрицать, что на настоящий момент развитые страны Запада имеют преимущества почти во всех сферах общественной и государственной жизни: от политических систем до экономики (текущий финансово-экономический кризис ничего не меняет в этой оценке). А аргумент успеха – сильнейший аргумент сегодня. Но если не лукавить, и не абсолютизировать западный путь развития, если в понятие успеха включать не только материальный достаток, комфорт, высокие стандарты потребления,

если под качеством жизни понимать качество именно жизни, а не потребления, если ценить не только «уровень жизни», но саму жизнь в многообразии ее проявлений, в том числе и такие глубоко человеческие ценности, как общение, любовь, преданность, доверие, дружбу, то успех западного пути становится уже не столь очевиден.

То же и с демократией. Да, с понятием демократии связана сегодня именно западная ее форма, и это оправдано. Но если демократия – власть народа, то многим ли отличается страна с развитой западной демократией от полутоталитарного режима большинства исламских государств? Разве где-нибудь сегодня народ обладает властью, не ее видимостью, а именно властью? Поэтому признаем, что демократические нормы могут быть аргументом для гуманитарной интервенции, но никак не для гуманистических форм жизни общества. Повторим, что ислам создал вокруг себя соответствующую своим ценностям форму устройства общества, в котором реализуются принципы справедливости, как их понимает ислам. И это демократия ислама. Усилим данный тезис и скажем: ислам самая демократическая из традиционных мировых религий. Самая демократическая как раз в западном видении демократии – как демократии внешних форм жизни. Христианство в этом смысле намного строже, иерархизированнее (по крайней мере, в православии и католичестве). Не формальное равенство абстрактных прав, но право каждого христианина на богоподобие – вот, что делает христианство демократией перед лицом Бога. Но в земном, мирском, внешнем мире христианство не демократично в высшей мере. Поэтому-то, либеральные режимы, исходящие из равных прав всякого человека, прав, имеющих исток в достоинстве человека, так явно противопоставляют себя ценностям христианства, ибо в христианстве мы имеем достоинство и свободу от Бога, а в либеральных режимах – от самого человека. Эта разность природ достоинства и истоков свободы делает современные западные демократические страны секулярными, безбожными, лишенными остатков религиозности. И это при всей внешней, мнимой религиозности большинства европейских стран.

Чтобы не быть голословными относительно существования своей особой формы демократии в исламе и вокруг ислама, отошлем читателя к ряду документов, достаточно ясно выражающих содержание этой демократии. Это, во-первых, «Каирская декларация о правах человека в исламе» (1990г.). Знакомство с текстом данной декларации позволяет сделать вывод о реальной защите прав мусульманина, гарантированной этим документом. Да, в декларации имеются статьи, не вполне демократичные с точки зрения гражданина западного государства. Так, например, реализация практически всех прав мусульманина увязывается с соответствием этих прав нормам Шариата. Но, скажет западный демократ, какие же это права, если их реализация наталкивается на законы Шариата? А разве права западного гражданина не базируются на западной либеральной системе? Там Шариат, а здесь – система либеральных ценностей, и там, и здесь – системы, которым надо соответствовать, чтобы реализовать свои права.

Другим знаковым документом в этом отношении является «Арабская хартия прав человека» (1994г.). Так же, как и в первом документе, можно обнаружить множество недемократических (с точки зрения западной демократии) статей и пунктов. Но внимательное прочтение всего документа позволяет сделать вывод о том, что данной хартией гарантируется соблюдение большинства основных прав даже и по меркам Запада. Другое дело, что гарантируются права араба, мусульманина, гражданина арабского государства, а не любого человека. Но что-то похожее мы имеем и на Западе.

Можно также обратиться и к иным документам или практическим способам функционирования исламских обществ, таким, например, как механизмы отправления демократии в Шуре или к Мединской конституции – всюду мы обнаружим одну и ту же картину. Есть справедливость, есть права, есть свободы, но все это становится таковыми в системе исламского права и способа жизни. Принимать ли эти формы демократии или не считать их таковыми, зависит от системы отсчета и от критериев демократии. Но бесспорно одно: никогда не удастся внедрить в исламское общество принципы демократии в

их абсолютно западной форме. Не примут их мусульмане исламских государств, не примут их и мусульмане европейских стран. Поэтому надо или расширять и углублять понимание демократии, что позволит увидеть демократические нормы в исламе, или оставить ислам вне демократических оценок, и перевести диалог с ним в иную плоскость: например, в плоскость соотношения нравственных парадигм и ценностных систем Запада и ислама или в обсуждение способов реализации социальной справедливости (темы, кстати сказать, важнейшей для исламских сообществ).

Мы подошли к *третьему контексту соотношения ислама и демократии*: могут ли религии вообще быть демократическими, насколько им присуща демократия? И здесь приходится признать, что тема эта крайне слабо исследована. Кое-что, конечно, известно. Известно, что вся система ценностей традиционных религий восходит к Богу, и Он признан в качестве предельной ценности и цели духовных усилий верующего человека. А это уже задает вектор избранности и иерархии. Известно, что не все люди в религиях равны. И это тоже «не демократично». Известно, что не демократия, но подчинение себя Богу во всех отношениях – есть основа и доблесть веры, и это также задает преимущественное и предпочтительное положение и отношение. Это известно. Но слабо известно все остальное: как вера совмещается, и совмещается ли вообще, с демократическими нормами, особенно при их осуществлении; как быть верующему человеку, когда требования веры противоречат требованиям системы либеральных ценностей; что важнее для верующего – остаться в живых, но отказаться от веры или умереть, но остаться в вере и т. д. Можно видеть, что практически все данные вопросы носят предельный или даже пограничный бытию человека характер, и потому ответ на них необычайно сложен. Но что же делать? Коль скоро мы вступили на путь поиска предельных оснований соотношения «реального», мирского, посюстороннего бытия общества и религиозной реальности, то и ответы не могут быть простыми. А иначе этот сугубо практический вопрос о возможностях «совмещения» ислама и демократии не решить.

Попытаемся показать, каким образом эта далеко не простая методология может решать конкретные практические вопросы: такой, например, как интеграция ислама в культуру и политику европейских стран. Ранее уже говорилось о господстве секуляризма в некогда христианских странах Европы. Не вдаваясь в причины такого состояния, хотя анализ этих причин многое мог бы раскрыть и в настоящем и в будущем исламо-европейских отношений, подчеркнем, что либерально-секулярные ценности, лежащие в основе доминирующего сегодня на Западе мировоззрения, не позволяют отнестись к исламу в его полноте. То он берется со стороны его «склонности» к экстремизму, то вызывает общественный протест публичная демонстрация исламских символов и атрибутики, то возникает испуг по поводу исламизации Европы, то еще что-то в таком же ключе. Но даже если бы Европа отнеслась к исламу с должным пониманием, то и когда, а может быть тогда тем более, страх перед исламом и его неприятие сохранились. Западному «массовому» человеку непонятно, как можно жить и строить всю жизнь на основе религиозных ценностей.

Вот в чем состоит истинная сущность неприятия ислама европейскими обществами: секулярный Запад сталкивается в лице ислама с практически организованной религиозностью; религиозностью, к тому же нуждающейся во внешних формах проявления. Отсюда и разная оценка мусульманами Европы и европейскими демократиями таких внешних атрибутов ислама как хиджаб, минарет, длина брюк или борода мусульманина. «Верьте, но без внешних, вызывающих протест европейцев форм проявления», – говорят обыватели, члены парламентов, лидеры европейских государств. «Наша вера требует этих проявлений» – отвечают мусульмане. «Мы не против глубокого исповедания вами ислама, но против минаретов» – говорят европейцы (57% жителей Швейцарии, как известно, проголосовали против строительства минаретов в их стране. На 7,7 млн. населения Швейцарии приходится около 400 000 мусульман). «Мы имеем право исповедовать нашу религию, так как ее следует исповедовать» – отвечают мусульмане Европы.

Отсюда и возникает ответ (ответ сам собой напрашивается, если совместить несовместимое – приведенные противоположные позиции коренных европейцев и новых европейцев-мусульман) на мучительный вопрос об интеграции ислама в европейское пространство. Надо предоставить возможность мусульманам исповедовать ислам, надо признать ислам ценностью, не органичной, быть может, европейцу, но ценностью для мусульман. А быть может, и вполне приемлемой реальностью и для европейцев. Но чтобы осознать ислам именно в таком качестве, Европе надо вспомнить и о своих религиозных – христианских – корнях (о чем все время говорил папа Бенедикт XVI и о чем все громче говорит Патриарх Московский и всея Руси Кирилл). Не страхом перед исламом и исламизацией Европы следует отвечать на «вызовы» ислама Европе, но ее духовным возрождением на христианских основаниях. На духовный «вызов» может быть только духовный ответ, и никак иначе. Никаких иных адекватных мер не существует. Разве уже не ясно даже тем, кто поначалу думал иначе, думал запретительными и силовыми мерами «умиротворить» ислам? Все больше и больше нелепостей громоздятся друг на друга в решениях европейских властей всех уровней в отношении ислама. Когда христианство хотя бы в минимальной степени вернется в реальную общественную жизнь Европы, сразу найдутся правильные, соответствующие проблемам, решения «исламского» вопроса. Сразу станет очевидным, что сама по себе духовная сфера не несет никакой опасности никакому обществу. И пока мусульмане Европы остаются действительно истинными мусульманами, им достаточно просто исповедовать ислам, а не протестовать по разным, не всегда имеющим отношение к исламу, поводам. Сейчас секулярной Европе трудно, почти невозможно уловить разницу между истинным исповеданием ислама (легальным, мирным, секулярным, соответствующим общепризнанным демократическим нормам – такими формулировками наделяют желаемый и приемлемый для них ислам политики и политологи Европы) и исламом фундаменталистским, агрессивным, экстремистским (что ни определение, то нелепость). А в таких условиях выстроить приемлемые и разумные отношения с ис-

ламом европейцам практически невозможно. Вот и выходит, что для того, чтобы Европе решить проблемы с исламом, ей надо решить вопрос относительно своей религиозной идентичности. Таков путь решения проблемы интеграции ислама в европейскую культуру и политику. Проблема разрешима, и разрешима довольно естественным образом, но требуется духовная чуткость, невозможная вне религиозной традиции. Могут возразить – «это не научный подход», но так и хочется в качестве итога проведенного анализа сделать заключение: вполне возможно, ислам дан как искушение Европе для того, чтобы она вернулась к своим христианским основаниям, без чего ее собственное будущее крайне проблематично.

Подводя итоги анализу возможностей религии в снижении уровня вызовов в сфере культуры и духовности, отметим, что позиции традиционных религий в этом вопросе практически идентичны – это осознается религиозными лидерами и это хорошая основа для совместных действий этих религий.

Единство основных религий современного мира по столь важному вопросу, несмотря на имеющиеся между ними догматические различия, дает основания надеяться, что роль и значение религии в исследуемых процессах будет возрастать, нравственное состояние человечества заметно улучшится и духовность станет пониматься как истинная и непреходящая ценность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование возможностей религии в снижении уровня вызовов и угроз современности, осуществленное в монографии, позволяет сделать общий вывод о том, что религия действительно является мощной силой, способной существенно снизить конфликтный потенциал современного мира. Сложность практического осуществления этих позитивных возможностей религии связана с чрезвычайно непростой ролью религии сегодня. Религия не только превратилась в один из важнейших факторов геополитики со всеми вытекающими из такого ее положения последствиями, но остается единственным средством воссоединения человека с Богом, а эта ее роль делает религию поистине безмерным пространством духовного развития человека. Эти два достаточно противоречивых аспекта религии присутствуют в актуальном бытии человека одновременно, что и осложняет реализацию поставленной задачи. Однако, проведенный в монографии анализ позволил выявить возможности и формы реального позитивного влияния религии на современный мир с целью снижения уровня угроз современности. Раскроем, тезисно, в чем они состоят.

- Религия, в соответствии со своей сущностью, способна проявлять позитивные возможности в области снижения уровня вызовов и угроз современности. Но реализация этих возможностей сталкивается с трудностями, что связано с ролью религии в политике, социуме и культуре. Эта роль на деле меньше, чем декларируется.

- Религия представляет собой очень значительную силу современности. Но на сегодня доминирует представление о негативных проявлениях религии – например, ее рассматривают в качестве идейной основы религиозно мотивированного экстремизма и терроризма. Следовательно, перед экспертным сообществом Казахстана встает двуединая задача: доказательно, научными средствами опровергнуть миф об агрессивности ре-

лигии и актуализировать позитивные возможности религии в этих условиях.

- Различные религии на сегодня оказывают разное влияние на политическую, экономическую и духовно-культурную сферы современности. Это влияние связано с историей функционирования религий, с их устоявшимся статусом, с мощью государств, стоящих за теми или иными религиями. Но все религии имеют еще не реализованные возможности в деле улучшения ситуации во всех указанных областях.

- Воздействие религии на государство, общество, мировое сообщество проявляется в следующих основных формах:

- *влияние лидеров конфессий* (на государственных деятелей, на культуру и ее крупнейших представителей, на молодежь, на науку),

- *влияние религиозных ценностей* на самые разные сферы жизнедеятельности человека:

- *на политику* все еще незначительное, так как считается, что политика это очень реальное дело, а религия – это благопожелания, которые трудно осуществить в политике,

- *на культуру* влияние больше, так как религия лежит в основе культуры,

- *на науку* влияние противоречивое (некоторые послы религии наука готова воспринять, напр., такие как: нужна порядочность исследователя, нужна ответственность ученого, нужны хорошие отношения в научном коллективе, нужно искреннее стремление к истине), а некоторые наука не принимает, напрмер, тезис о том, что все существующие создано Богом (науке кажется, что этот тезис снижает возможность науки познавать объективно),

- *на государство и общество* религия действует и напрямую и опосредовано (от продуктивных и доверительных отношений между религиями зависит стабильность в обществе и государстве и консолидация общества),

- *на мировое сообщество* религия действует не очень эффективно (хотя в последнее время религиозные лидеры стали более определенно требовать мира от политиков).

• Рыночная экономика ориентирована на получение максимальной прибыли, и если религиозные идеалы мешают извлекать эту прибыль (а реально так и происходит), то влияние религии стремятся ограничить. Вместе с тем религия обладает возможностью «внедрять» в экономическую сферу целый ряд нравственных норм и идеалов. Это позитивное влияние способны оказывать все мировые религии. Известны формы моральной экономики и финансов, практикующиеся в исламе. Римско-католическая церковь уже более трех десятилетий пытается привнести в экономику современного мира некоторые нравственные нормы. Ею разработана концепция социально ориентированной экономики. В последнее время Русская православная церковь стала много говорить о необходимости нравственного оздоровления экономики. Так, в 2004 году, на Всемирном русском народном соборе, где во многом тон задает Русская православная церковь, был принят очень характерный и интересный для нашей темы документ – «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», в котором регламентировались нравственные правила развития экономики. Следует признать, что пока влияние религии на экономику невелико, но тенденции в этой сфере таковы, что финансистам в самом недалеком будущем придется в заметной степени переориентироваться с чисто спекулятивных финансовых операций на поддержание реального сектора экономики, что повысит нравственные требования в экономике.

• Мировые религии в последнее время все с большей определенностью говорят о своих ценностях и о необходимости учитывать эти ценности и вытекающие из них идейные и практические рекомендации во всех сферах функционирования обществ, государств и мировой политики.

• Такое ясное акцентирование своей позиции со стороны мировых религий приводит к нарастанию противоречий между, в целом, секулярным современным миром и достаточно мощным сообществом верующих. Неприятие политической и экономической элитой современности ценностей религии и ее естественных требований активно участвовать в повседневной жизни человечества, с очевидностью доказывает углубля-

ющуюся секуляризацию и, соответственно, общее падение духовности в мире. Вместе с тем глобальный кризис не только в экономической, но буквально во всех сферах современности с не меньшей очевидностью указывает на невозможность дальнейшего существования человечества в горизонте забвения религиозности, духовности и нравственности. Тем самым естественным ходом развития мировое сообщество подталкивается к осознанию значимости религии для развития человечества и даже для его выживания.

- Кризисы, порождаемые в разных областях жизнедеятельности современного мирового сообщества, как показывает опыт, не могут быть разрешены и преодолены в этих отдельных областях. Требуется некий мощный вектор иного содержания и иной природы для выхода из глобального кризиса, в который все глубже погружается человечество. Этот кризис рукотворен, и порожден в интересах всемирной финансовой и политической олигархии, а потому он может быть преодолен активным противодействием ему, черпающим силы в иной форме жизни, обладающей нравственной энергетикой, какой является именно религия. Ибо, хотя олигархия обладает сегодня практически безграничной властью, она в глубинных своих измерениях ничтожна, и черпает энергию из подавленности и проистекающей из нее пассивности человечества. Религия, вопреки расхожему мнению о ней, как о сфере рабства и покорности, является источником силы и уверенности, сферой истинной свободы. Религия, обладая таким мощным потенциалом, вполне способна разрешить этот глобальный кризис, снизить уровень вызовов и угроз современности. Чувствуя в религии угрозу своим «вселенским» замыслам, олигархия стремится устранить религию из общественной, государственной, международной жизни, вытеснить ее на периферию бытия, и во многом ей это удается.

- Одним из важнейших выводов, к которому мы пришли в ходе работы над проектом, является тот, что *религия должна стать явной, активной и очень результативной формой влияния на современность, как бы это ни вступало, на первый взгляд, в противоречие с глубинной сущностью религии быть сферой*

единения с Богом и средством спасения души человека для вечной жизни. Предвидим массовые возражения в этой связи, связанные с либеральными тезисами об отмирании религии, ее косности, ее ретроградстве и ее неспособности нести что-то полезное современному человечеству. Где-то рядом присутствуют и такие возражения как опасность активизации религии, сращение ее с государством, клерикализацию, утрату светскости государства, насильственное навязывание религиозных догм и ценностей, утрату свободы и многие иные, какие, например, активно вбрасываются в медийное пространство России в последнее время. Не надо забывать, что это возмущение возрастающей ролью религии в ряде стран связано как раз с желанием мировой элиты устранить религию из жизни человечества, поэтому она через СМИ создают выгодный ей образ религии.

- Интеграция позитивных возможностей религии в политической, экономической и духовно-нравственной сферах предоставляет возможность для углубления консолидации казахстанского общества. На поверхности явлений заметна стратификация общества по конфессиональному и этническому принципу, и, казалось бы, религии разводят людей. Но верующих различных религий объединяет сама вера, и верующие консолидированы верой. Консолидация верующих Казахстана, в свою очередь, является ядром более мощных процессов консолидации уже всего казахстанского общества.

- Можно достаточно обоснованно предположить, что религия в среднесрочной перспективе будет активнее влиять на современный мир: давать свои оценки и рекомендации политическим ситуациям, и способам их развития, финансово-экономическому состоянию мира (особенно в кризисные периоды), состоянию культуры и образования. Важно, чтобы рекомендации религии по снижению уровня вызовов и угроз современности не оставались декларативными – это негативно сказывается на статусе религии. Вместе с тем опасность представляет и чересчур настойчивое давление на мировое сообщество со стороны религии – мир может перестать прислушиваться к предложениям, исходящим от религии.

- Так как напряженность между ясно проявившейся стратегией формирования «нового мира» на секулярной основе, с одной стороны, и религиозным видением мира (и, соответственно, требованиями религий учитывать религиозный фактор в различных сферах жизнедеятельности человечества) – с другой, с очевидностью нарастает, то на международном уровне будет усиливаться давление на религию, с целью завершить процессы устранения ее из современного мира. Религиозные ценности и ценности традиционных культур «мешают» глобалистам унифицировать мир и ликвидировать суверенитет национальных государств. Но именно такую цель и ставят перед собой дизайнеры современного мира – отсюда религия и традиции народов (особенно традиционные религии) становятся «врагом номер один для прогрессивного человечества», как во всеуслышание заявил З. Бжезинский. В этих условиях вокруг религии будут складываться альтернативные глобалистским концепции мирового развития. Позитивные возможности религии в самых разных сферах станут предельно актуальным содержанием для этих концепций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белый дом создал многомиллионный инвестиционный фонд развития технологий в исламском мире // <http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=12565729520000000820>
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 688 с. – (Вершины человеческой мысли).
3. Бондарев В.В. Религия в жизни и политике президента Обамы // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – №2 (7). – С.153–172.
4. В Европе растет уровень исламофобии // <http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=12678109830000000667>
5. В руководстве ЕС намерены более активно взаимодействовать с религиозными организациями // Интерфакс-Религия. 20.07.2010.
6. В Русской Церкви критикуют ЕС за навязывание Европе антихристианских норм // Интерфакс-Религия 31.05.13 // <https://e.mail.ru/messages/inbox/#/message/13709780810000000363>.
7. Великобритания разрешила адвокатам руководствоваться законами шариата // 23,03.2014 марта 2014 <http://www.zakon.kz/4611341-velikobritanija-razreshila-advokatam.html>
8. Все меньше жителей США считают священников честными и нравственными // 19.12.2009 г. // <http://ru.christiantoday.com/article/4697.htm>
9. Всеобщая Исламская Декларация Прав Человека // http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm
10. Выступление государственного секретаря Хиллари Клинтон на презентации Доклада о свободе вероисповедания в странах мира за 2010 год. 17 ноября 2010 года. Вашингтон // <http://www.america.gov/st/democracy-russian/2010/November/20101118121644x0.4200512.html>
11. Выступление митрополита Илариона на заседании экспертного совета при председателе Государственной Думы // <https://mospat.ru/ru/2013/02/14/news81107/>

12. Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на открытии IV Съезда лидеров мировых и традиционных религий // http://www.akorda.kz/ru/page/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nursultana-nazarbaeva-na-otkrytii-iv-sezda-liderov-mir_1341999186

13. Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» // Астана, Акорда, 11 октября 2011 года. № 483-IV ЗРК // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690

14. Кипрская Церковь выступила с заявлением, посвящённым ситуации на Кипре. Православие и мир. 02.04.13 // <https://e.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=13654893790000000194&folder=0#readmsg?id=13655372520000000495&folder=0>

15. Компендиум социального учения Церкви. Русский перевод «Компендиума социального учения Церкви». Римско-католическая Архиепархия Божией Матери в Москве. – М.: Паолине, 2006. – 640 с.

16. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 9. Свобода мысли, совести и религии // <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>

17. Коран / перевод И.Ю. Крачковского. Предисловие П. Грязневича и В. Беляева. – М.: МНПП «Буква», 1991. – 527 с.

18. Косиченко А.Г. Ислам и демократия // Косиченко А.Г. Религия: сущность и актуальные проблемы / Под. Общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2012. – 220.

19. Кто может выносить решение из Корана и хадисов? <http://www.islamdag.ru/verouchenie/9866>

20. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с. – (Б-ка этич. мысли).

21. Митрополит Иларион. Доклад «Религиозный фактор в международных отношениях» в Московском государственном институте международных отношений (Университете) Министерства иностранных дел России. 23 октября 2013 года // <http://www.patriarchia.ru/db/text/3320088.html>

22. Назаров М.В. «Права человека» как орудие Нового мирового порядка // <http://www.zaistinu.ru/articles?aid=1386>.

23. Обращение участников III Съезда лидеров мировых и традиционных религий в Астане, 2009 г. // <http://www.religions-congress.org/content/blogcategory/20/34/lang.ru/>

24. Обращение участников IV Съезда лидеров мировых и традиционных религий, Астана, 30–31 мая 2012 года // http://www.akorda.kz/ru/page/obrashchenie-uchastnikov-iv-sezda-liderov-mirovykh-i-traditsionnykh-religii-astana-30-31-maya-2012-goda_1342000256

25. Олбрайт М. Религия и мировая политика. Пер. с англ. – М., Альпина Бизнес Букс, 2007. – 352 с.

26. Основные положения социальной программы российских мусульман // <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/islam/>

27. Основы социальной концепции Русской православной церкви. Архиерейский Собор 2000 года. – М.: Изд-во Московской патриархии, 2000. – 68 с. – С. 8.

28. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>

29. Ортега-и-Гасет Х. Дегуманизация искусства // Запах культуры / Хосе Ортега-и-Гасет; [пер. с исп.]. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 384 с. – (Философский бестселлер).

30. Открытое письмо Межрелигиозного совета России Комиссару Совета Европы по правам человека Томасу Хаммарбергу // <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=743>, 3 апреля 2008 года.

31. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Диалог цивилизаций должен вестись на равных // http://www.fap.ru/index.php?nt=hot_news&id=10687

32. Плата за отречение 06.04.2009 // <http://www.radonezh.ru/all/gazeta/?ID=2994>

33. Понкин И.В. Типология государств по критерию светскости // http://cddk.ru/gos_i_religia/analit/secul/006.htm

34. Преподобный Исаак Сирин. О Божественных тайнах и духовной жизни. Новооткрытые тексты. Пер. с сирийского, примечания и послесловие игумена Илариона (Алфеева). Издательство Зачатьевского монастыря. Москва 1998. Беседа 2. – С. 12.

35. Резолюция Международной научно-практической конференции «Христианские ценности в жизни общества и вызовы современности, проблемы социальной деформации». 28 февраля 2013, Запорожье // http://www.rokim.org.ua/news_print.php?1362408601

36. Резолюция ПАСЕ 1510 (2006 г.) «Свобода слова и уважение религиозных верований» // http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage

37. Рекомендация 1804 (2007)1 Государство, религия, светское общество и права человека // http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2007%5d/%5bJuin2007%5d/Rec1804_rus.asp

38. Рекомендация 1962 (2011) 1 «Религиозный аспект межкультурного диалога» // http://www.irs.in.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=934:1&catid=43:eu&Itemid=70&lang=ru

39. Родосская декларация 2009 года // <http://www.wpfdc.org/ru/news/news/203-rhodes-forum-2009>

40. Совет Европы и «Репортеры без границ» недовольны запретом пропаганды гомосексуализма среди детей России // <http://www.sedmica.orthodoxy.ru/567-21-06-13.php>.

41. Сотрудничество в противостоянии атеизму и моральной деградации // Сближение религий. Взгляд Шариата. // Современные фетвы // 4religions.com/index.php/20080802103/2008-08-03-00-01-20.html

42. Социальное учение Церкви – Агенда // www.agnuz.info.htm

43. Тибби Б. Является ли ислам политической религией? // <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/tib1.html>

44. Трунин П., Каменских М., Муфтяхетдинова М. Исламская финансовая система: современное состояние и перспективы развития. – М.: ИЭПП, 2009. – 88 с.: ил.

45. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с. – (Мыслители XX в.). – С. 73.

46. Французская Республика: Конституция и законодательные акты / Пер. с фран. – М.: Прогресс, 1989. – 448 с.

47. Хатами Мохаммад. Выступление на Саммите тысячелетия. Ген. Ассамблея ООН, 2000 г.

48. Чаплин Всеволод, протоиерей. Маленьких дел в очах Божиих не бывает. 31 декабря 2013 г. // <http://www.interfax-religion.ru/?act=radio&div=2068>

49. Шарипов А. Постмодернистский либерализм – панацея от исламофобии? // <http://www.islam.ru/pressclub/islamofobia/panaceya/>

50. <http://www.eastwestreport.org/53-russian/1-r19-2/425-2013-11-30-06-39-39>.

51. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml#content

52. <http://www.islamrf.ru/news/world/w-interview/9322>

**Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану
институты туралы мәлімет**

Институт 1999 жылдың ақпан айында 1958 жылы ашылған Философия және құқық институтының және 1991 жылғы Философия институтының негізінде құрылды. Ол 2012 жылдың мамыр айында ҚР Үкіметінің қаулысымен Философия, саясаттану және дінтану институты болып қайта аталды.

Институттың мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекеме ретіндегі негізгі міндеттері қазіргі қазақстандық қоғамның зияткерлік және рухани-адамгершілік әлеуетін дамытуға бағытталған философиялық-дүниетанымдық, философиялық-әдіснамалық, саясаттанулық, дінтанулық және әлеуметтанулық зерттеулер жүргізу болып табылады.

Бүгінде Философия, саясаттану және дінтану институты жоғары кәсіби ғылыми-зерттеу орталығы болып табылады. Институт оның құрылымын айқындайтын үш басты бағыт бойынша жұмыс істейді: философия, саясаттану және дінтану. Онда ҚР ҰҒА 1 академигі, 2 корреспондент мүшесі, 21 ғылым докторы, 12 ғылым кандидаты, 3 PhD докторы, 13 PhD докторанты және 7 магистрант ғылыми-зерттеу жұмыстарымен айналысады. Олардың ішінде 5 PhD докторан және 6 магистрант 2014 жылы «Ғылым Ордасының» базасында ҚР БҒМ ҒК ҒЗИ-нің әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-мен бірігіп жүргізетін ғылым мен білімнің интеграциясы жобасы шеңберінде магистратура мен докторантураға оқуға түсті.

Институт 2012–2014 жылдарға арналған «Елдің зияткерлік әлеуеті» басым бағыты бойынша гранттық қаржыландыру шеңберінде 24 ғылыми-зерттеу жобасын орындайды. «Ғылыми қазына» салааралық ғылыми бағдарламасы аясында зерттеу жұмыстарын және 2013–2015 жылдарға арналған «Қазақстан-2050» Стратегиясын ғылыми ілеспелеу бойынша Тақырыптық жоспар аясында зерттеулер жүргізеді.

Институт қызметкерлері саясат, ғылым, білім беру, мәдениет, дін, қазақ және әлемдік философия мәселелері бойынша монографиялар мен ғылыми мақалалар жариялайды. Институт қызметкерлерінің ғылыми жарияланымдары таяу және алыс шетелдердің ғылыми рейтингтік басылымдарында сұранысқа ие.

Институт «Мәдени мұра» бағдарламасының шеңберінде «Шығыс Аристотелі» – әл-Фарабидің шығармалар жинағын (10 том), «Әлемдік

философиялық мұраны» (20 том), «Қазақ халқының философиялық мұрасын» (20 том) шығарды.

Институт ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы бақылау комитеті ұсынған екі журнал шығарады: «Адам әлемі» (1999 жылдан бері) және «Әл-Фараби» (2003 жылдан бері). Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі Институттың өз сайты бар.

Институт үнемі халықаралық ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, семинарлар, пікірталас алаңдарын өткізіп тұрады. Бұл іс-шараларға қазақстандық және шетелдік ғалымдар қатысады. Институт Ресейдің, Беларусьтің, Әзірбайжанның, Қырғызстанның, Қытайдың, Германияның, АҚШ-ның, Түркияның, Иранның, Өзбекстанның, Тәжікстанның және басқа да елдердің ғылыми-зерттеу орталықтарымен тығыз ынтымақтастық орнатқан.

Философия, саясаттану және дінтану институтының базасында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Абай атындағы ҚазҰПУ, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, ХБА және т. б. жетекші қазақстандық жоғары оқу орындарының магистранттары мен PhD докторанттары тағылымдама мен зерттеу тәжірибесін өткізеді.

Институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми тұрғыда өсуі үшін барлық қажетті жағдайлар жасалған.

Философия, саясаттану және дінтану институты туралы анағұрлым кең ақпаратты мына мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010
Алматы қаласы, Құрманғазы көшесі, 29 (3 қабат)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

**Информация об Институте философии,
политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан**

Институт был образован в феврале 1999 г. на базе созданного в 1958 г. Института философии и права, преобразованного в 1991 г. в Институт философии. В мае 2012 г. постановлением Правительства он был переименован в Институт философии, политологии и религиоведения.

Основной задачей Института как государственного научно-исследовательского учреждения является проведение философско-мировоззренческих, философско-методологических, политологических, религиоведческих и социологических исследований, направленных на развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала современного казахстанского общества.

Сегодня Институт философии, политологии и религиоведения является высокопрофессиональным научно-исследовательским центром. Институт работает по трем ключевым направлениям, определяющим его структуру: философия, политология и религиоведение. Здесь проводят научные исследования 1 академик, 2 члена-корреспондента НАН РК, 21 доктор и 12 кандидатов наук, 3 доктора PhD, 13 докторантов PhD и 7 магистрантов. Из них 5 докторантов PhD и 6 магистрантов в 2014 г. поступили в магистратуру и докторантуру PhD НИИ КН МОН РК совместно с КазНУ им. аль-Фараби на базе «Ғылым ордасы» в рамках проекта интеграции науки и образования.

В Институте на 2012–2014 годы по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны» выполняется 24 НИПа в рамках грантового финансирования, ведется работа в рамках междисциплинарной научной программы «Ғылыми қазына», проводятся исследования в рамках Тематического плана по научному сопровождению Стратегии «Казахстан-2050» на 2013–2015 годы.

Сотрудниками издаются монографии и научные статьи по вопросам политики, науки, образования, культуры, религии, казахской и мировой философии. Научные публикации сотрудников Института востребованы в научных рейтинговых изданиях ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках программы «Культурное наследие» Институтом изданы собрание сочинений «Аристотеля Востока» – аль-Фараби (10 томов),

«Мировое философское наследие» (20 томов), а также «Философское наследие казахского народа» (20 томов).

Издаются два журнала: «Адам әлемі» (с 1999 г.) и «Аль-Фараби» (с 2003 г.), рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК. Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

Институт регулярно проводит международные научные конференции, круглые столы, семинары, дискуссионные площадки, в которых принимают участие казахстанские и зарубежные ученые. Институт тесно сотрудничает с крупнейшими научно-исследовательскими центрами России, Белоруссии, Азербайджана, Кыргызстана, Китая, Германии, США, Турции, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и других стран.

На базе Института философии, политологии и религиоведения проходят стажировку и исследовательскую практику магистранты и докторанты PhD ведущих казахстанских высших учебных заведений, таких, как КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, МАБ и др.

В Институте созданы все необходимые условия для профессиональной работы и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию об Институте философии, политологии и религиоведения можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010
Алматы, ул. Курмангазы, 29 (3 этаж)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

The Institute was established in February 1999 on the base of established in 1958 the Institute for Philosophy and Law, and the Institute for Philosophy in 1991. By the Decree of Kazakhstan Government in 31 May, 2012, Institute was renamed to Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The main objectives of the Institute as a public research institution are conducting of philosophical world outlook, philosophical-methodological, political studies, religion studies and sociological studies aimed at social-cultural and social-political development and strengthening the independence of Republic of Kazakhstan, development its intellectual and spiritual-moral potential.

Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies is a highly skilled scientific research center. Institute has a three key directions that define its structure: philosophy, political science and religion studies. Currently, scientific research works is conducted by 1 Academician, 2 Correspondent Member of the National Academy of Science of RK, 21 Doctors of Science, 12 Candidates of Science, 3 PhD doctor in Political Science, 13 PhD Students and 7 Master Students. In 2014 5 PhD students and 6 Master's students enrolled in master's and doctoral PhD training programs of SRI CS MES RK in cooperation with the al-Farabi Kazakh National University on the basis of the «Gylym Ordasy» within the frameworks of science and education integration project. 24 scientific-research projects within the framework of grant financing for 2012–2014 years on priority of «Intellectual potential of the country» are being conducted, also the works within the framework of interdisciplinary scientific research program «Gylymi kazyna» are being carried out in the Thematic Plan on scientific support of the Strategy «Kazakhstan-2050» for 2013–2015.

Institute employees publish the monographies and articles on important issues of politics, science, education, religion, culture, Kazakh and world philosophy, etc. The quality of scientific publications of the Institute is determined by the demand for scientific articles in rating' journals of near and far abroad.

Under the «Cultural Heritage» State Program ten-volume collection of works called «Aristotle of the East» – al-Farabi, twenty volumes «World philosophical heritage», twenty volumes «The Philosophical Heritage of the Kazakh nation», and other books were published by the Institute.

Institute publishes two magazines: «Adam alemi» and «Al-Farabi» recommended by the Committee for Control of Education and Science of RK that been published since 1999 and 2003. The Institute has its own website in three languages: Kazakh, Russian and English.

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies science regularly organizes international scientific conferences, seminars, round tables, where not only leading Kazakhstani political scientists and philosophers, but also many scientists from foreign countries are participants. Institute has cooperation with scientific-research centers of Russia, China, Germany, USA, Turkey, France, Great Britain, Iran, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus and others.

Undergraduate Master's degree and Doctorate students from leading Kazakh universities, such Al-Farabi KazNU, Abai KazNPU, Abylaikhan KazUIR&WL, IAB and others are conducting their research work and are trained at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The Institute has created all necessary conditions for professional and scientific development of employees.

More detailed information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies can be found at:

Republic of Kazakhstan, 050010
Almaty, Kurmangazy Street, 29 (3rd floor)
Phone: +7 (727) 272-59-10
Fax: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

Научное издание

Анатолий Григорьевич Косиченко

**ВОЗМОЖНОСТИ РЕЛИГИИ В СНИЖЕНИИ
УРОВНЯ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ СОВРЕМЕННОСТИ:
философско-политологический анализ**

Публикуется в авторской редакции

Компьютерный дизайн и верстка: ***Ж.А. Рахметова***

Подписано в печать 17.10.2014. Формат 70×100 ¹/₁₆
Усл. п.л. 12,5. Тираж 500. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии «ИП Волков А.И.»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1